

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ФИЛОЛОГИЯ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Часть I

Новосибирск, 2012 г.

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
Ф 51

Рецензент — к. фил. н. Бердникова Анна Геннадьевна (г. Новосибирск).

Ф 51 «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные вопросы и тенденции развития»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (16 апреля 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 124 с.

ISBN 978-5-4379-0071-0

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные вопросы и тенденции развития» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

ББК 71+80+85

ISBN 978-5-4379-0071-0

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
СТАРОРУССКАЯ ВОЕННАЯ ПЕСНЯ (X—XVII вв) КАК МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ Колесникова Надежда Александровна	6
ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА Миланченко Анна Олеговна	13
РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ Вандин Антон Юрьевич Барашев Михаил Анатольевич	17
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА Ермилов Александр Владимирович	21
СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ «ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА» Кедрик Татьяна Васильевна	27
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК АКТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ Джумабаева Акбота Сериковна	34
ВОЗРОЖДАЮЩИЕ НАЧАЛА АКСИОЛОГИИ ДОМА В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ Шемякина Мария Константиновна	38
АСПЕКТЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ Шемякина Мария Константиновна	43
Секция 2. Языкознание	47
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	47
РУССКАЯ НАИВНАЯ ЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА УЧЕНИЯ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Ли Валентин Сергеевич	47

АСПЕКТЫ ВАРЬИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» Бочарникова Ирина Вячеславовна	52
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ГОВОРАХ ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА Кузьмина Раиса Петровна	56
КОНЦЕПТ СТЫД В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Рыженкова Юлия Владимировна Гофман Татьяна Викторовна	60
УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Шарина Сардана Ивановна	65
2.2. Германские языки	68
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА CONSCIENCE / СОВЕСТЬ, СОДЕРЖАЩИЕ ЛЕКСЕМУ CONSCIENCE Заика Татьяна Васильевна	68
СТИЛЬ И СИНТАКСИС СТИХОТВОРЕНИЯ Ф. КЛОПШТОКА «DIE KÜNFTIGE GELIEBTE» Гончарова Мария Вячеславовна	72
АМБИВАЛЕНТНАЯ ФУНКЦИЯ ОБОСОБЛЕНИЙ В СВОБОДНЫХ РИТМАХ Ф. ГЕЛЬДЕРЛИНА И Р. М. РИЛЬКЕ Гончарова Мария Вячеславовна	75
ОСОБЕННОСТИ ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ Анисимова Ольга Борисовна Назарова Ирина Павловна	78
ВАРИАТИВНОСТЬ НА ГРАФОФОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫХ ВАРИАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В ПОДСИСТЕМЕ ГЛАСНЫХ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕНИЖНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ЖИВОТНОГО ЭПОСА «РЕЙНКЕ ЛИС» (РОСТОК, 1539) Цапаева Сабина Юрьевна	83

2.3. Романские языки	94
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ТРЕХ ЯЗЫКАХ: АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ Тухватуллина Индира Альбертовна	94
2.4. Теория языка	98
ПОНЯТИЕ РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКЕ Кобозева Мария Андреевна	98
ВЗАИМОСВЯЗЬ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА С ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕКИПЧАКСКОГО ЯЗЫКА Куркебаев Кенжетай Курманбаевич	101
КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕКСТА Яровенко Елена Александровна	108
АССОЦИАТИВНАЯ СТРУКТУРА КОСМОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ Ордабекова Хафиза Арысбаевна	111
2.5. Прикладная и математическая лингвистика	119
МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД. ОСОБЕННОСТИ ЭИ СПОСОБНОСТИ МАШИННОЙ ПРОГРАММЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Назарова Ирина Павловна	119

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

СТАРОРУССКАЯ ВОЕННАЯ ПЕСНЯ (X—XVII ВВ) КАК МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Колесникова Надежда Александровна

кандидат культурологии, педагогический колледж № 14 г. Москва

E-mail: nadin-kolesnikova@yandex.ru

Современное состояние социальной жизни с точки зрения стратегической перспективы нельзя не оценить как кризисное. И ядром системы воспроизводства этого состояния является, как показывает социология духовной жизни, не экономика, не политика, а духовная жизнь или кризис духовной жизни. Преодоление этого кризиса связано, прежде всего, с духовным оздоровлением общества, с переходом к новому качеству обменных процессов в социальной системе. И в этом смысле сохранение и изучение военной песни может сыграть большую роль. Именно в этом песенном жанре наблюдается наиболее высокая концентрация таких содержательных смыслов, как патриотизм, любовь к Родине, идея самопожертвования во имя Отчизны. Именно в рамках этого жанра происходит наиболее глубокое осмысление проблем жизни и смерти, дружбы и предательства, победы и потери, любви и ненависти.

Военная песня всегда была явлением консолидирующим, объединяющим нацию и в этом ее огромная сила. Но, помимо масштабных смыслов, военная песня несет в себе заряд бодрости и оптимизма, гамму лирических чувств, обостренных разлукой и возможностью смерти. Все это непреходящие духовные ценности, осознаваемые и разделяемые многими поколениями. Именно они никогда не потеряют своей актуальности.

Следовательно, изучение военной песни является актуальной и важной проблемой современности. Актуальность проблемы усиливается потенциальной возможностью, заложенной в военной песне, к предотвращению личностного распада, к формированию чувства сопричастности

к огромному историческому пласту предшествующих поколений, к разделённости исторической судьбы с предшествующими поколениями.

Истоки и традиции отечественной военно-песенной культуры уходят своими корнями в далекое прошлое. Сегодня крайне затруднительно определить дату рождения первых военных песен, да вряд ли это необходимо делать. Для нас более значимым является сам факт существования и развития военных песен, как в далеком прошлом, так и в настоящем. Одна из главных тем древнерусской военно-песенной культуры — это героико-патриотическая тема, истоки которой в песне уходят далеко вглубь веков. История сохранила песни, сказания, предания, былины, посвященные описанию событий, происходивших на русской земле, подвигов русских богатырей в их борьбе с иноземными завоевателями. В основном дошедшие до нас образцы песенной культуры отражают огромное желание русских людей защитить свою независимость, отстоять свои территории. По песням этого времени уже можно проследить формирование черт национального характера русского человека. В них воспета сила и мужество, отвага и преданность Родине, грусть и печаль по поводу утраты человеческой жизни. Ни в одной военной песне нет презрения к врагу, нет ненависти, есть только сожаление о его участи и уверенности в своей победе.

Самые первые упоминания, связанные с исполнением и культивированием песен в славянских воинских ратях и дружинах, мы находим у византийских историков, которые почтительно величали славян «песнолюбивыми», а один даже поведал печальную историю о том, как однажды греки сумели победить славян только потому, что те «усыпили себя песнями и не взяли никаких мер предосторожности» [3, с. 45].

Со временем в каждой княжеской дружине вошло в обычай иметь своего «штатного» певца-сказителя. В его обязанности входило «вести поэтическую летопись князя». Певцы-дружинники участвовали во всех его походах и увеселениях, делили с ним горе и радость. Они слагали в честь князя и его славной дружины величальные песни-славы, вспоминали были давних лет. Имена их знали повсюду. Народ любил таких певцов-сказителей и лучших из них называл «словутными», то есть прославленными, известными. По-видимому, одним из таких певцов-сказителей и был гениальный создатель бессмертного «Слова о полку Игореве» [3, с. 86].

Добрыня Никитич, Илья Муромец и Алеша Попович — все главные герои дошедших до нас замечательных эпических песен-былин, родившихся в пору расцвета Киевской Руси, — «наделены не сановным происхождением, княжеским величием и статью, а чертами близкими самому народу, — мудростью и ловкостью, силой и храбростью, бодростью и оптимизмом» [2, с. 15].

Былинные герои не теряются перед опасностью, нахлынувшая беда не застаёт их врасплох, и подвиги свои они творят не корысти ради, а во имя справедливости и мира, ради самой Руси и ее народа [2, с. 32].

Таким образом, несмотря на то, что у нашего народа долгое время не было письменности (музыкальная появилась еще позднее), народная память с давних времен бережно сохранила немало песен, в которых воспевается славное боевое прошлое нашей Родины, наиболее яркие и значительные события ее военной истории, боевые традиции и ратные подвиги русских воинов и различные стороны их жизни и быта, то есть все то, что мы объединяем в понятие военная песня [3, с. 39].

Идея защиты Родины, служение ей на «заставе богатырской» — главное тематическое зерно былинно-песенного эпоса. Герои этих эпических песен, сказаний, былин носили вполне реальные черты. Пели же их, как правило, под аккомпанемент гуслей или какого-либо другого инструмента. Передаваясь из уст в уста, от поколения к поколению талантливыми рассказчиками и сказителями, шлифуясь подобно драгоценным алмазам, многие из них дошли до наших дней как древнейшие образцы музыкально-песенного творчества народа, и воскрешают в памяти живущих славные дела и подвиги предков. Они легли, к примеру, в основу «Повести временных лет» — первой дошедшей до нас рукописной истории нашей страны.

Следует отметить, что в древности было распространено чтение нараспев. Даже законы слагались стихами и распевались под звон струн «молодым людям на послушание, а старым для памяти» [2, с. 53].

Обычай исполнения текстов в музыкальном сопровождении не является чисто русским национальным обычаем. Подобное исполнение мы знаем из истории античного мира, но на российской земле он получил наибольшее распространение и существовал длительное время. Это стало возможным благодаря особой музыкальности славянской нации, ее лирической интерпретации любых событий, в том числе и военных, желанием усилить музыкой эмоциональное воздействие поэтического текста. В этой связи следует отметить, что военные песни, служили основой для формирования таких черт национального характера, как мужество, сила, стойкость, дружелюбие, терпимость к соседним нациям. Происходило это потому, что бытовали военные песни не только в дружине, но и в быту, в обычной жизни славян, где эти два понятия были тесно связаны друг с другом.

Стряхнув татарское иго, Русь должна была еще долго бороться с остатками разбитых орд, занимавшими ее степные окраины. Памятником этому осталась чрезвычайно поэтическая песня о раненом воине — тяжела доля раненого бойца, забытого среди дикого поля: голод, жажда, звери и свирепый враг грозят ему и не с кем поделиться горькой думой, кроме верного ратного товарища, удалого коня. Конь бьет копытом в сырую землю, хочет сvezти раненого хозяина к его семье. Но тот уже не

имеет силы сесть в седло и, прощаясь с конем, просит его снести привет родным... Смерть близится к витязю... Предсмертная тоска леденит его душу:

Уж как пал туман на сине море,
А печаль-тоска в ретиво сердце...
Не вставать туману с синя моря,
Не выйти тоске из сердца вон [1, с. 216].

Этими образными, полными красоты и чувства строками заканчивается песня. Видно, певцу была близко знакома описываемая картина и он обладал сильным дарованием, созревшим среди борьбы с людьми и природой.

Немало песен сложено и о взятии Казани Иваном Грозным. В каждой из них радость победы, рассказ о русской удали и смекалке, об отношении царя к воинам, о подвиге воинов. В итоге песен говорится о покорении Казани, где прославляется не только победа, но и сама русская земля, которая называется святой, любимой Богом. Песенниками закладывалась в умы людей идея любви к Родине, идея избранности России, ее миссианской роли, ее богоизбранности.

Вечно быть нашей Казани под святой Русью,
Под святой Русью непобедимою,
Непобедимою, Богом любимою! [4, с. 2].

Эти строки звучат как наказ всем будущим поколениям, как своего рода пророчество или заклинание, как идея, которую необходимо внушить в сознание людей, нести будущим поколениям и с ней дальше жить.

Более спокойно и взвешенно звучит песня о тех же событиях, сложенная в Вятской губернии. Здесь нет пафоса, нет концовки, нет заклинания. Есть только простой рассказ о событиях, практически не украшенный мнением автора. В этой песне, с одной стороны, царь предстает великодушным, благодарным государем, но, с другой, можно сделать вывод о том, что ратники были в неволе, так как самой дорогой наградой для них была возможность быть отпущенным на родную сторону. Редко кто из них мог прямо высказать царю свое заветное желание. А песня позволяла это сделать безнаказанно, тем самым она служила средством компенсации за невозможность реальных действий, средством высказывания мечтаний и, тем самым, средством виртуального достижения желаний.

В песне о взятии Казани, сочиненной в Пермской губернии, внимание концентрируется на образе царя, на показе его лучших качеств, таких, как заботливость о воинах, любви к армейскому человеку.

Теперь наш государь привозрадовался,
Приказал наш государь пушкарей своих дарить,

Всем пушкарям по пятнадцать рублей,
Одному пушкарьчику пятьсот ему рублей;
За то ему пятьсот: к царю близко подходил,
К царю близко подходил, ему речи говорил [4, с. 581].

Песня явно не оконченная, в ней нет итога, возможно, его и просто нет, но не исключено, что просто не сохранен текст, не дошел до наших дней. Но мысль о благодарности царя своему войску прослеживается достаточно уверенно, что призвано внушить любовь к своему государю, а следовательно, и готовность отдать жизнь за него и за Отечество.

Песня Оренбургской губернии о взятии Казани написана в традиционной былинной манере, что придает ей особый колорит, особую привлекательность. Именно песни, сложенные в былинной манере, призваны были возродить дух былых времен, представить неразрывную связь с прошлым, напомнить о подвигах и победах предков.

Как от сильного Московского царства
Что не сизый орлище встрепенулся,
Что не грозная туча поднималася,
На Казанское царство наплывала [4, с. 92].

В традиционном зачине отмечено, что Московское царство было сильным, могучим. И уже с первых строк в песне ощущается надежда воинов на победу. Именно Московское царство выступает захватчиком. Но автор не относится к этому факту отрицательно, он уверен в правоте действий царя, и ни у кого не вызывает сомнений верность его действий. Автор оправдывает захватнический поход, преподносит его как подвиг, как необходимость. Это уже идеологический момент, вселить уверенность в правоте действий государя, в необходимости ему помогать. Можно сделать вывод, что уже в этот исторический период, сила — силой, а необходимы были и другие методы воздействия на сознание людей, на формирование их мировоззрения. И в качестве такой силы выступала военная песня.

Уверенно и убедительно звучит песня о набегах Крымского хана, сочиненная в Московской губернии.

А не сильная туча затучилася,
А не сильнии громы грянули:
Куда едет собака Крымской царь?
А ко сильному царству Московскому:
А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдем, Рязань возьмем [4, с. 244].

В этой песне ощущается уверенность в победе, в правоте помыслов, даже какая-то лихость устремлений. Несмотря на то, что для иноземного царя подбирается нелестный эпитет, его называют

«собакой», в песне не прослеживается ненависти к врагу, и в этом отражаются черты русского характера.

Нашла свое отражение в песнях и Осада Пскова Польским королем. Так, в песне Олонецкой губернии повествуется о решимости русских воинов не сдаваться без боя, защищать свои территории. Здесь же показывается и сила князей, на ум, силу и находчивость которых и надеется войско.

И отрицают воеводы московские:
«Что не даем мы вам граду без бою,
И без бою, без драки великия,
Без того кровопролития немалыя;
Уповаем на Пресвятую Богородицу,
Не даст вам собакам на поруганье!
Тут сидят три милые братцы названные:
Михайло Скопин сын Васильев князь,
Борис Петрович Шереметьев князь,
Микита Вольхонской Романович князь» [4, с. 251].

Особой лиричностью и проникновенностью пронизан «Плач войска» по поводу смерти Ивана Грозного.

У Ивана было у великого
У собора было у Успенского,
У честной-славной заутрени,
Молодой сержант на часах стоит,
На часах стоит Богу молится,
Горючими слезами заливается:
«Ты возьмой-возьмой, туча грозная,
Ты пролей-ка част-силен дождичек
Примочи-ка ты мать сыру землю!
Разступись-ка ты, мать сыра земля,
На четыре ты на все стороны!
Раскройся-ка, гробова доска,
Рапахнись-ка ты, бел-тонкой саван,
Ты возстань, возстань, православный царь,
Царь Иван Васильевич!» [4, с. 470].

Неподдельная любовь к царю, горечь его утраты, беспокойство по поводу своего будущего. Войско осиротело, потеряло уверенность в будущем, и поэтому можно сделать вывод о единствах помыслов царя и воинов, об их понимании и поддержке друг друга.

В вечной войне протекала история русского царства, почему и песни вновь создавшейся постоянной военной силы полны жалоб на тяготу службы на степных заставах:

Спаси, Боже, службы тяжкой зимовой...
Подай, Господи, службу легкую, весеннюю... [4, с. 659].

С незапамятных времен социокультурное значение военной песни неизменно связано с армией, где она является неизменным атрибутом. Со временем расширяется диапазон ее значения.

Военная музыка и военная песня в современном понимании этого слова возникли у нас не ранее XVIII в. Становление и расцвет традиционных жанров военной песни приходится на XVIII в., что связано с созданием в России регулярной армии.

Петровская армия, созданная его могучей волей, не имела ничего общего с прежним патриархальным строем русской жизни. Одетая, вооруженная по-новому, она и одухотворялась новыми взглядами, проводимыми царем, и, отрешившись от всего старого, выработала свои собственные формы жизни и идеалы. В то время народ, смущенный крутыми реформами Петра, относился к нему недоверчиво, солдаты же, избавленные от лихоимства и произвола начальников, увлеченные блестящими победами, одержанными благодаря его гению, смело шли за ним.

Но говоря о создании регулярной армии Петром, о появлении нового типа военно-песенной культуры, нельзя не вспомнить и тот урон, который он нанес солдатской песне. После разгрома стрельцов, когда наиболее активные из них погибли на плахе, а остальные изгнаны на дальние окраины, самое название их было уничтожено. Вместе с ним обрывается и первый, старорусский период солдатской поэзии и она вступает в новую фазу.

Из множества наблюдений и мыслей о роли и месте песенного творчества, принципах его восприятия и особенностях воздействия, выделим главное: в художественной летописи народа, которая, наравне с научной, составляет главный остов общественного сознания, военная песня выступает как источник исторического и социального знания.

Военная песня — безусловное достояние каждой нации. В настоящее время именно в этом пласте песенного творчества сосредоточен огромный потенциал, позволяющий предположить, что военная песня вполне способна стать стержнем в духовном обновлении нации, в ее духовном оздоровлении.

Список литературы:

1. Исторические песни. — М., 2001. — 216 с.
2. Кузьмин А. И. Военная героика в русском народно-поэтическом творчестве. — М., 1987. — с. 15, 32, 39, 53.
3. Кулаковский Л. В. Песнь о полку Игореве: Опыт воссоздания модели древнего мелоса. — М., 1977. — с. 45, 86.
4. Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. — Петроград, 1915. — с. 2, 92, 244, 251, 470, 581, 659.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Миланченко Анна Олеговна

*аспирант Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита
E-mail: annamilanchenko@mail.ru*

Сегодня ряд стран (Западной Европы, США, Япония и др.) ступили на очередную стадию культурного развития. Одни ученые называют ее «новой волной» [10], другие «посткапиталистическим» [4], третьи «технотронным» [2], четвертые информационным обществом. Мы же в свою очередь придерживаемся теории постиндустриального общества, согласно которой каждому типу культуры соответствуют определенные сферы общественного воспроизводства: доиндустриальному — «первичная сфера» (сельское хозяйство), индустриальному — «вторичная» (промышленность), постиндустриальному — «третичная сфера» (услуги, в том числе наука и образование) [1]. Мы выделяем следующие черты постиндустриального общества: ценностное отношение к труду, направленного не только на приумножение материального блага, а в первую очередь призванного совершенствовать собственный потенциал трудящегося, удовлетворять его потребность в самовыражении, высвобождать творческий потенциал, а также помочь достигнуть его внутренней гармонии; преобладание идей антропоцентризма (высокий уровень человеческой свободы, подразумевающей естественные права человека, в том числе возможность выбора и реализации исхода событий, творческую свободу и пр., ценность человеческой индивидуальности, принцип меритократии, согласно которому добиться успехов в карьере можно при помощи выдающихся способностей, уровня образования и т. д., а не за счет социального происхождения и финансового статуса); увеличение роли знания и информации; интенсивный характер экономики, характеризующийся достижением более качественным путем совершенствования факторов производства — прогрессивными средствами производства, более экономичным использованием природных ресурсов, постоянным повышением квалификации работников, современной организацией производства, использованием новейших технологий, высококачественной конкурентоспособной сферой услуг и производства товаров гражданского потребления, обменом знаниями и их взаимной оценки, узкими производственными и коммерческими решениями и т. д.; высокий уровень доверия; урбанизации; жизни граждан; высокое значение науки и образования; наличие экологического сознания; уменьшение ролевых различий по

культурному, социальному, религиозному, расовому, национальному, половому и др. признакам и пр. Остановимся подробнее на последней черте постиндустриальной культуры, под которой мы подразумеваем терпимое и уважительное отношение к Другому или толерантность.

Впервые в научный оборот понятие «толерантность» ввел в XVIII веке Дестют де Траси, обозначая «терпеливость» [6]. В России понятие толерантности стало употребляться в либеральной печати с середины XIX века в позитивном смысле. С середины 30-х гг. XX века это понятие исчезло из политической лексики по понятным причинам. Так, в «Большой советской энциклопедии» издания 1956 года этот термин еще отсутствует, а в издании 1977 года приводится только его естествен-нонаучное значение. В российской научной литературе понятие толерантности вновь появилось в начале 90-х гг. XX века. Оно полностью отождествляется с понятием «терпимый» — способный, умеющий терпеть что-нибудь чужое, мириться с чужим мнением, характером и т. п.), также как в большинстве иностранных языков [там же].

В словаре по этике под терпимостью понимается «моральное качество, характеризующее терпимое отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам в поведении других людей» [7, с. 218].

В Философском энциклопедическом словаре толерантность определяется как «терпимость к иному рода взглядам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций, религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другой точкой зрения и не избегает духовной конкуренции» [10, с. 304].

В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность — это «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Толерантность — это, прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Толерантность — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека» [6].

Автор книги по межкультурной коммуникации А.П.Садохин под толерантностью понимает «терпимое и снисходительное отношение к чужим мнениям, верованиям, поведению, обычаям, культуре, чувствам и идеям [5, с. 301].

Итак, наша задача — определить, почему же толерантность является неотъемлемой чертой постиндустриальной культуры. Для начала определимся, что аграрную и индустриальную стадии развития общества относят к традиционному типу культуры, а постиндустриальную — к инновационному или современному.

Традиционное общество характеризуют следующие черты: консерватизм, стабильность, неукоснительное следование образцам поведения, высокий уровень нормативности, религиозно-мифологическое мышление, господство коллективистского и конформистского духа, традиционность, ксенофобия (неприязнь и нетерпимость ко всему чужому, иноземному, пришедшему из другой культуры). В силу данных особенностей традиционного общества никакой речи о толерантности идти не может. Как правило, такие культуры очень закрыты, а любые попытки расширить их границы заканчиваются неприязнью, страхом, неприятием или отчуждением.

Основными чертами инновационной или постиндустриальной культуры являются восприимчивость к новациям, динамизм, ослабление нормативности, индивидуализм, синкретизм, плюрализм, многообразие, быстротечность, новизна. Процесс постиндустриализации проходит параллельно с процессом глобализации. Стирание географических, информационных, культурных границ между странами подразумевает не утрату национальных культурных особенностей, а уникальную возможность познакомиться с культурами других стран, воспринять от них что-то новое, работать, отдыхать в другой стране, общаться без каких-либо стереотипных ограничений с представителями других культур и пр. Данный процесс невозможен, если общество не будет обладать высокой степенью терпимости и уважения к другим. Американский социолог, основоположник теории постиндустриального общества Д. Белл отмечает, что сегодня возникает существенные различия в концепции культуры: преэстетивность и традиция являются базой для прежней концепции культуры, а многообразие и синкретизм — для современной [1, с. 254]. «...Революция в средствах передвижения и связи, превратившее мировое общество в одну огромную Ойкумену (Вселенную), означала распад старых замкнутых культур и слияние всех существующих в мире традиций искусства, музыки и литературы в новое, вселенское вместилище, доступное для всех и обязанное своим существованием всем. Уже это расширение горизонта, смешение отдельных искусств, поиски «нового», будь то путешествие с целью открытий или снобистское стремление чем-то отличаться от других, само по себе представляет создание нового типа модернити» [там же].

Д. Трубицын, исследуя проблемы модернизации России и стран Востока, приходит к выводу, что одним из свойств современного

общества является как раз толерантность. «Данное неотъемлемое качество культуры модерна связано с доминированием ценностей мультикультуризма и признанием Другого в социокультурной практике. Преодоление этого атавизма представляет собой значительное общественное достижение, а показателем модернизации общества становится именно отношение к инаковости» [9, с. 327-328]. Ученый уверен, что «Негативная мобилизация свидетельствует, прежде всего, о том, что в обществе доминирует маргинальная масса, склонная не решать собственные проблемы, а объяснять их наличием «врага»» [там же]. «Признание норм, ценностей и установок других групп, критическое осмысление культурных стереотипов, осознание относительного характера ценностей собственной культуры и умение взглянуть на себя «со стороны» есть необходимые условия развития. В то же время страх перед изменениями, критикой, креативностью, недоверие к новому (а «новое» в странах «догоняющей» модернизации приходит главным образом со стороны) способны постепенно привести общество к краху» [там же] — считает Д. Трубицын.

Кроме того, под толерантностью в инновационном обществе подразумевается не только терпимость к иным расам, нациям, культурам, но и, например, к женщинам, представителям нетрадиционной сексуальной ориентации, людям различных возрастных категорий и социальных слоев, лицам, имеющим ограниченные физические возможности или заболевания, приверженцам тех или иных религиозных, политических, идеологических взглядов и мн.др. То, что такие люди чем-то отличаются от магистральной культуры ни в коем случае не отнимает у них возможности быть полноправными членами общества и субъектами культуры. В постиндустриальном обществе женщина имеет полное право принимать активное участие в жизни страны наравне с мужчинами, гомосексуалист может добиться больших успехов в бизнесе, слепой человек свободно осваивать новейшие компьютерные технологии, ребенок выбирать учебную программу в школе и т. п. Наряду с другими условиями, толерантность является неотъемлемым признаком постиндустриального общества. Страна, которую характеризуют ксенофобия, нетерпимость, этноцентризм, дискриминация и т. д. не может претендовать на полноценную постиндустриализацию.

Список литературы:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: 1999.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Пер. с англ. Уральской О. Ю. — М.: Международные отношения, 1999.

3. Декларация принципов толерантности. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.tolerance.ru/declar.html>
4. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М.: — «Логос», 2000.
5. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. — М: Высш. шк., 2005.
6. Семашко М. А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках // Письма в emissia.offline. — 2007. [электронный ресурс] - Режим доступа. — URL: <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm>
7. Словарь по этике. М., 1989.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Аст, 1999.
9. Трубицын Д. В. Модернизация России и стран Востока: опыт философской интерпретации / Д. В. Трубицын. — Новосибирск: Наука, 2010.
10. Философский энциклопедический словарь. М., 2003.

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Вандин Антон Юрьевич

*магистрант ВлГУ имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир
E-mail: fred-00@mail.ru*

Барашев Михаил Анатольевич

*канд. ист. наук, декан исторического факультета ВлГУ
имени А. Г. Н. Г. Столетовых, г. Владимир
E-mail: mb@mlb.elcom.ru*

Традиционно семья понимается, как группа людей связанных между собой отношениями брака, органически соединяющих в своей совместной деятельности единство самых различных отношений: естественно-биологических (половые отношения, рождения детей), экономических (имущественные отношения, ведение домашнего хозяйства), правовых (государственная регистрация брака, вопросы наследования материальных ценностей), моральных (чувство привязанности между супругами, родителями и детьми, взаимопомощь...), обеспечивающих эстетические потребности группы, религиозные, определяющие систему культурных ценностей в этой группе и обществе целом, частью которого эта семья является. Характер брачно-семейных отношений, в конечном счете, определяется спосо-

бом производства и господствующими в обществе материальными производственными отношениями. Не удивительно, что формы семьи изменялись в ходе развития общества. Так для первобытно-общинного строя была характерна групповая семья, в которой все мужчины одного рода оказывались потенциальными мужьями всех женщин другого рода. Постепенно из группового брака были исключены сначала родители и дети, а потом братья и сёстры. Так в рамках групповой семьи возникла парная семья, которая сначала была слабой и неустойчивой. Но с развитием производственных отношений, утверждением частной собственности возникла моногамная семья.

Господство мужа в такой семье и рождение детей, которые должны наследовать его богатства — вот цель моногамной семьи в классовом обществе. Значимость форм семьи и системы семейных ценностей зависит от общего изменения исторических условий жизни всего общества. До недавнего времени, в период расцвета СССР, когда существовала социалистическая собственность на средства производства, большую роль в формировании «социалистической ячейки общества» — семьи играли установление между полами равенства во всех областях общественной жизни (предоставление женщине равного с мужчиной права на труд и на равную его оплату, права избирать и быть избранной во все органы государственной власти, права на образование, социальное обеспечение и отдых). При этом основным в отношениях между членами семьи становится общность интересов, взаимопомощь, взаимоуважение. Хотя, нужно заметить, что семейные отношения в этот исторический период в жизни России не были свободны от конфликтов, связанных с материальными трудностями, личной бытовой распущенностью, эгоизмом, усилением эксплуатации женщины, т. к. она должна была быть передовиком на работе, при этом не устать и в полной мере осуществить свои материнские функции (родителя, воспитателя, материального обеспечителя) и функции жены (биологически-физиологические, домработницы, добытчицы средств для семьи и т. д.). Однако и в период развития буржуазных производственных отношений семья не была идеальной. В настоящее время проблемы семьи в России определяются не только общемировыми тенденциями, характерными для развитых капиталистических стран, но и спецификой переживаемого в современной России исторического периода развития. Так же, как происходит трансформация всех сфер жизнедеятельности общества в целом, так же трансформируется и сама семья в нашем кризисном обществе, так же трансформируются и ценностные установки современной личности. С распадом СССР, в ситуации негативных социально-экономических преобразований семья и человек в 90-е и 2000-е годы ушли из перечня главных проблем для нового государства. Не получив поддержки институт семьи стал трансформироваться. Моногамия всё больше стала

утрачивать свой пожизненный характер, заменяясь правом вступления в повторные браки. Повсеместно регистрация брака стала терять свою актуальность, всё больше и больше получает распространение сожителство двух половых партнеров, так называемый гражданский брак. В результате этого стала распадаться слитность, целостность брачного, сексуального и репродуктивного поведения. На данном историческом этапе ценностно-приоритетным для личности является материальное обеспечение, а потом уж возникает вопрос создания семьи и наследования нажитого. Материально обеспеченная женщина чаще стремится к независимости и становится матерью-одиночкой. А медико-биологические возможности нашего времени, позволяющие себе обеспечить потомка за деньги, формируют такое социальное явление как отец-одиночка.

Большинство же потенциальных родителей, не относящихся к богатому сословию в России, не уверены в своём будущем, не уверены, что смогут обеспечить своих детей «крышей над головой», не уверены, что могут дать достойное образование, сознательно отказываются от рождения ребёнка вообще или второго и т. д. ребёнка. Отсюда существенное снижение показателей рождаемости в сочетании с повышением уровня внебрачной рождаемости, роста показателей разводов и абортотв. То есть меняются ценностные приоритеты личности и семьи.

В последние годы государство обратило внимание на институт семьи. Появились пособия на второго ребёнка в размере 300 тысяч рублей, индексируемые в зависимости от инфляции, стали давать землю под строительство жилья многодетным семьям, но как показывает жизнь, для возрождения семьи с её семейными традиционными ценностями этого не достаточно. Современному государству и обществу РФ нужно осознать, что молодая семья находится под постоянным грузом материальных и жилищных проблем, постепенно отодвигающих на второй план семейные ценности, которые со временем могут быть заменены личными — внесемейными ценностями, что вполне может привести к распаду семьи. В современных условиях семья переживает сложный и неоднозначный период в своём развитии.

С точки зрения формы мы имеем семью полную малую (ограничена наличием матери, отца, детей), расширенную (кроме матери, отца, детей присутствуют представители старшего поколения: бабушки, дедушки и т. д.), неполную (мать и ребёнок или отец и ребенок). По структуре, по-моему мнению, можно выделить семью: с гетеросексуальной связью родителей, гомосексуальной связью родителей, приёмную семью (полную, неполную, малую, расширенную), семью, где есть суррогатный родитель, семью, где есть родители-разведенцы с детьми от предыдущих браков. По содержанию семью можно подразделить: на семью с зарегистрированным браком родите-

лей, гражданскую семью (без официальной регистрации в госучреждении), патриархальную, матриархальную, копромиссно-независимую между мужем и женой). По экономической составляющей можно выделить семью экономически самообеспечивающуюся, нуждающуюся в экономической помощи государства, находящуюся на полном экономическом обеспечении государства (неработающие родители-инвалиды). По культурной составляющей можно выделить семью, придерживающуюся традиционных взглядов, осуществляющую передачу традиций следующему поколению, и таким образом, обеспечивающую его социализацию и развитие или нет.

Мы видим, что институт семьи находится в тесной зависимости от процессов, происходящих в обществе и государстве, и меняется под воздействием социально-экономических факторов и внутренних процессов. Поэтому только понимание того, какое государство мы строим, какие государственные и общественные вопросы мы хотим решать для достижения цели, так будет и трансформироваться семья, как социальная группа с определённой системой родственных или неродственных отношений, задачей которой будет воспроизведение или невоспроизведение потомства, обучение и развитие социальных и индивидуальных качеств личности или отсутствие их, осуществляющей определённую экономическую деятельность или не осуществляющей, несущей определённую правовую ответственность или нет, а также транслирующую культурное наследие этнических норм и традиций для социализации новым поколениям или нет. Роль института семьи современной России в формировании ценностных установок современной личности может вполне стать национальной идеей. И как мы справимся с назревшими проблемами будет зависеть жизнеспособность и перспективы развития государства и общества в целом.

Список литературы:

1. Выжлецов Г. П. Духовные ценности и судьба России // Социально-политический журнал. 1994. — № 3—6.
2. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентации в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социс. 2002. — № 1.
3. Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально—политический журнал. 1996. — № 6. — С. 83—84.
4. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. — 270 с.
5. Гусейнова Л. А. Ценностные ориентации: тендерный аспект // Социс. — 1999. № 5.
6. Ивченко Е. Г. Духовные основы русской семьи. Ростов - на - Дону, 1996. — С. 110.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Ермилов Александр Владимирович

специалист, г. Воронеж

E-mail: dinodas@mail.ru

Молодежный туризм неотделим от процесса познания. Он предоставляет возможность путешественнику удовлетворить его непосредственный интерес к новым фактам, занимательным явлениям, стремление к позитивному эмоциональному переживанию, связанному с получением новой информации.

В отличие от развлекательного, культурно-образовательный туризм позволяет участникам туров более глубоко ознакомиться как целой культурой отдельных народов, так и с отдельными ее проявлениями. Познавательный туризм является выражением стремления человека расширить свой кругозор, составить представление о том, как живут другие страны и народы, каковы их достижения в науке, искусстве, технике и быте.

Цели путешествия рассматриваются как важнейшие составные элементы системы туристской деятельности. Они определяют компоненты спроса, основу выбора поездки и программы тура. Как правило, мотивы практически всех видов путешествий, так или иначе, связаны с познанием мира, людей, приобретением нового жизненного опыта. В планировании или непосредственно в ходе познавательного путешествия туристам может быть предложено освоение какой-либо обучающей программы. В этих случаях можно говорить об организации культурно-образовательного туризма. Такие программы не обязательно связаны с профессиональной деятельностью туриста, но отвечают его личным интересам.

Культурно-образовательный туризм еще называют экскурсионным. По закону «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» экскурсантом является «лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в познавательных целях на период менее 24 часов без ночевки в стране (месте) временного пребывания и использующее услуги экскурсовода (гида), гида-переводчика» [6]. Если такое путешествие длится больше суток, это уже и есть культурно-образовательный туризм, то есть вид туризма, главной целью которого является осмотр достопримечательностей, а главной особенностью — насыщенность поездки экскурсионной программой.

При этом, поскольку сама по себе экскурсия может быть включена в программу практически любого путешествия, культурно-образовательный туризм тесно переплетается с другими видами туризма. Например, по своему содержанию в основном культурно-образовательными являются автобусные туры. Круизы, как правило, предполагают увлекательную экскурсионную программу. Если речь идет о культурно-образовательной поездке по святым местам, такой тур является одновременно и экскурсионным, и религиозным. Если целью путешествия является знакомство с культурой, обычаями и нравами местных народов, то такой тур можно одновременно считать и экскурсионным, и этнографическим. То, что объектами туристского показа могут быть не только историко-культурные, но и природные достопримечательности, роднит культурно-образовательный туризм с экологическим.

Важными направлениями международного культурного обмена настоящего времени являются международные связи в сфере образования, особенно его высшей ступени. Современный исследователь А. С. Погодина в своей статье «Современные процессы интернационализации в формировании единого образовательного поля Европы» отмечает, что для студенческого контингента традиционно свойственны мобильность и коммуникабельность, стремление к переменам мест и путешествиям, постоянный поиск новых знаний и информации [5, с. 34]. В связи с этим образовательные международные контакты следует рассматривать как один из наиболее динамично развивающихся и перспективных аспектов гуманитарного сотрудничества. Сложилась и укрепляется практика международного образования, когда образование целиком или частично получается за рубежом. Международный студенческий обмен может происходить на государственном, негосударственном и индивидуальном уровне. Он осуществляется на основе заключения межгосударственных соглашений, укрепления связей на уровне общественных и других организаций, отдельно взятых вузов, а также в индивидуальном порядке.

В настоящее время международный образовательный туризм представляет собой одну из наиболее быстро развивающихся отраслей сферы образовательных и туристских услуг. С точки зрения содержания образования это дает возможность разнообразить учебные планы и сделать процесс обучения более увлекательным, интересным, интернациональным. Большинство развитых стран признается эгалитарность высшего образования, обеспечивающая доступ к нему всех желающих, независимо от социального происхождения, национальных, религиозных и других различий.

Развитию культурно-образовательного туризма способствуют и процессы укрепления международного сотрудничества в науке и

образовании. В современном обществе активно развивающиеся потребности членов социума представляют образование и туризм. Удовлетворением этих потребностей в образовании занимается сфера образовательных услуг, а в туризме — туристский бизнес. В настоящее время расширяется круг потенциальных потребителей услуг, предоставляемых организаторами образовательного туризма; все новые категории лиц постепенно вливаются в данное туристское движение.

Активизация обмена студентами, стажерами, аспирантами и преподавателями разных стран происходит под влиянием научно-технического прогресса, интеграционных процессов в Европе и во всем мире. На направления и характер развития международного туризма в области высшего, профессионального и среднего образования в мире оказывает влияние действия организаций международного характера. А. С. Погодина пишет: «Одной из самых популярных на современном этапе программ для студентов старших курсов университетов считается программа ЭРАЗМУС, принятая в рамках европейской интеграции. В соответствии с ее положениями университеты заключают между собой соглашения, на основании которых периоды обучения в одном вузе засчитываются как периоды обучения в другом. Участие в программе позволяет учащимся совершенствоваться в знании иностранных языков, развивать коммуникационные компетенции, повышать уровень самостоятельности, что формирует социокультурный опыт студентов, способствует их социологизации» [5, с. 34].

Самый распространенный вид культурно-образовательного туризма — это языковые программы. Курсы основных иностранных языков можно пройти в летних специализированных лагерях даже в Подмоскowie, а за рубежом можно изучать практически любой европейский язык на его родине. Такие программы предлагают летние школы на море, курсы при университетах или проживание в семье носителей языка в Великобритании, США, Франции, Греции, на Мальте, в Турции и многих других европейских странах.

Российский исследователь туризма В. А. Квартальнов в книге «Международный туризм: политика развития» отмечает, что культурно-образовательный туризм в России — прерогатива молодых путешественников [2, с. 87]. Школьники и студенты составляют основную часть клиентов компаний, которые специализируются на образовательном туризме. И многие языковые туры комбинируют обучение с культурно-экскурсионной программой, с посещением пляжей, аквапарков и другими развлекательными составляющими. Популярны комбинированные предложения, позволяющие во время каникул приобрести языковые навыки и получить уроки верховой езды, балетных танцев, игры в гольф, теннис и т. д.

Однако культурно-образовательный туризм — явление сравнительно новое, еще пять лет назад такой вид отдыха рассматривали немногие. Однако в свете современной динамики развития общемировой экономики, международных отношений — популярность этого «полезного отдыха» существенно возросла. По данным Всемирной Молодежной, Студенческой и Образовательной Туристической Конфедерации за последние несколько лет общее число студентов, готовых совместить приключения и отдых с пользой для собственного развития, возросло на 40 %.

Сегодня в России ведется активная работа для укрепления российского образовательного туризма, приближения его к общемировым стандартам. В частности, Комитет АТОР (Ассоциация туроператоров России) по образовательным поездкам и детскому туризму ведет переговоры с дипломатическими представительствами разных стран для упрощения визового режима, занимается информированием российских туристов об их правах и возможностях и т. д.

Культурно-образовательный туризм можно также рассматривать в качестве важнейшей составной части процесса взаимодействия культур. Диалог является механизмом самосохранения и саморазвития культуры как целого. Знаменитый русский ученый М. М. Бахтин писал: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответ на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. ... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются» [1, с. 354].

Отечественный исследователь И. В. Морозова в своей статье «Взаимодействие культур и образовательный туризм» пишет, что одной из первейших задач культурно-образовательного туризма является приближение массового потребителя к высоким образцам мировой культуры [3, с. 42]. Более того, культурно-образовательный туризм как одна из форм межкультурного взаимодействия открывает широкие возможности в самоопределении и развитии личности.

По мнению автора, подавляющее влияние на бытовой уровень современной российской культуры оказывает американская массовая культура, зачастую в ее упрощенных формах. Решением этой проблемы И. В. Морозова считает разработку и изучение европейских межкультурных связей России в рамках процесса ее самоопределения и дальнейшего развития. «Европейская цивилизация, — пишет она, — является сокровищницей мирового культурного наследия. Постоянными культурными партнерами России в течение веков являлись Франция, Германия, Италия, Испания. Потенциальные возможности

этих стран в плане культурного туризма не реализуются до сих пор в полной мере» [3, с. 43].

Использование опыта культурного туризма прошлого, наследование традиций межкультурного взаимодействия может послужить хорошей основой для современного культурно-образовательного туризма. Знакомство с другими культурными традициями способствует наиболее точному самоопределению и ориентации в хаосе мировых контактов. Ориентация в мировой культуре учит ощущать себя в большей степени представителем человечества, не отождествляясь целиком и полностью со своей культурно-исторической средой.

Наличие уникальных исторических объектов также является важным фактором, способным предопределить успешное развитие культурно-образовательного туризма в отдельно взятом регионе или стране, т. к. знакомство с историей и историческими объектами — сильнейший побудительный туристский мотив. Однако историческое наследие нуждается в продвижении на туристский рынок, поэтому национальные туристские организации должны заниматься распространением информации об историческом потенциале местности.

Исходя из этого, возникает проблема туристского природопользования, в которой концентрируются все аспекты, связанные с загрязнением, восстановлением и охраной природных комплексов от пагубного влияния туристов и туристской инфраструктуры. Однако туризм не может развиваться без взаимодействия с окружающей средой, что вызывает необходимость управления развитием туризма и его четкого планирования. Следовательно, необходима своевременная и всесторонняя оценка последствий туризма, разработка туристической политики, которые позволили бы предупреждать разрушительное воздействие туризма и извлекать максимальную выгоду, увеличивать его положительное воздействие, которое включает: охрану и реставрацию исторических памятников, создание национальных парков и заповедников, сохранение лесов, освоение культурного наследия.

Отечественный исследователь туризма О. В. Нефедова в своей статье «Туризм и культурное наследие: проблемы взаимодействия» пишет: «Утрата культурных ценностей невосполнима и необратима. Любые потери культурного наследия неизбежно отразятся на всех областях жизни нынешнего и будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, обеднению общества в целом. Они не могут быть компенсированы ни развитием современной культуры, ни созданием новых значительных произведений. Накапливание и сохранение культурных ценностей — основа развития цивилизации» [4, с. 87].

Таким образом, охрана объектов культурного наследия должна представлять собой единую систему правовых, организационных, финансовых, информационных, материально-технических и иных и нормативных актов в области сохранения, содержания и использования этих объектов, а также систему организации комплексной, взаимосвязанной работы органов государственной власти по охране объектов культурного наследия и органов государственной власти по контролю за их сохранением, их территориальных подразделений, а также граждан и общественных организаций по охране объектов культурного наследия.

Итак, можно сделать вывод, что культурно-образовательный туризм является перспективным видом молодежного туризма, привлекающего внимание все большего количества молодых людей. Основной задачей в развитии и продвижении культурно-образовательного туризма на наш взгляд, должна стать, его большая доступность, т. е. снижении цен и увеличение количества специальных недорогих образовательных туров, ориентированных на молодежь.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 446 с.
2. Квартальнов В. А. Международный туризм: политика развития / В. А. Квартальнов, А. А. Романов. — М.: Советский спорт, 1998. — 142 с.
3. Морозова И. В. Взаимодействие культур и образовательный туризм / И. В. Морозова // Туризм и культурное наследие: межвузовский сборник научных трудов: Вып. 1. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. — С. 41—45.
4. Нефедова О. В. Туризм и культурное наследие: проблемы взаимодействия / О. В. Нефедова // Глобализация и туризм: проблемы взаимодействия: Материалы международной научной конференции — Саратов, 2009. — С. 85—92.
5. Погодина А. С. Современные процессы интернационализации в формировании единого образовательного поля Европы / А. С. Погодина // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в образовании и науке: Материалы XVII Международной научно-методической конференции. Том 1 — СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. — С. 3435.
6. ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»// Консультант-плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115996/#p8

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ «ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА»

Кедрик Татьяна Васильевна

ст. преподаватель, БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: taniakedrik@tut.by

Визуальные образы сегодня окружают человека повсеместно, репрезентируя реальность, они сами становятся той реальностью в которой формируется наше мировосприятие. Идея о том, что базовым модусом существования современной культуры является визуальность, постулируется ведущими направлениями в философии, культурологии, социальной теории. Ф. Джеймисон называет визуальность «общим принципом структурирования продуктов культуры «позднего капитализма»», Ги Дебор называет «спектакль» визуальной формой современности. «Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случайно или поверхностно — в самой своей основе оно является зрительским» [3].

Изучение визуальности в широком смысле включает в себя анализ культурных практик видения, технологий и конвенций визуальной репрезентации и художественной образности. Процесс формирования языка коммуникации современной визуальной культуры во многом обусловлен технологиями, используемыми для создания, воспроизводства и распространения изображений. В связи, с чем возникает необходимость в исследованиях кино, рекламы, массовой культуры с позиции современных философских и социальных теорий, объясняющих специфику «общества спектакля», понятие репрезентации и различные импликации аудиовизуальных технологий создания и распространения визуальных продуктов. Визуально репрезентируемые, находящиеся на поверхности знаки часто маскируют явления, для выявления которых необходим специальный анализ как языка репрезентации, так и социокультурных механизмов, действующих в обществе.

Современные философские и культурологические теории разрабатывают новый категориальный аппарат, позволяющий адекватно интерпретировать статус субъекта в современной культуре. XX век в европейской культуре ознаменован «кризисом метанарративов» (Ж.-Ф. Лиотар). В культуре возникает недоверие к «великим историям»: идеи свободы личности, просветительские представления о знании как средстве установления всеобщего равенства, свободы, счастья больше не обладают легитимностью. «Великий рассказ утратил свое правдоподобие», [7, с. 92] — пишет Лиотар. Единая, общая теоре-

тическая база знания о человеке и мире распадается на множество конкурирующих и полемизирующих концепций. И такое положение вещей воспринимается не как период созревания общей идеи, а как закономерное, желаемое состояние.

Постмодерн — время раздробления, расщепления «великих рассказов», время перехода к «локальным историям». В культуре постсовременного мира происходят процессы выделения интересов отдельных социальных, политических, расовых групп и «подразделений» и диктат каждой из них, что приводит к господству всевозможных меньшинств, противопоставляющих свою волю единой, тотализирующей (и стандартизирующей) воле того или иного большинства — расового, политического. Но вследствие боязни современного человека быть поглощенным очередной системой ценностей он стремится уйти из-под всякого влияния — как со стороны большинства, так и со стороны различного рода меньшинств. Поэтому для эпохи постмодернизма становятся характерными такие явления, как мультикультурализм, эклектизм, плюрализм.

Вместо единого общего пути мышления в гуманитарном знании появляются различные «повороты» — феноменологический, лингвистический, визуальный, гендерный и т. д. Ключевой фигурой, заложившей основания «визуального поворота» в гуманитаристике, можно назвать Вальтера Беньямина. Описывая культурные трансформации своего времени, Беньямин создает основы нового концептуального языка и обозначает локусы проговаривания проблем современной визуальной культуры. В своих работах Беньямин анализирует новые культурные практики, ставшие доступными благодаря развитию техники и фиксирует их особый статус в культуре.

Новые условия существования создают предпосылки для процесса децентрации, деуниверсализации и «смерти» европейского субъекта, что постулируется ведущими философскими концепциями. Эти идеи имеют и социальные основания, среди которых можно назвать крах колониализма, появление на международной арене стран «третьего мира» и, как следствие, возрождение интереса к экзотической самобытности; становление «философии надежды» и «философии освобождения» в Латинской Америке, студенческие волнения в Америке и Европе в 60-70-х годах, оживление феминизма, пристальный интерес к «маргинальным» социальным группам (цветные, лесбиянки, геи, больные, молодежь, преступники, аутсайдеры), ненасильственным методам борьбы, новой этике экологистов и специфические механизмы функционирования и распространения массовой культуры; радикальные перемены в среде обитания человека на Земле и в космосе. Эти трансформации приводят к тому, что

проблема субъекта не может больше осмысливаться вне его классовой, половой и расовой принадлежности.

Критика классического европейского субъекта и осмысление иной субъективности и видения осуществляется с нескольких методологических позиций — постструктурализма и постмодернизма, неомарксизма и постфрейдизма, гендерных и постколониальных исследований. С позиций этих теорий наше видение оказывается историческим по своей сути, несущим в себе прошлое, которое претерпевает изменения во многих различных нарративах, некоторые из которых в значительной степени изменяют культуру видения, к которой они обращаются или в рамки которой они вписаны. Субъект и его видение конструируются культурными практиками и дискурсами, пронизанными властными отношениями. Визуальное восприятие является дискурсивным конструктом, формирующимся в рамках данной культурно-исторической парадигмы. Фуко утверждает, что люди являются историческими существами не в смысле того, что они существа «конечные», а в том, что они «исторически определенные существа»: «Мы конституированы в соответствии с определенными формами субъективности, типами нормативности и знания, которые являются историческими» [9, с. 437]. Процесс, с помощью которого происходит конституирование субъективности, Фуко называет «субъективацией».

В современной теории ведущая роль в интерпретации визуальной культуры и конструируемых ей форм субъективности принадлежит «культурным исследованиям» (Cultural Studies). «Появление Cultural Studies тесно связано с британской интеллектуальной традицией, и более конкретно — с созданием Бирмингемского Центра культурных исследований в 1964 г., первым директором которого стал Ричард Хогарт» [8, с. 432]. Это направление сформировалось как междисциплинарный подход, где приоритетными предметами анализа выступают идеология, репрезентация, идентичность.

Идеология, коренящаяся в визуальных репрезентациях выступает как механизм формирования субъекта и его картины мира. «Основной целью любой идеологии всегда было конституирование индивидов в воображаемые «субъекты»: субъект сам по себе есть «ничто», пустая форма, которая заполняется содержанием символических матриц. Тем самым проблема идентичности субъекта — это проблема конституирования его символического статуса в системе социальных отношений. В культуре (через идеологию) субъект создает собственный нарциссический образ, социализируясь посредством вписывания себя в определенную символическую структуру социума» [8, с. 439]. Освобождение от единой тождественной самой себе субъективности приводит к конструированию и репрезентации множества субъектив-

ностей обусловленных факторами пола, класса и расы. Идентичности, которые ранее существовали как маргинальные получают возможность репрезентировать себя. И в современных условиях приоритетным способом репрезентации становятся визуальные практики. Именно визуальные образы позволяют стать видимыми и заявить о своем присутствии в социальном поле ранее маргинализированным идентичностям. В поле анализа структур субъективности наряду с рациональностью включает механизмы бессознательного и телесные практики. Эти механизмы и практики утверждаются как главенствующие в процессе формирования субъективности.

Субъективность в современной культуре имеет двойственный характер — с одной стороны, субъективность конструируется в культурном поле, задается дискурсивными практиками (языком, властными структурами, масс-медиа, искусством, прежде всего визуальным), с другой стороны, именно в сферах символического производства, основанных на визуальности как базовом модусе, субъективности проявляют и манифестируют себя.

Вместе с визуализацией происходит виртуализация всех сфер современной культуры. Так, в сфере искусства можно заметить перенасыщенность образами, которые ни к чему не отсылают, ничего в себе не несут: «Большинство современных зрелищ, видео, живопись, пластические искусства, аудиовизуальные средства, синтезированные образы — все это представляет собой изображения, на которых буквально невозможно увидеть что-либо. Все они лишены теней, следов, последствий. Все, что мы можем почувствовать, глядя на любое из этих изображений, — это исчезновение чего-то, прежде существовавшего. В них и нет ничего иного, кроме следов того, что исчезло» [1, с. 27—28].

В сфере экономики вследствие кризиса перепроизводства происходит «развеществление» продуктов потребления. Отныне человек потребляет не вещи, а знаки, символы определенного социального статуса, престижа. Кроме того, благодаря внедрению серийного производства уничтожается ценность индивидуальности, оригинальности. Описанные В. Беньямином изменения в восприятии художественного произведения в «эпоху его технической воспроизводимости» характерны не только для эстетической сферы, но и для восприятия жизни в целом.

В политической сфере происходит разрыв между политикой и управлением. Политика начинает превращаться в «шоу-политику», театрализованную, занимающуюся не столько управлением страной, сколько набиранием очков на предвыборных кампаниях. Кроме того, виртуализируется и сама власть, которая в мире тотальной глобализации больше не может управлять, регулировать, контролировать цирку-

ляцию денег, выпуск и содержание периодических изданий, личную жизнь сограждан.

В философском дискурсе появляются иные модели субъективности — «ризоматичная», «перформативная», «цитатная», «эксцентричная», «трансгрессивная». После «смерти» субъекта как подлежащего, стягивающего на себе бытие, он воскресает в образах «машины желания», «номады-кочевника», «кибога», «квир-субъекта».

Номадическая субъективность разрабатывается в работах Ж. Делеза. Ж. Делез ставит на место классического субъекта «номадическую сингулярность» — «кочующую» единичность, противостоящую репрезентационным теориям, которые выступают служителями порядка и официальных институтов. «Оседлая» западная культура, с точки зрения которой до сих пор писалась история, по Ж. Делезу, должна быть заменена культурой кочевой, что в философском плане означает замену «структуры» — «ризомой» (корневище, термин взятый из биологии). Если образом мира человека Нового времени можно назвать «дерево», укорененное в действительности, имеющее четкую структуру, «верх» и «низ», то образом мира в сознании современного человека становится ризома, грибница, лишённая центра, структуры, рациональной организации, каждая отдельная точка которой может быть связана с любой другой. Как пишут Делез и Гваттари, внедрившие в постмодернистскую теорию сам термин «ризом», у ризомы «нет ни начала, ни конца, только середина, из которой она растёт и выходит за её пределы. <...> Ризома антигенеалогична. Это короткая память, точнее, это антипамять. Ризома развивается, варьируя, завоеывая, схватывая, внедряясь» [4, с. 27]. Ризома не имеет не только семантического центра, но и единого кода, который мог бы оказывать централизованное действие.

Р. Брайдогги разрабатывает делезовскую теорию номадичности для обозначения женской субъективности как децентрированной. Брайдогги противопоставляет образ номады образам мигранта и изгнанника. «Быть номадой не означает бездомности или насильственного перемещения; это скорее фигуральное выражение такого типа субъекта, что оставил всякую идею, желание или ностальгию по закреплённости. Такая фигурация отражает желание идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат, без эссенциального единства и вопреки ему» [2, с. 145].

Расширение влияния электронных технологий, которые проникают во все сферы жизнедеятельности человека, приводят к сложности отделения человеческого от технологического. Д. Харауэй предлагает теорию «кибер-субъективности» как гибридного проекта, своеобразный миф о киборгах. Киборг — полуживотное, полумашина — локализуется

в мире, где границы между животным, человеком и машиной проницаемы либо прорваны. «Киборг — создание постгендерного мира; он не имеет ничего общего с бисексуальностью, предэдиповским симбиозом, неотчужденным трудом или прочими соблазнами органической целостности, достигаемой окончательным собиранием всех сил всех частей в некое высшее единство» [10, с. 325]. Образ киборга воплощенный изначально в литературной и кино-фантастике сегодня выходит за пределы этих жанров и становится образом человека, повсеместно вплетенного в электронные коммуникативные сети.

Конституирование субъективности сопряжено с телесными практиками и прежде всего с сексуальностью. Эмансипация субъекта приводит к манифестации кроме гетеросексуальной множества трансгрессивных или экс-центричных сексуальных идентичностей. Трансгрессия, прежде всего, конструирование субъективности из цитат обоих порядков кодирования — мужского и женского — преодоление культурных ограничений, навязанных телу. «Американский феминистский теоретик Тереза де Лауретис первой использовала ставший затем широко применимым термин *квир*-идентичности («странная», «экс-центричная») с целью артикуляции более сложного понимания женской гомосексуальности в ее пересечениях с социальными и субъективными формами фантазма, идентификации и желания. Затем этот термин стал использоваться не только для описания структур гомосексуальных (мужских и женских) идентичностей, но и других типов современных идентичностей, не укладывающихся в рамки традиционной гендерной дихотомии» [5, с. 64].

Производство субъективности, ее конструирование происходит в культурном и социальном поле. Субъект задается и определяется властными отношениями в дискурсивных практиках. Однако вместе с постулированием внешней детерминации субъекта, теоретики осмысливают стратегии сопротивления властным структурам и консьюмеристской направленности современной культуры. Эти стратегии находят свое воплощение в образе индивида как «шизо» — «деконструированного субъекта», который порождает себя как свободного человека, лишённого ответственности, одинокого и радостного, способного, наконец, сказать и сделать нечто просто от своего имени: это желание, не испытывающее ни в чем нужды, поток, преодолевающий барьеры и коды» [6, с. 112].

Еще одна практика сопротивления была предложена теоретиками Ситуационистского Интернационала. Целью данного художественно-политического сообщества было преодоление границ, разделяющих искусство и жизнь, преобразование жизни в художественно-творческом акте игры. Игра со смыслами существующей системы приводит к

сбоям в ней и подрывает ее основы. Самой знаменитой методикой Интернационала было так называемое «detournement», то есть использование уже созданных культурных объектов, которые при изменении контекста приобретали противоположный, деконструированный смысл.

Таким образом, завершение проекта модерна в европейской культуре и переход к постмодернистскому состоянию ознаменован коренными трансформациями статуса субъекта в культуре. Актуальные субъективности конструируются и манифестируют себя в визуальных практиках, которые составляют ядро современной культуры.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла — М.: Добросвет, 2000. — 258 с.
2. Брайдогги Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. И. А. Жеребкиной — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. — С. 136—163.
3. Дебор Г. Общество спектакля // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.anthropology.ru/library/DDR1.htm> (дата обращения: 02.04.2012)
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов / Сост. А. Р. Усманова. — Минск: Красико-принт, 1996. — С. 6—31.
5. Жеребкина И. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. — С. 49—79.
6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 254 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна — М.: «Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
8. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. — С. 427—465.
9. Фуко М. История сексуальности. Забота о себе — Киев, М.: Рефл-бук, 1998. — 288 с.
10. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология 1970-2000 / Под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — С. 322—369.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК АКТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Джумабаева Акбота Сериковна

магистрант КазНУИ, г. Астана, Республика Казахстан

E-mail: akbota87@bk.ru

Выявление культурологической природы идентичности становится неотъемлемой частью современной гуманитарной мысли, поскольку культурологический анализ основных тенденций современного идентификационного процесса содержит возможность рационально формировать продуктивную стратегию поведения людей разной национальности в меняющемся мире и совместить императивы этнокультурной идентичности с современными процессами глобализирующегося мира. Для полиэтнического Казахстана данная задача является более чем актуальной, поскольку «в Казахстане сложился круг проблем вокруг идентичности, базирующийся на приоритете этнического и гражданского начал» [1, с. 158].

Терминологически понятие *идентичность* восходит к латинскому «*indenticus*», что в самом общем смысле означает тождественность, «одинаковость». Современные дефиниции термина в качестве общего знаменателя содержат указание на процессуальность, поскольку идентичность не дается в момент рождения, она предполагает протяженное действие, некую динамику (длиною в жизнь) соотношения одного субъекта с другим, артикуляцию общих или наоборот специфических признаков, черт. Любая социокультурная традиция является продуктом длительной исторической преемственности и любой человек экзистенциально ограничен в возможностях преодоления доминантной культуры, в которой он воспитан как личность, поскольку менталитет и соответствующие мировоззренческие конструкты, сформированные в юные годы, настолько глубоко интернированы в психику, что не могут быть полностью вытеснены из поведенческих стереотипов даже в иных культурных координатах. В силу этого любое общество может оставаться уникальным культурным универсумом до тех пор, пока обладает относительно однородной этнокультурной идентичностью, задающей парадигму собственного специфического бытования.

Следовательно, идентичность может пониматься как некая данность, результирующая процесса идентификации и понимается как устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, их самотождественность [3]. Вместе с

тем, в современном динамично глобализирующемся мире усиливается процесс умножения идентичностей: артикулируется не только этническая, социальная, профессиональная, но гендерная, гражданская, имущественная, расовая и целый ряд других идентичностей. С другой стороны процесс индивидуализации внутри отдельно взятой идентичности обретает «экзистенциальное желание обрести себя, свою уникальность, и такое распыление в массе — одна из постоянно проявляющихся сторон дихотомии существования индивида» [4, с. 9]. Поэтому идентичность как некий культурный конгломерат теряет устойчивость, размывается и есть смысл анализировать *идентификации* и *инсценировки*.

Идентификация представляет собой процесс более долгий, чем инсценировка, он требует наличие определенного интеллектуального ресурса. Если самодвижение в этом направлении долгое время не заканчивается обретением идентичности в качестве устойчивого мировоззренческого конструкта, существует вероятность превращения его в инсценировку. В большей степени процессу переформатирования идентификации в скоротечный поведенческий сценарий (инсценировку) подвергается молодежь. Формируемые под влиянием профессионально сделанной рекламы предпочтения о надлежащем образе жизни формируют привыкание (и даже психологическую зависимость) к быстрой смене идентификационных ориентиров и это расценивается как актуальный формат жизни. Таким образом, для многих молодых современников идентичность, предполагающая относительно долгий процесс усвоения и культурного самостановления, начинается казаться, скучной и несвоевременной. Действительно, для поддержания идентичности личности крайне необходимо удержание «Я-Мы» баланса в состоянии относительной устойчивости. Понятно, что этот баланс даже для личностно и мировоззренчески сформированного человека не может остаться неизменным на протяжении всей его жизни, поскольку он постоянно развиваясь, испытывая давление многих факторов, может в ситуации экзистенциального выбора не раз и не два переосмысливать свою жизнь, менять планы и расстановку приоритетов. Однако если баланс «Я» и «Мы» идентичности нарушается резко и неоднократно, то это может привести к культурной травме.

Есть еще один фактор, влияющий на становление идентичности: необходимость определенной доли ответственности за свои мысли и поступки, «просеянные» через социокультурные фильтры впитанной ранее и освоенной сознательно культурной парадигмы, в то время как инсценировка представляет собой следование заданной кем-либо форме с мнимым, заимствованным, часто оцифрованным содержанием. Именно поэтому В. Н. Гасилин вместо термина «инсценировка» использует термин «мнимая идентичность», а также «мнимая иденти-

фикация». Он пишет: «Мнимая идентификация реализуется, когда человек стремится попасть в референтную для него группу, в которую попасть он не может. Он усваивает чисто внешние признаки членов этой группы, приобретая мнимую идентичность. В этом случае человек полагает, что он, выполняя соответствующие социальные функции, играет в культуре роль, которую он в силу своих свойств играть не может. Этот человек воображает себя членом референтной группы и живет этим воображением. Он способен усвоить какие-то внешние и, может быть, случайные особенности иной идентификации референтной группы, и в этом смысле возникает извращенный образ идентичности» [2, с. 118].

Стремительные изменения в мире в конце XX — начале XXI века, связанные с целым рядом процессов глобализации, таких как демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация и др., резко обострили проблему национальной идентичности. Глобализация вызывает споры потому, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны в экологической, экономической, социальной сферах. Поэтому тот аспект глобализации, который затрагивает этнокультурную идентичность, в наибольшей степени актуализирует ту сторону современной цивилизации, которая связана с межкультурной коммуникацией, поскольку в нее активно вовлечены самые разные социальные страты, а не только управленческая элита, экономисты и политики.

Глобализация многократно увеличивает контакты между людьми, делает беспрецедентным по масштабу и глубине обмен ценностями, идеями, образом жизни. Повсюду люди пользуются информационным многообразием, которое дарит им век глобализации. Для кого-то это новое поликультурное многообразие — источник вдохновения и энергии, но многих оно тревожит со стороны утраты этнической идентичности. Они опасаются, что поликультурализм приведет к расколу в стране, размыванию этнокультурных ценностей по мере того, как возрастет число иммигрантов/эмигрантов, привносящих/уносящих с собой уникальность традиционной культуры. Другие предвидят негативные последствия процесса культурной универсализации, в ходе которой различные национальные культуры отстают перед миром, где доминируют западные ценности и стандарты. В основе страха утраты уникальности национальной культуры лежит убежденность в то, что идентичность может быть только одна. Но у людей не одна фиксированная самобытность, идентичность, как указывалось выше, способна к флуктуациям.

Следовательно, для гармонизации разнонаправленных тенденций в случае культурной идентичности необходим гуманистический

подход, основывающийся на признании самодостаточности культурных различий и многообразии самобытности — то, что именуется *мультикультурализмом*. Сущностью мультикультурализма является не хранение традиций, а защита культурной свободы и расширение возможности идентификационного выбора таким образом, чтобы людям не приходилось страдать из-за принятого решения. Сохранение традиций поможет сохранить возможность выбора, но люди не должны быть скованны жесткими рамками этнической культуры. Культурное многообразие будет действенным во взаимозависимом мире, где идентичность людей множественна и толерантна, где ее носители чувствуют себя частью не только локального культурного ландшафта, но и всего человечества в целом. Глобализация способна расширить мультикультурные свободы путем гармонизации множественных и взаимодополняющих идентичностей уникального человека в статусе гражданина единого мира, не превращая в шагреневую кожу сокровища традиционной этнической культуры. «Только в этом случае обогащенный духовной мотивацией жизненный мир человека обретает эвристический потенциал, социокультурную значимость и гражданственность, главное — противостоит культурной аномалии *imago mundi — nova mundi nulla*» [5, с. 208], что в случае полиэтнических и поликонфессиональных реалий современного Казахстана дает основания для конструктивного идентификационного становления.

Список литературы:

1. Бейсенова Г. А. Проблемы глобализации и идентичности. — Алматы: Print-S, 2009. — 204 с.
2. Гасилин В. Н. Идентичность и идентификация человека: проблемы и перспективы исследования // Вестник ПАГС. — 2008. — № 2.
3. Дзякович Е. В. Идентичность, идентификация, инсценировка в развитии глобальных и локальных социокультурных процессов современности//Обсерватория культуры. — 2010. — № 4.
4. Красноряова О. В. Концепция массы Ж. Бодрийяра и современная коммуникативная ситуация//Обсерватория культуры. — 2010. — № 6.
5. Поваляшко Г. Н. Культурная аномалия в *imago mundi - nova mundi nulla*//Идея независимости в искусстве. История и современность. — Астана: КазНУИ, 2011. — 278 с.

ВОЗРОЖДАЮЩИЕ НАЧАЛА АКСИОЛОГИИ ДОМА В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Шемякина Мария Константиновна

канд. филол. наук, доцент БГИИК, г. Белгород

E-mail: mary-ru2004@mail.ru

Все единство материи культуры может быть осмыслено в целом как система знания и философия жизни народа, находящаяся в пространственно-временной передаче поколений, в основе которой лежит культурная ценностная парадигма.

«Культура постоянно регулирует нашу жизнь. С момента нашего рождения и до самой смерти, сознаем мы это или нет, на нас оказывается постоянное давление, принуждающее нас принимать определенные типы поведения, выработанные другими людьми», — писал К. Клакхон. Но в основе этого давления лежат ценности, подчеркивал ученый, как «осознанное или неосознанное, характерное для индивида или группы индивидов (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия» [2, с. 35].

Личностные или коллективные ценности, безусловно, выполняют функцию стандартов, определяя всю меру долженствования и соответствия некоему идеалу. Однако в традиционном мире ценностно значимыми могут служить лишь те установки, которые согласуются с жизнью всего народа, с его мировоззренческими убеждениями в соединении с устремлениями отдельного носителя культуры, они рождают «концепцию, определяющую поведение» (К. Клакхон).

Ценности культуры должны быть рассмотрены как общие представления, разделяемые большинством ее носителей относительно желаемого, правильного и полезного. В таком контексте и сама культура осмысливается как вся совокупность духовных и материальных ценностей.

В русской традиционной культуре к ведущим ценностям центрального герменевтического поля, полновесно отразивших концепт «возрождение», относится «дом».

О важности аксиологической категории «дом» в русской традиционной культуре свидетельствует «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и приведенные в нем многочисленные пословицы и загадки, относящиеся к дому. «Мило тому, у кого много в дому», «Дом вести — не лапти плести», «Худу быть, кто не умеет домом жить», «На стороне добывай, а дома не покидай» [1]. Подобные изречения мудрости констатировали понимание дома как осязаемого воплощения «своего» — родного, безопасного пространства, привязанность к которому считалась добродетелью.

Создаваемый в особой ритуальной среде, дом становился средоточием жизни, обязательным началом в бытийном пространстве каждого человека. Отсюда начинался жизненный путь и сюда вновь возвращался.

Дом как жилище русского человека имел свою систему исчисления — вертикальную и горизонтальную. В выделяемой исследователями вертикали, основанной на понимании троичности мира, особое значение придавалось полу и потолку как границам внешнего (чужого) и внутреннего (своего) пространства. Важное смысловое значение имела матица (поперечный брус, поддерживающий доски потолка) как основной конструктивный элемент дома.

Горизонтальное пространственное членение было основано на делении на четыре стороны света с композиционным центром — «святым» («красным углом»), что задавало основную систему координат русского дома. Здесь происходили ключевые семейно-бытовые обряды (свадьба, похороны), повседневные события (трапеза). Таким образом, художественно-образная система жилища не просто отражала представление русского человека о мироустройстве, но и была способом образно-художественного освоения мира в целом.

Укорененный в доме русский человек вокруг него строил всю свою жизнь: вещную — жилые пристройки, возводимые в ансамблевом единстве с основным строением, хозяйственные постройки, двор; духовную — должествующее иерархичное начало «красного угла» как домашнего священного алтаря и внешнее венчание коником (в древности символом солнца), в освящении Богом и природой.

Но в том же словаре В. И. Даля будет зафиксировано и другое значение слова: не только «строения для жилья» или «избы со всеми ухажом и хозяйством», но и значение «семейства, семьи, хозяев с домочадцами».

Так, дом в русской культурной традиции закрепил за собой не только физическое, обретаемое в конкретных единицах измерения или количестве бытовых предметов, и даже не культурное, а этическое значение — пространство, в котором обретало свою гармонию бытие человека. В этом контексте дом транслировал в своем значении семью, людей, объединенных кровными и духовными узами, обычаями и традициями родной культуры.

Идеал такого дома наиболее полно был детально разработан позже славянофилами: А. Хомякова в статье «О сельских условиях», посвященной разбору оперы М. Глинки «Жизнь за царя»; в предисловии к русским песням из собрания П. В. Киреевского и в ряде других работ.

Передавая суть понимания ценностной категории «дом» в таком контексте славянофилы не единожды использовали метафору «теплое гнездо», вероятно не столько соотносимое, сколько заимствованное

ими из народной песни: «Не ласточка, не касаточка вкруг тепла гнезда увивается».

При этом естественными атрибутами дома-«гнезда» утверждались «общинное братство», «душевная простота», «теплота взаимоотношений», «живое общение», «органическая связь с землей». Последнее тем более очевидно, поскольку дом строился по принципам «трех П» (простоты, прочности, прекрасного), согласуясь с единоначальной установкой природосообразности, вписанности в окружающий ландшафт с использованием естественных природных материалов.

Закономерно, что дом в таком понимании дом выполнял главнейшую из своих функций — был тем спасительным и одновременно первопричинным началом, к которому на протяжении всей жизни в море снедаемых им вопросов был обращен человек.

Дом спасал, «возрожда» человека и в житейском, и в религиозно-этическом смысле этого слова.

При этом цена спасения не была неподъемно тяжела. Она требовала от традиционного человека следования традиции: почитания старших (прежде всего отца и матери как породивших тебя на свет), следования заветам предков. Последнее отчасти было отражено в многочисленных и разнородных поверьях и обрядах, определявших процесс заселения (вхождения) в дом и его внутреннего убранства (Так, считалось, что первыми должны были войти в дом самые старшие по возрасту члены семьи).

Дом, очаг, семейный кров воспитывал в человеке лучшие человеческие качества: христианские (жертвенность, смирение, доброта и др.) и мирские (хозяйственность, рачительность, экономность и др.).

В пространстве традиционной культуры дом, таким образом, обретал свою иносказательную сущность, объединяя в своем семантическом начале понятия «кров», «семья», естественно расширяясь до всей «земской» России, априори подразумевающей единую родственную (семейную) близость.

В таком контексте дом становилась синонимом понятиям «земля», «родина», «отечество». На этом понимании дома, по сути, была сосредоточена вся русская литература классического и нового времени. Определяясь в категориях родства «земляного», она трактовалась как родство духовное, нравственное. Понятие «дом» не сводилось исключительно к корневому родству, культу предков, но утверждалось как единение православное (особенно на чужбине), патриотическое (особенно во время военных действий), свободолюбивое (особенно в бунтарстве), семейное (особенно в категориях бытовой традиции), мировое (в понимании мира как единого людского универсума).

Именно родственная связь, определявшаяся духовным единением и почти религиозной чувственностью, подвигла поэтов XX века

определить образный ряд деревянных русских домов в качестве «избяной литургии» (С. Есенин) и «народного Иерусалима» (Н. Клюев) (при том, что «литургия» (греч.) — общее дело; *церк.* — общая молитва), а философа Е. Трубецкого соотнести деревянные русские избы в их религиозной одухотворенности с «мирообъемлющей соборностью» (кн. Евг. Трубецкой).

И религиозные символы, видится нам, появляются здесь не случайно, поскольку вся аксиология традиционной культуры основного герменевтического поля (земля труд, семья, дом) будет центрирована главной ценностью культуры русской — верой.

Следует отметить, утверждаемую с завидным постоянством мысль, что мировоззрение человека русской традиционной культуры, как и сами основы русской культурной традиции, основано на категориях веры. В ней видит русский народ и саму жизнь, и будущее возрождение, и бессмертие.

Религиозность характеризовала мир Древней Руси, ее культуру «невидимого града Китежа» (по определению Д. С. Лихачева), культура Руси «незримую», плохо понятую и плохо изученную, не поддающуюся измерению «европейскими» мерками высоты культуры и не подчиняющуюся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть «настоящая культура». Вера освещала бытийное существование России и на более поздних исторических этапах.

Для русского человека духовная основа жизни была главным стержнем бытия, квинтэссенцией ее выступала вера. Постигание же глубин духовного чувства, или созерцания, доступно разве что мудрецам.

Но мудрецы в жизни для русского человека фактически невозможны: мудрые люди встречаемы только в жизни исключительно религиозной (старцы, отшельники, аскеты, пустынники) или в антимире русской культуры — мире-перевертыше (внешней — сказке; внутренней — дети и юродивые, блаженные). Обычный человек более характеризуем смекалкой, рассудительностью, совестливостью, рачительностью. И если первые достигают религиозного горнила, вторые — приближаются к нему, то третий — лишь устремлен в своем жизненном пути к нравственному идеалу. Духовная же высота умалишенных разрешала другую не менее важную для русского человека дилемму в их способности совмещения в себе внутренней святости и смиренного противостояния внешним формам жизни.

Религиозный авторитет святых отцов, пустынников неприкасаем. Но народная любовь к юродивым, как и ее выражение, рассматривается многими исследователями в качестве загадки русской души, давал многим великим русским художникам великолепный сюжет для писания.

Христианские святые, мученики, отшельники, юродивые, таким образом, виделись русскому народу воплощением христианских добродетелей, олицетворением религиозности, и как следствия — духовности.

Аксиологический вектор, как и идея духовности человеческого бытия, особенно значимы для русской культурной традиции, модели мира и человека, аксиологии возрождения и ее постижения. Не случайно, трансформируясь, все эти реалии русской традиционной культуры утвердятся в русском искусстве, выступят в качестве центральной культурной темы в русской философии.

Вместе с тем, определяя нравственное начало главным в традиционной культуре, академик Д. С. Лихачев отметит: «Говоря о тех огромных ценностях, которыми русский народ владеет, — писал Д. С. Лихачев, — я не хочу сказать, подобных ценностей нет у других народов», но в том и величие русской культуры, что ее императивы «лежат в тесной связи с ее нравственными ценностями» [3, с. 62].

При этом во всей многоаспектности освещения главная идея русской традиционной культуры — нравственная — не обретет абстрактности звучания, закрепится рамками «большой традиции» (в терминологии Роберта Редфильда), многомерностью включения во все жизненные направления: идеологическое, религиозное, творческое, социальное.

Не случайно, изучение русского народа и человека, его традиций и центральных ориентиров явилось предметом многих направлений гуманитарного знания. Четко очерчивались теоретическим народоведением принципы и ценностные основы организации самих этнических систем и культур.

В числе центральных мотивационных причин возникновения этнических культур выделялись и духовные потребности самосохранения и развития этносов, стремление сберечь свои культурные достижения наиболее благоприятным способом. В свете такого понимания в качестве условий зарождения традиционной культуры возникали неотчуждаемые ресурсы окружающей среды (природно-историческое окружение), язык как условие появления чувства групповой идентичности и религия, выполняющая функцию созидания в формировании традиционной культуры.

Список литературы:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // [электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://slovari.yandex.ru>
2. Культурология. Основы курса и фрагменты источников / Автор-составитель: К. В Пашков. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 600 с.
3. Лихачев Д. С. Раздумья о России. — СПб.: Издательство "Logos", 1999. — 672 с.

АСПЕКТЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ

Шемякина Мария Константиновна

канд. филол. наук, доцент БГИИК, г. Белгород

E-mail: mary-ru2004@mail.ru

«Возрождение», рассматриваемое в качестве культурной модели, естественного механизма возобновляемости культурных явлений, концепта, понимаемого в качестве «феномена культуры», реализующегося на ментальном уровне культурных архетипов, моделей, образов, познавательных конструктов, представляющих неотъемлемую часть самой культуры, всегда привлекало внимание культурологов. При этом в анализе специфики культурного развития центральное место отводилось духу эпохи, в отношении Возрождения — духу эллинизма.

«Для многих культур, — отмечал А. И. Чернокозов, — в отдельные периоды их существования актуален даже не сам классический и последовательный прогресс творческих возможностей, а, как минимум, сохранение, или, в случае потери, реставрация, возрождение в себе естественной и самобытной способности к подлинной субъективности... Возрождение стало исторической эпохой, в которой в гармоничной, не отягощенной цивилизационной доминантной форме, воплотились одновременно и энергичность естественного первобытного общества, и возможности новой социальной целостности, связанной с раскрытием и стимуляцией творческих способностей человека» [5, с. 96].

Русская культура реализовывала принцип эллинизма всегда. Как отмечал о. П. Флоренский, речь шла «не о внешнем, а потому поверхностно-случайном, подражании античности < ...>, а о самом духе культуры, о том веянии музыки ее, которое уподобить можно сходству родового склада» [4, с. 143].

Эллинское начало в русской культуре выражалось, прежде всего, в ее духовном основании, в определении самого мира как реальной и метафизической субстанции (в вечной борьбе антиномий добра и зла) и человека в нем, в отношении к личности. Потому определение концепта «возрождение» в русской культуре в принципе невозможно без постижения универсальных культурологических понятийных категорий.

Осмысление антропологического смысла концепта «возрождение» рубежа XIX-XX вв. неприемлемо без постижения мыслительных парадигм В. С. Соловьева, вся философия которого служила великой цели — преодолению распада человеческого мира, а метафизические и мистические идеи Всеединства, Богочеловечества и Софии рассматрива-

лись как средства для ее достижения. Определение концепта «возрождение» было априори взаимосвязано с антиномиями религии и культуры (П. Флоренский), идеями свободы (Вл. Соловьев, Л. Шестов, Н. Бердяев), вопросами соотношения личности и общества (С. Булгаков, Н. Бердяев). В предчувствии «трагизма и катастрофичности истории» (В. Соловьев) эти эллинские вопросы звучали и очень часто, и достаточно остро.

Фундаментальным размышлением современности звучал вопрос о человеке, личности современника. При этом определялись обязательные характеристики, присущие человеку, обязательные для жизни личности.

Реализация человека в мире была основана на двух принципах: личностном (индивидуальном) и общественном («коммонотарности» — общинности); принципе воплощения нравственных (шире — духовных) потенций человека и принципе опоры на «иной порядок бытия»: действие объединяющих людей в человечество сил, служащих добру и разуму (политические и теократические идеи). При этом принципы человеческого бытия были не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены, в своей детерминанте давая понятие «человечность». Бытие, переосмыслив изречение Н. Бердяева, понималось как дух: «Дух есть бытие, а не быт» [1, с. 276].

Духовная природа, основанная на ценностной парадигме, по разумению мыслителей русского ренессанса, должна составлять жизнь человека и задавать ему ориентиры в стремлении к идеалу. Идеал же, вобравший в себя духовность как центральное категориальное понятие, определять личность. И называя идеал по-разному, философы сойдутся во мнении, что «личность ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека» [1, с. 279]. Потому и «человечность» не может быть взята отдельно, в отрыве от сверхчеловеческого и божественного» [1, с. 169].

Идеал человека виделся в цельности разумного и чувственного начал, человеческой и божественной природы. Стремление к цельности станет в рассмотрении мыслителей века основной вариацией для рассуждений. И цельность человека будет интерпретирована как тоска и стремление «к восполнению, к достижению цельности» (Н. Бердяев), обретению цельности «половинчатого существа» (Н. Бердяев, а позднее В. Розанов), достижению трансцендентной цельности.

Свидетельством «божественного замысла и помысла о человеке», «высшим проявление Его любви» (Л. Шестов), станет категория свободы. Она определится как обязательное условие человеческой жизни, ценность даже более высокая, чем сама жизнь.

Свобода как понятие этическое будет воспринято современниками бурных событий рубежа веков как субстантивная единица. Не случайно большинство представителей русского ренессанса, размышляя о свободе, проведет разграничение ее как выражения внешнего проявления человека

и заданности внутренней, духовной. Более того будет настаивать Н. Бердяев, свобода есть, прежде всего, определение человека «не извне, а изнутри» [1, с. 286], «свобода есть свобода духа» [1, с. 285], вследствие чего «никакими силами нельзя лишить личность ее духовной свободы, она остается свободной в тюрьме и под плахой» [1, с. 281].

Свобода выступит гарантом нравственности, которую с таким трепетом отстаивала вся русская культура в своей философской и художественной традиции. Нравственность, подчеркнет В. Соловьев, всецело держится «на разумной свободе, или нравственной необходимости, и совершенно исключают из своей сферы свободу иррациональную, безусловную, или произвольный выбор» [2, с. 52]. При этом разумная свобода становится, с точки зрения мыслителя, синонимом нравственной необходимости. «Человек несвободен только, — согласится с ним и другой классик Л. Н. Толстой, — когда действует противно своей разумной природе» (11.10.1906)

Следует отметить, что историческая эпоха рубежа XIX-XX вв. поставит острый вопрос и даже не теоретического порядка о свободе и необходимости, свободе внешней и внутренней. И если с точки зрения теософии проблема свободы для большинства представителей русского ренессанса будет связана с метафизикой добра и зла, то с точки зрения практической — противления вакханалии зла реального мира. Не случайно, мысли о свободе (как и сам концепт «возрождение», поскольку свобода будет символизировать восстановление утраченных связей) в контексте эпохи религиозного ренессанса разворачиваются на фоне ощущаемой трагедии бытия. Последняя понимается и как следствие неустрашимого «дуализма», распада мировых начал нравственного императива — добра и зла, и как реально действующее «окаянство» жизни. И жизнь человека как биологического существа сейчас будет рассматриваться в наименьшей степени, поскольку на первый план выйдет его социальное предназначение. Об этом замечательно скажет Н. А. Бердяев: «История есть судьба человека. Трагическая судьба. Человек есть не только существо социальное, но и существо историческое. Судьбы истории суть вместе с тем и мои человеческие судьбы...» [1, с. 35].

Таким образом, свобода была осмыслена как центральная категория современности, способная придать человеку созидательную траекторию развития, единственно правильную, с точки зрения мыслителей, в эпоху предвестия всеобщего разорения и краха. Но свобода задавала и этические границы этого развития. Вместе с величайшей возможностью распоряжения собственными силами она закрепляла за собой понимание долга и обязанности, права и ответственности перед высшим судьей. Как в этом отношении писал Н. А. Бердяев, «свобода личности есть долг, исполнение призвания,

реализация Божьей идеи о человеке, ответ на Божий призыв», «свобода есть не право человека, а обязанность человека перед Богом» [1, с. 285].

Отсутствие внешней свободы не означало для современника отказом от свободы внутренней (индивидуальной). Напротив, посредством утраты внешней свободы, происходил рост свободы внутренней. По сути, о том же рассуждал и Л. Н. Толстой, когда высказал почти притчевое изречение: «Стремление к количеству свойственно человеку, но не материальному должно, а духовному — увеличению доброты» (29.12.1906). В этом стремлении будет заложена сакраментальная русская идея — идея возрождения. Путь же возрождения в реализации концепта будет видеться в крайней аскезе — христианском аскетизме (С. Булгаков)

Вечный поиск идеала в отказе от самодовольства приводил к сакраментальным исключительно русским парадигмам: утверждению Добра, поиску Правды и Справедливости. При этом само понятие справедливости вытекало из определения правды посредством утверждения добра.

Из свободы-разумности, правды-справедливости и добра-красоты выкристаллизовывается идеал человека-личности.

Идеал человеческой личности (а в интерпретации русских философов Второй Абсолют) будет рассмотрен как триумф Разума, Добра и Красоты, достигаемый в Вере. Идеальная линия приближения в вере к Богу будет видеться в качестве жизненного пути от наличного бытия человека к его духовной сущности. И системой ориентиров на этом пути выступит культура.

Так в попытках разрешения антропологической мысли будет последовательно реализована центральная идея концепта «возрождение», реализуемая на рубеже веков прошлого столетия, — идея человека.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. / Ред.-сост. Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская. — М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. — 312 с.
2. Порус В. Н. У края культуры (философские очерки). — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. — 464 с.
3. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. — М.: Художественная литература, 1982. — Т. 10. — 536 с.
4. Флоренский П. А. Из статьи «Троице-Сергиева Лавра и Россия»//Антология. Зачем мы верим в Россию/ Авт.-сост. Любовь Орлова. — Минск: Харвест, 2010. — С. 142-144.
5. Чернокозов А. И. История мировой культуры (Краткий курс)/ А. И. Чернокозов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — 480 с.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РУССКАЯ НАИВНАЯ ЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА УЧЕНИЯ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ли Валентин Сергеевич

*доктор филологических наук, профессор; Казахский национальный
университет имени аль-Фараби, кафедра русской филологии;*

г. Алматы, Казахстан

E-mail: li-vs@mail.ru

Современная проблематика, связанная с языковой категоризацией и концептуализацией действительности, чрезвычайно сложна и разнообразна. Эта проблематика, как известно, непосредственно связана с учением о языковой картине мира (ЯКМ). Пройдя через стадии поисков, заблуждений и псевдопроблем, учение о ЯКМ объединяет в себе несколько подходов и направлений. Во-первых, продолжается традиция, связанная с изучением собственно языковой (наивной) картины мира как языкового образа реального мира. В таком понимании ЯКМ ставится в один ряд с такими картинами мира, как физическая и в целом научная картина мира, биологическая, мифологическая, религиозная, философская и т. п. Такая ЯКМ, как справедливо замечает Ю. Д. Апресян, есть не что иное, как «реконструкция присущего языку цельного, хотя и «наивного», донаучного взгляда на мир» [1, с. 350]. Во-вторых, в учении о ЯКМ разрабатывается проблема связи языка и категорий знания и познания, т. е. устанавливаются процессы категоризации сознания в языке и формирования национально-культурных концептов. В-третьих, под влиянием принципа антропоцентризма разрабатывается проблема, которую можно сформулировать так: «человек в языке» или «языковая картина человека». В-четвертых, исследуется так называемая индивидуально-авторская картина мира. Последнее направление, однако, в меньшей мере связано с учением о ЯКМ, ибо оно интересуется

образом мира не в языке как таковом, а в сознании отдельного индивида. Оно скорее имеет отношение к проблеме языковой личности, к стилю мышления того или иного автора как создателя курса. Таким образом, современные концепции ЯКМ часто оперируют понятиями, не получившими строго научной идентификации, поэтому замечание некоторых лингвистов о том, что выражение «картина мира» продолжает оставаться на уровне метафоры, следует признать отчасти справедливым.

При всех возможных подходах к пониманию ЯКМ необходимо различать концептуальную картину мира, связанную с понятийной сферой человеческого мышления и сознания, и языковую (наивную) картину мира, строящуюся на системе так называемых семантических «фильтров» того или иного языка. Очевидно, концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в создании первой участвуют не только различные типы мышления, но и знания, пополняемые данными наук и практики, с помощью которых наши представления о мире, с одной стороны, обогащаются, а с другой стороны, уточняются и изменяются (ср. различные субстанции, вкладываемые в разные времена в такие понятия, как Земля, атом, огонь, воздух, душа, дух, смерть и многие др.; характерной в этом смысле является история самого понятия «человек», а также различные определения человека в современной науке, что передается с помощью таких терминов, как *homo sapiens*, *homo faber*, *homo loquens* и т. п.

Однако, несмотря на различия между концептуальной картиной мира и ЯКМ, они связаны друг с другом: «Язык, — пишет Б. А. Серебренников, — не мог бы выполнять роль средства общения, если он не был бы связан с концептуальной картиной мира. Эта связь осуществляется в языке двояким способом. Язык означает отдельные элементы концептуальной картины мира. Это означивание выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями. Язык объясняет содержание концептуальной картины мира, связывая в речи между собой слова» [5, с. 107].

Благодаря такой связи ЯКМ представляет собой один из видов тех картин мира, которые могут претендовать на глобальную, общую картину мира, поскольку элементы ЯКМ связаны через концептуальную картину мира с физической, биологической, мифологической, религиозной и т. п. картинами мира. Не случайно в связи с этим, что некоторые лингвисты внутри ЯКМ выделяют «наивную физику», «наивную геометрию», «наивную анатомию», «наивную психологию», и т. д. (здесь «наивный» = языковой). В этом ряду картин мира особый интерес представляет наивная этика, поскольку в ней закреплена в языковой форме архетипический, глубинный способ познания чело-

века как социальной данности, способ бытия отдельной личности в человеческом обществе. Начиная с древнейших сакральных памятников письменности, кончая сокровенными размышлениями философов и мыслителей, наивная этика в языковой форме закрепила так называемые вечные моральные ценности. С другой стороны, благодаря языку, в котором живет любой человек, наивная этика самодостаточна и самоценна, поскольку в ней моральные стереотипы кристаллизуются с помощью языковых форм, прежде всего слов и паремий. Понятно также, почему наивная этика в принципе идиозотнична; в ней проявляется национальное видение мира, национальная ментальность и весь культурно-исторический опыт того или иного народа. Для иллюстрации русской наивно-языковой этики и так называемой наивной семантики приведем лишь некоторые примеры из работы Ю. Д. Апресяна: «... из анализа пар слов типа *хвалить* и *льстить*, *хвалить* и *хвалиться*, *обещать* и *сулить*, *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *смеяться* (над кем-л.) и *глумиться*, *свидетель* и *соглядатай*, *любопытность* и *любопытство*, *распоряжаться* и *помыкать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, *критиковать* и *чернить*, *добиваться* и *домогааться*, *показывать* (свою храбрость) и *рисоваться* (своей храбростью), *жаловаться* и *ябедничать* и других подобных можно извлечь представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики. Вот некоторые из них: «нехорошо преследовать узкокорыстные цели» (*домогааться*, *льстить*, *сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подсматривать*, *подслушивать*, *соглядатай*, *любопытство*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать*, *глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*пресмыкаться*, *подобострастный*); «нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки» (*хвастаться*, *рисоваться*, *кичиться*, *чернить*); «нехорошо рассказывать третьим лицам о том, что нам не нравится в поведении и поступках наших ближних» (*ябедничать*, *фискалить*) и т.п. Конечно, все эти заповеди — не более чем прописные истины, но любопытно, что они закреплены в значениях слов» [1, с. 351]. Подобного рода интересные наблюдения над русской ЯКМ представлены во многих работах (см., в частности, [2; 3; 6; 7] и мн. др.)

Присущие приведенным и многим другим словам специфические коннотации формируют наивную этику языка. Она четко прослеживается также в пословицах, поговорках, идиоматике и фразеологии, т. е. в паремиологии любого языка. Так, исключительно морализирующую коннотацию имеют такие русские выражения, как «Яблоко от яблони недалеко падает», «Два сапога — пара», «Рука руку моет» и др.

Интересно отметить, что многие образные выражения-идиомы используются с четкой этической оценкой по шкале «одобрительное (положительное) — неодобрительное (отрицательное)», например:

ОДОБРИТЕЛЬНОЕ (+) — *не покладая рук, не разгибая спины, с душой, без задней мысли, держать язык за зубами, жить своим умом* и др.

НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ (—) — *валять дурака, палец о палец не ударить, гонять собак, бросать слова на ветер, выносить сор из избы, за глаза говорить, перемывать косточки, обливать грязью, длинный язык* и др.

Важно при этом отметить, что в роли «морализатора» и этического судьи в русском языковом сознании обычно выступает сам говорящий, в силу чего этическая оценка какого-либо поступка проводится по схеме: «Я» — (+), «не Я» — (—), (+), и это обуславливает своего рода семантическое согласование, основанное на правилах наивной этики. Если такие фразы, как «Я весь год работаю не покладая рук», «Я к нему душой...», «Я умею держать язык за зубами» и т. п., соответствуют прагматическим нормам русского языка, то высказывания, построенные без соблюдения норм наивной этики, воспринимаются или как маловероятные, порой даже аномальные (**Я бросаю слова на ветер; *Я обливаю грязью своих соседей; ?*Я весь день гоняю собак* и т. п.), или как выражающие бахвальство, самоиронию или вызов общепринятым нормам (*У меня теперь такая работа — весь день валять дурака (гонять собак)* и т. п.).

Вполне очевидно, почему более типичным является употребление в таких случаях выражений с неодобрительной этической оценкой в сочетании с отрицанием: Я не бросаю слов на ветер; Я никогда не говорю о людях за глаза; Нехорошо выносить сор из избы и т. п.

Эгоцентрический характер организации норм наивной этики обуславливает систему так называемых речевых (прагматических) клише, языковых стереотипов, используемых в определенных ситуациях общения и речевого взаимодействия (в различных типах интеракции). Лингвопрагматическое поведение коммуникантов при этом определяется не только их социальным статусом, но и исходящими из этого предписаниями, задаваемыми нормами языковой этики. Сами эти нормы наивной морали универсальны в содержательно-смысловом отношении, но специфичны по своему значению и способам выражения в каждом языке (ср., например, очень сложную с точки зрения европейца систему языковых средств передачи вежливости в китайском, японском, корейском и др. восточных языках). Вместе с тем компоненты этической коннотации являются неременной принадлежностью семантики и прагматики слова или

фразеологизма, поэтому в определенных условиях они выполняют функцию дифференциальных признаков. Так, например, «круговое» толкование стереотипов извинения «Извини(те)» — «Прости(те)» возможно лишь до определенного предела, и это связано не только с тонкостями семантического противопоставления в этих двух формулах, но и с различиями в наивной этике (ср.: *Извините меня за эти слова — Простите меня за эти слова*, но нельзя: *Господи, прости меня за такие слова — ?*Господи, извини меня за такие слова*).

Доля смыслового (лексического) и коннотативного (наивно-этического) в семантической структуре рассматриваемых слов различна как в лексемах одного языка (ср. русские *Пока!* и *До встречи в Москве!*), но и в словах-эквивалентах разных языков. Для иллюстрации этого положения приведем следующую цитату: «Русско-немецкое сравнение прагматических клише показало на примере выражения благодарности и извинения, что в этих случаях в русском языке клише является более дословным, чем в немецком языке. Это значит, что буквальное значение, семантика, хотя и в редуцированном виде, но присутствует; если по-русски произносится извинение, то говорящий сознательно берет на себя хотя бы минимальную долю вины; если он выражает благодарность, то он действительно благодарен, так что минимизация повода не обязательна. Степень вежливости прагматических клише также во многих случаях оказывается обусловленной культурным контекстом» [4, с. 21]. Действительно, национально-культурный контекст, включающий в себя и историко-культурный компонент, обуславливает особенности духовно-нравственной основы любого народа, его менталитета.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997.
3. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. — М.: Терра Систем, 2008.
4. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. — 1997. — № 1. — С. 15—22.
5. Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 87—107.
6. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. — М.: Флинта: Наука, 2009.
7. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М.: Языки славянской культуры, 2002.

АСПЕКТЫ ВАРЬИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ»

Бочарникова Ирина Вячеславовна

*аспирант Астраханского государственного университета,
г. Астрахань*

E-mail: bocharnikovairina@gmail.com

В современной лингвистике существуют различные методы исследования и типологизации концептов. Но практически все учёные сходятся в одном: изучение когнитивных свойств концептов не может проводиться отдельно от изучения их функциональных и коммуникативных свойств. По словам Е. С. Кубряковой, «...каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [4, с. 11—12]. Концепты должны рассматриваться как «явления динамического уровня взаимодействия языка, сознания, дискурса, культуры, характеризуемые потенциальностью смыслов, получающие определенность только на дискурсивном уровне, в условиях взаимодействия всех этих составляющих» [4, с. 3]. Авторы многих концептологических исследований говорят о том, что содержание концепта изменчиво и зависит от множества факторов (Гольдин 2003, Варзин 2003, Карасик 2002, Попова, Стернин 2001, Слышкин 2004, Степанов 1997, Фрумкина 1995). Одним из основных направлений изучения возможного варьирования концептов является сопоставление их содержания в разных лингвокультурах. Вместе с тем существенное влияние на содержание и функционирование концептов оказывают и другие факторы — социальные, возрастные, гендерные, дискурсивные, индивидуальные, влияние которых следует учитывать и при изучении национально-культурной обусловленности концептов. Концепт представляет собой «принципиально вариативную, нестатичную единицу: его содержание, в силу своей индивидуальной природы, модифицируется под воздействием культурно-исторических, социальных, возрастных, гендерных, дискурсивных факторов» [3, с. 7].

Разные типы концептов в различной степени подвержены варьированию, как внутриэтническому, так и межкультурному. Одним из наиболее ярких концептов, обладающий высокой степенью варьирования, является концепт «Жизнь». Центром концепта «Жизнь», как любого лингвокультурного концепта, является ценность. Е. В. Бабаева считает, что «лингвокультурный концепт выступает той структурой сознания, в которой фиксируются ценности социума» [1]. Изучение ценностной составляющей лингвокультурного концепта «Жизнь» актуально и необходимо, так как оно позволит определить базовые ценностные

характеристики русского народа, дифференцировать их в зависимости от различных факторов и выявить те ценности, которые релевантны для носителей русского языкового сознания на данном этапе развития российского общества. Концепт «Жизнь» является многомерным сложным ментальным образованием, представленным в сознании разных людей своими многочисленными признаками и реализующийся в языке с помощью различных по семантической природе и эмоциональной окраске лексических средств. Именно в лексике русского языка зафиксированы совершенно разные, противоположные варианты языкового выражения смыслов концепта «Жизнь», а также вариативность его оценочного компонента. В объединении противоположных значений, качеств, свойств и признаков в рамках одного явления проявляется антиномическая природа концепта «Жизнь». Под антиномией мы понимаем «сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково убедительное логическое обоснование» [2]. Антиномичность концепта «Жизнь» обуславливает единство, гармонию его противоположных по своей сути компонентов, а сам концепт выступает как некое целое, целостность которого не только не разрушается, а, напротив, обеспечивается взаимодействием противоположных составляющих. Благодаря высокой степени варьирования концепта «Жизнь», в языковом сознании личности возможно существование множества амбивалентных по своему содержанию понятий и образов, представляющих наше понимание жизни и актуализирующихся в языке.

На наш взгляд, концепт «Жизнь» может быть изучен с опорой на различные критерии вариативности. Одним из них является диахроническое варьирование концепта. Динамический характер концептуального содержания обосновывает важность изучения концепта в диахроническом аспекте. Данному вопросу посвящены работы по трансформации концептуального содержания в диахроническом аспекте (Зинковская 2006, Иванова 2006, Ковалев 2003, Колмогоров 2000, Кошкина 2008, Кругликова 2004, Терина 2007 и др.). На диахронические изменения в содержании концепта могут повлиять такие факторы, как смена системы социальных отношений, ослабление или усиление влияния различных философских, идеологических и религиозных систем, изменение качества и уровня жизни. Слово *жизнь*, образованное в древний период от древнерусского глагола *житии*, уже в момент своего появления, было полисемантическим, что обусловлено синкретизмом этимона — индоевропейского корня *gei/*goi/*gi. Этим объясняется варьирование смыслового компонента концепта. Однако важным представляется установить состав

понятийного компонент концепта на разных исторических этапах развития языка, выявить схожие и новые элементы, изучить способы репрезентации концепта в паремиологических текстах как синтезе культурных ценностей русского народа, сопоставить полученные сведения с содержанием понятийного компонента в современных лексикографических источниках.

На современном этапе важным представляется проанализировать способы репрезентации концепта в современном русском языке на основе анализа данных ассоциативного эксперимента, проведённого с учётом возрастного фактора. Исследования возрастного варьирования концептуального содержания свидетельствуют о том, что возрастная специфика в содержании концепта может быть связана с актуализацией отдельных признаков в структуре концепта; сопоставление содержания концепта «Жизнь» у детей и взрослых позволяет выявить закономерности формирования концепта в процессе становления языкового сознания индивида. Возрастные особенности концептуального содержания анализируются также в работах В. Е. Гольдина, С. Г. Воркачева, Н. В. Крючковой. Возрастная динамика ассоциативного реагирования не является однородной, она определяется характером отношения к явлению «Жизни», содержание которого меняется по мере взросления личности. Отсутствие жизненного опыта у детей позволяет выявить «наивные», первоначальные элементы содержания концепта «Жизнь».

Также представляется важным для реконструкции структуры концепта «Жизнь» изучение гендерного варьирования, которое в настоящее время является одним из активно развивающихся направлений лингвистики. В некоторых исследованиях делаются выводы о наличии гендерной специфики в содержании концепта, отражающей особенности мужской и женской психологии, а также традиционное закрепление гендерных ролей (С. Г. Воркачев, А. В. Рудакова, Н. Р. Эренбург).

На наш взгляд, в современном русском языке большую релевантность приобретают значения, репрезентирующие варьирование концепта «Жизнь» по социальному фактору, что также отражается и на содержании концептосферы носителя языка. «Профессиональный фактор, в частности, оказывает несомненное влияние на формирование концептуальных связей в сознании носителя языка» [3, с. 18]. Принадлежность носителей языка к той или иной социальной группе определяет критерии, по которым он оценивает мир вокруг, в данном конкретном моменте в конкретном обществе. Содержание ценностного компонента концепта «Жизнь» во многом зависит от того, какую жизнь ведёт человек, к какой социальной группе он себя относит. Манера и образ его жизни, тип трудовой

деятельности, соотношения себя с каким-либо типом определяет отношение к жизни, что отражается в содержании ценностного компонента. Для определения варьирования ценностного компонента концепта «Жизнь» по социальному признаку, представляется интересным провести ассоциативный эксперимент среди работников сферы образования и культуры и работников сферы торговли, как представителей кардинально разных сфер деятельности человека, для которых жизненные ценности также будут существенно отличаться.

Ряд концептологических исследований содержит данные, свидетельствующие о том, что содержание концепта может меняться при его функционировании в различных типах дискурса (см., например, Бобырева 2007, Воркачев 2005, Гаврилова 2007, Слышкин 2004, Янова 2005). Концепт «Жизнь» также может быть рассмотрен в рамках институционального дискурса (В. И. Карасик 2006).

Наиболее часто в центре внимания исследователей оказывается лингвокультурное варьирование концептов, изучение которого позволяет выявить общее и различное в структуре, функционировании и содержании одного и того же концепта в различных лингвокультурах. Концепты, репрезентирующие культурные ценности подвержены значительному варьированию, так как отражают, прежде всего, специфику мировосприятия определённой нации, природу ментальности и характерные культурные реалии. Лингвокультурные различия в концептуальном содержании касаются, прежде всего, ценностной и ассоциативно-образной сторон концепта. Можно предположить, что степень зависимости содержания концепта от культурно маркированных представлений является одним из факторов, определяющих особенности его функционирования и характер его варьирования в определённом обществе на определённом временном этапе.

Концепт «Жизнь» является лингвокультурным концептом, так как с одной стороны он является универсальным концептом, а с другой отражает национальную специфику. Являясь универсальным, концепт «Жизнь» также и этноспецифичен и индивидуален. Универсален, потому что присутствует в каждом языке мира и в большинстве случаев состоит из определённого набора компонентов, отражающих лексическую наполняемость концепта. Этноспецифичен, так как смысловые компоненты этого концепта, их набор и иерархия, иными словами, расположение периферийных значений по отношению к ядру концепта и ценностная значимость этих понятий отражают специфические ментальные особенности нации. Изучая репрезентации данного концепта в речи, его структуру и структуру его компонентов, можно понять и описать качественные характеристики нации, моральные установки, ценностные ориентиры. Индивидуальным этот концепт

является потому, что даже внутри одной языковой ментальности существуют индивиды, которые классифицируют ценности в соответствии со своими убеждениями, которые не вполне совпадают с общепринятыми представлениями, выделяясь на общем фоне, и являются проявлениями индивидуальности их носителя. Каждый человек воспринимает и трактует понятие «Жизнь», а также её ценности, критерии через призму своего личного жизненного опыта. Высокая степень варьирования концепта «Жизнь» в русском языке, его репрезентация в сознании русских людей многочисленными образами, многообразии факторов, влияющих на формирование содержания и структуры концепта — всё это свидетельствует о несомненной важности изучения концепта «Жизнь» с учётом различных критериев варьирования.

Список литературы:

1. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : дис. ... д—ра филол. наук. — Волгоград: Перемена, 2004. — 40 с.
2. Грузберг Л. А. Антонимия — антонимия: взаимодействие или взаимоисключение? // журнал «Филолог». — 2009 г. — №9. [электронный ресурс]. — Режим доступа. — <http://philolog.pspu.ru/module>.
3. Крючкова Н. В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов: автореферат... д—ра филол. наук. — Саратов, 2009. — 48 с.
4. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка, том 63, № 3. — М., 2004. — с. 11-12.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ГОВОРАХ ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Кузьмина Раиса Петровна

*канд. филол. наук, научный сотрудник сектора эвенской филологии
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск
E-mail: KuzminaRaisa@rambler.ru*

Лексический состав любого языка является самым подвижным языковым компонентом, который находится в процессе постоянного изменения и обогащается, пополняется, отражая в своем развитии условия определенного исторического периода в развитии общества.

По классификации В. И. Цинциус в западный диалект эвенского языка отнесены три говора: саккырырский, ламунхинский и юкагирский [3, с. 7]. Территорией проживания представителей этих трех эвенских говоров являются различные улусы Республики Саха (Якутия).

Семантические диалектизмы в этих говорах эвенов Якутии мы разделили на две группы: слова с расширенным значением и слова со смещенным значением.

Группы слов с расширенным значением в эвенских говорах Якутии встречаются во множестве, например: *аркудай* 1) быть воткнутым (общее с лит. эвенским языком значение); 2) лам. быть насаженным на вертел (о мясе, рыбе) (дополнительное диал. значение).

Например: *Нонгон үлдөв аркутни.* «Он мясо насадил на рожон».

Бөгэ 1) наледь (общее с лит. языком значение); 2) полынья (дополнительное диал. значение); 3) накипень (лед бугром на роднике, намерзлые кочки, бугры).

Например: *Кунгол бөгэли оронот кун'авкано.* «Дети поскакали на оленях по полынье».

Боридай 1) разделить; отделить (общее с лит. языком значение); 2) поделиться, угостить (дополнительное диал. значение).

Например: *Опо минду олдов боритни.* «Афоня угостил меня рыбой».

Гивун 1) выбивалка (для выбивания пыли, обивания снега с одежды, обуви, шкур)(общее с лит. языком значение); 2) посох, костыль (дополнительное диалектное значение).

Например: *Этикэн гивум деһки нодатни.* «Старик бросил в сторону посох».

Гивдэй 1) выбивать, выколачивать (одежду, обувь, шкуры); 2) вытряхивать, стряхивать, встряхивать (общее с лит. языком значение); 3) отряхиваться, встряхиваться (о животных) (дополнительное диалектное значение).

Гадакка 1) полукруг, полумесяц (общее с лит. языком значение); 2) половина (дополнительное диал. значение).

Например: *Минду гадаккав үмүти.* «Дай мне половину».

Дэлмичэ 1.1) свободный (об олене); 2) неприрученный (олень, еще не обученный ходить в упряжке или под седлом) (общее с литературным языком значение); 2. стадо домашних оленей, табун (дополнительное диал. значение).

Например: *Кулинду дэлмичэл урөкчөнтэки кун'аро.* «Во время лета комаров, стадо умчалось в сторону горы».

Калдит 1) обрыв (общее с литературным языком значение); 2) плоский (дополнительное диалектное значение).

Например: *Калдит кадарри мут гиркарит*. «Мы карабкались по плоской скале».

Котан'а 1) вогнутый, кривой (только об оленьих рогах) (общее с лит. языком значение); 2) выемка (дополнительное диал. значение).

Например: *Амму котан'а ийөлкэн ором таккаттин*. «Отец приручил оленя с вогнутыми рогами».

Тэгэтэй 1) сидеть; 2) жить оседло (общее с лит. языком значение), дополнительное значение в ламунхинском говоре «жить».

Например: *Бит тарак д'уду тэгэтэм*. «Я живу в том доме».

Тиктэй 1) упасть; (общее с лит. языком значение); 2) поселиться (дополнительное диал. значение).

Например: *Нонгон мўттўлэ тиктин*. «Он поселился у нас».

Гилбэр «цуг, вереница (об оленях в караване) (общее с лит. языком значение); «поводок (седла)» (дополнительное диал. значение).

Например: *Мики нгини гилбэррэ өн'этни*. «Никифор привязал собаку на поводок».

В языке эвенов Якутии имеются группы слов со смещенным значением, т. е. слов, совпадающих по звуковому облику с литературными словами, но имеющих в говорах особое значение, например: в литературном эвенском языке букчан «остров», в ламунхинском говоре это слово означает «гора», например: *Энду кунгалн'ун букчандула ойчитни*. «Андрей с ребятами поднялся на гору».

Майтан «ворот, воротник» (лит.); «шарф» (лам.). Например: *Кунга майтан н'аһми*. «У ребенка теплый шарф».

Нантар 1. как ни в чем не бывало (лит.); 2. смелый (диал.) и др.

Как известно, обогащение и развитие словарного состава любого языка происходит также путём заимствования слов из других языков. Иноязычные слова в эвенских говорах Якутии представлены якутизмами и интерференция происходит на всех уровнях языка.

При освоении семантики заимствованных слов языком-рецептором, слова могут иметь дополнительное значение, приводящее к некоторому расширению семантики, также происходит смещение значений слов и сужение значений слов. Такое же явление было отмечено исследователями в близкородственном эвенкийском языке [1, с. 119—124].

1. Заимствованных слов с расширенным значением в говорах западного диалекта немного, например:

дойду «родина» от як. *дойду* означает «страна, край; родина, отечество; сторона, местность, край; земля, страна, государство». Как и в эвенкийском языке [2, с. 122] во всех эвенских говорах Якутии приобрело значение «центральная часть Якутии, где живет основная масса якутов».

2. В говорах западного диалекта в якутских словах наблюдается смещение значений слов:

чокур «колено печной трубы» от як. *токур* «гнутой, согнутой, кривой», *үрүҥ* «чайник для заваривания» от як. *үрүҥ* «белый»; *үрүҥ* чайнык «чайник для заваривания», *абага* «родной дед, дедушка» от як. *абаҕа* «дядя (старший брат отца)», *көтөл* «грузовая нарта» от як. «вьючные лошади, привязанные друг за другом; ехать цугом», *кэрэгэй* «дурак, глупец» от як. *кэрэгэй* «неподходящий, несоответствующий; недостающий, неудачный». *нилба* «новорожденный ребенок» от як. *ньылба* «выкидыш, недоносок; бран. молокосос», *матага* «вьючная сума» от як. *матаҕа* «кожаная сумка, котомка, кожаный мешок».

3. При переходе слова из якутского языка в эвенский, значение слова осваивается частично и происходит сужение значения слова, например:

бага «желание» от як. *баҕа* «охота, хотенье, сильное желание, пожелание, стремление, прихоть, удовольствие», *майгы* «характер, нрав человека» от як. *майгы* «способ, средство, образ, образец, пример; род, вид, дух, подобие, качество, свойство, характер, нрав и т. д.», *олокток* «местный житель» от як. *олоктоох* «1) имеющий сиденье, основание, основательный; 2) имеющий жительство, оседлый; 3) имеющий жизнь», *оруһу* «важенка (поздно телящаяся)» от як. *ороһу* «родившийся позже (человек, теленок, жеребенок и т. д.), или образовавшийся, появившийся позже», *һага* «воротник» от як. *саҕа* «1. ворот, воротник; 2. начало; граница, край», *һубай* «кровяная колбаса из жидкой крови» от як. *субай* «1) холостой; не стельная, яловая; 2) кровь; вареная кровь; колбаса из кобыльей крови; алая жидкая кровь», *һэри* «война» от як. *сэрии* «1) воинство, войско, армия, ополчение, полк, воин; 2) война, брань, ботва, бой; 3) толпа, большая масса людей; 4) доски лавки и потолка; 5) палки, которые кладутся поперек саней во время возки сена; б) палочки толщиной со спичку, употребляемые в игре».

Из всего вышеизложенного следует отметить, что в говорах западного диалекта в эвенских словах имеются группы слов со смещенным и расширенным значением, а также в заимствованных словах из якутского языка наблюдается расширение, смещение и сужение значений слов.

Список литературы

1. Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. — Л., 1975. — 211 с.
2. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1 (А—Н). Л., 1975; Т. 2 (О—Э). Л., 1977.
3. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. — Л., 1947. — Ч. 1.

КОНЦЕПТ *СТЫД* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Рыженкова Юлия Владимировна

*студент, кафедра русского языка, Приамурский государственный
университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан
E-mail: pantegruel.vs.gargantua@yandex.ru*

Гофман Татьяна Викторовна

*канд. филол. наук, доцент, кафедра русского языка,
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема,
г. Биробиджан*

Данная статья посвящена репрезентации концепта *стыд* в национальной картине мира на примере пословиц и поговорок русского народа с лексемой *стыд*.

Современная лингвистика развивается в рамках антропоцентрической парадигмы, ключевыми понятиями, которой являются языковая картина мира, концептуальное членение мира, ментальность, национальное сознание и др. Языковая картина мира фиксирует в языке представления народа о действительности на определенном этапе развития, но она не дает полной картины мира, которая присутствует в национальном сознании.

Данными проблемами занимаются многие ученые (Н. Д. Арутюнова, О. А. Корнилов, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. Д. Шмелев и др.). В этой работе мы будем пользоваться определением концепт, которое дали З. Д. Попова и И. А. Стернин [7, с. 34].

Для определения этимологических корней лексемы *стыд* были привлечены «Этимологические словари русского языка» Г. А. Крылова [4] и М. Фасмера [10].

При этимологическом анализе лексемы *стыд* мы установили, что данное слово по своему происхождению является праславянским и восходит к *studъ, *styďъ со значением «холод». Н. Д. Арутюнова писала о связи стыда с реакцией на холод.

Изначально лексема *стыд* обозначала ‘способность вызывать угрызение совести и чувство страха’ [1].

В работе «Статьи по семиотике культуры и искусства» М. Ю. Лотман пишет о чувстве *стыда* и *страха* как о регуляторах поведения человека в коллективе на ранних стадиях развития. По словам ученого, *страх* выступает механизмом регулирования запретов в животном мире и известен человеку по его природе. *Стыд* же

является специфическим человеческим регулятором в древнейших культурных запретах [5, с. 436].

В статье «О стыде и стуже» Н. Д. Арутюновой именно переход от животных запретов к культурным и послужил разграничением слова *стыд* с такими, как *страх*, *угрызение совести*, *боязнь*, *почитание*, *уважение*. В этом исследователь видит, помимо прочего, отделение этических норм от этикетных.

Итак, с течением времени произошло сужение значения слова *стыд*, чему послужило культурное развитие общества с формированием правил и норм поведения.

В результате анализа паремиологических источников было выявлено 66 пословиц и поговорок, содержащих лексему *стыд*.

При лингвистическом анализе паремий с лексемой *стыд*, были выявлены пословицы и поговорки, в которых реализовывались такие понятия, как *страх* и *совесть*. Для определения семантического значения слов *стыд*, *страх*, *совесть* мы пользовались «Словарем живого великорусского языка» В. И. Даля [3], «Толковым словарем русского языка» Д. Н. Ушакова [9] и «Толковым словарем русского языка» С. И. Ожегова [6].

Все собранные паремии со словом *стыд* и его производными можно разделить по лексическому значению на 5 групп.

В первую группу вошли пословицы и поговорки, в которых отразилось первое лексическое значение слова *стыд*. В этих паремиях *стыд* и его производные обозначают чувство или способность стыдиться (*Лучше понести убытку на рубль, чем на грош стыда; Ешь — не стыдись, а работай — не ленись*).

В данной группе можно выделить подгруппу паремий, история происхождения которых связана с Библией. В Священном Писании говорится: «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» [2, с. 11].

Все пословицы и поговорки в данной подгруппе называют эмоцию стыд и реализуют первое значение этой лексемы.

Во вторую группу входят пословицы и поговорки, в которых реализованы различные семы второго лексического значения слова *стыд*: *позор*, *бесчестие*. Паремии с семой *позор*: *Людской стыд — смех, а свой стыд — смерть; От такого стыда сквозь землю бы провалился*. Паремии с семой *бесчестие*: *Стыд пал на мою седую голову; В чем деду стыд, в том бабе смех*.

Данные паремии обозначают уже не столько эмоцию, сколько неприятное положение, в котором оказался кто-либо. Стыд — это внутреннее состояние человека, а позор — оценка какой-либо ситуации, действий как являющихся достойными осуждения.

Нами выделена еще одна группа пословиц и поговорок, в которых слово *стыд* включает в себя как первое, так и второе лексические значения. В ней можно выделить подгруппы:

Паремии, в которых *стыд* можно понять как в первом, так и во втором значении (*Лишнее слово досаду наводит и до стыда доводит*).

Паремии, в которых в одной из частей реализуется первое значение, а в другой — второе (*Спросить — минутный стыд, не спросить — стыд на всю жизнь*).

В четвертой группе пословиц и поговорок в понятие *стыда* реализуется первое лексическое значение слова *совесть* (*После дождя солнце жжет, после лжи — стыд*).

Совесть квалифицируется как чувство моральной ответственности.

Последнюю группу нашей классификации составляют пословицы и поговорки, в которых понятие *стыда* воплощено в разных семах лексического значения слова *страх*. *Ошибаясь, не стыдись исправляться*. В данном примере воплощено второе лексическое значение слова *страх* по словарям Д. Н. Ушакова [9] и С. И. Ожегова [6], по определению В. И. Даля, здесь реализуется пятая сема предложенного им толкования, то есть «тревожное состояние души от испуга» [3]. *Смерти боятся, а людей не стыдятся*. В этом примере отражено первое лексическое значение по словарю С. И. Ожегова [6], по словарям В. И. Даля [3] и Д. Н. Ушакова [9] реализуются только семы «боязнь, робость».

Что стыдимся, то и таимся. Понятия *стыдимся*, имеет значение «испытывать чувство страха», которое в словаре В. И. Даля реализуется в значении ‘бояться, сильное опасение’, у С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова во втором лексическом значении.

Можно предположить, что паремии, вошедшие в две последние группы, создавались народом в то время, когда значение лексемы *стыд* включало в себя понятия *совести* и *страха*. Понятие *совести* нашло свое отражение в пословицах и поговорках только в первом лексическом значении, понятие *страха* отражается в нескольких семах («бояться, сильное опасение», ‘испытывать чувство страха’).

М. Ю. Лотман писал о страхе как о первичном животном регуляторе запретов [5], что и нашло отражение в пословицах и поговорках русского народа. Эти паремии прошли через века и существуют до сих пор, потому что языковая картина мира является относительно статичной.

Позже возникло понятие *стыда*, который выступил как первичный культурный регулятор запретов. Это хорошо видно на примерах паремий первой и второй групп.

В современной лингвокультурологии существует деление концепта *стыд* на деонтический и эмоциональный. Разграничение *стыда* эмоционального и деонтического произошло на основании того, что первый обозначает чувство *стыда*, а второй дает этическую оценку каким-либо действиям. Однако не всегда различия между эмоциональным и деонтическим *стыдом* явно выражены, часто их границы размыты.

Все пословицы и поговорки, собранные нами, можно разделить на две группы. К первой будут относиться паремии, передающие эмоциональный стыд, ко второй — деонтический.

К группе пословиц и поговорок, называющих эмоциональный *стыд*, относятся паремии, в которых понятие *стыда* называет чувство. По первой классификации сюда можно отнести пословицы и поговорки, где понятие *стыд* представлено в первом лексическом значении, реализуется через значения *совести* и *страха* (*Я со стыда сгорел*).

В группу паремий, описывающих деонтический стыд, входят пословицы и поговорки, в которых реализуется второе лексической значение слова *стыд* (*Шутка ведется не ради вреда и не ради стыда*).

В данной классификации можно выделить группу паремий, объединяющих и эмоциональный, и деонтический *стыд* (*Не стыдно не знать, стыдно не учиться*).

Таким образом, исследуемые паремии способны представить *стыд* как чувство, испытываемое отдельным человеком, и как этическую норму, характерную для целого народа.

Описание фрагмента языковой картины мира позволяет выполнить системный анализ концепта *стыд*, зафиксированного в русских пословицах и поговорках, и исследовать ментальную репрезентацию концепта *стыд* в картине мира русского народа.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — С. 59—70.
2. Библия. Книги священного писания. Ветхого и Нового Завета. — М.: Российское библейское общество, 2005. — 1337 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.: Т. 3. — М.: Терра, 1998. — 556 с.
4. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. — СПб.: ООО «Полиграфслучи», 2005. — 432 с.
5. Лотман Ю. М. Статья по семиотике культуры и искусства.— СПб.: Академический проект, 2002. — 544 с.

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М.: ООО «Издательский дом «Оникс 21 век», ООО «Издательство» Мир и Образование», 2004. — 896 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
8. Пословицы и поговорки у русского народа: сайт. — URL: http://x-vim.info/s_0d2655f.html (дата обращения: 11.03.2011)
9. Ушаков Н. Д. Толковый словарь русского языка: В 4 т.: Т. 4. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. — 1502 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Т. 4. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — 832 с.
11. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 204 с.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Шарина Сардана Ивановна

канд. филол. наук, ИГИПМНС СО РАН, г. Якутск

E-mail: sarshar@mail.ru

По семантике данный разряд местоимений как бы выделяет любой предмет из ряда подобных. Указательные местоимения в эвенском языке обладают способностью заменять не только отдельные слова, но и целые фрагменты высказывания. Их отличительная особенность — способность указывать на близость/дальность референта. Эвенские указательные местоимения, выполняя собственно-указательную функцию, обозначают предмет, явление или конкретное лицо. В последнем случае значение указательного местоимения соотносится с функцией личного местоимения ноһан `он (она, оно)`.

Примеры: Аситки бэй гөнни: «Хину би туркуриу-у-си бакна. Ядук элэ илан анһан елтэнэкэн бакури?» **Тарак** барагран... `Человек женщине говорит: «Я тебя не мог найти. Откуда (букв. с чего) здесь спустя три года ты нашлась? Та отвечает...» [4, с. 31] **Тарак** һин илэ бисни? `Где находится та собака?` Би **эрэв** бэйу эду алаттаку. `Я этого человека здесь буду ждать`. **Тарак** дю тулгидэлэн өмэн аси илаттан. `Возле той юрты одна женщина стоит.` Эргидэлэ эгден окат бисни, **таду** буюн хоя бивэттэн. `Здесь есть большая река, там постоянно бывает много диких оленей.` Кунтэк өйдэлин исагла дылган нэрэн, провадилдули туттэн - **элэ** гондин, **тала** долдадин. Телефон. `Над сопками в лесу голос идет, бежит по проводам, здесь кто-нибудь скажет, там кто-нибудь услышит. Телефон` [1, с. 166].

При дейктическом употреблении демонстративы как бы выделяют данный предмет или действие из ряда однородных, например: **Эр-кэ эр**, тибаддан учуку депчэ гиркари, пэктэрэли! `Вот тот самый волк, который задавил моего верхового оленя, стреляй же!` Хэ-хэ, **эр** эмрэн атикалбанна бэй, бөлрэ ноһандун некив пэктэрүдэн! `Ха-ха, вот пришел жених, дайте ему лук, чтоб он выстрелил!` [3, с. 35].

В дейктической роли данные местоимения по признаку субъективной ориентации могут указывать на близость или на отдаленность предметов. В речевой практике данные слова применяются для обозначения предмета, находящегося на определенном расстоянии от говорящего: **Та-ар**, **тар** амкачан хэйлэн як-та ичун. `Вон там на вершине горы что-то показалось.` Причем,

имеются в виду как пространственные, так и временные рамки. Так, при повествовании информантами фольклорных и иных сюжетов часто используется указательное местоимение тар `тот`, обозначающий давность происходящих событий, например: Эгдем дюв бакран. **Тала** ин. `Нашел большой чум. Вошел туда.` **Тар** анцанилду хупкучэклэ эвэдыч хо аич хари хупкучимнэ гургэвчиччэ бисин. `В те годы в школе работала очень хорошо знавший эвенский язык учитель.`

Другой важной ролью демонстративов является анафорическая функция — указание упомянутого, известного. Как было отмечено выше, местоимения выполняют и роль субститутов — слов-заместителей, позволяя без повтора представить в сжатом виде отдельные элементы или целые фрагменты предыдущего текста, описанное обстоятельство, событие и т. д. В данном случае семантическое содержание местоимений значительно шире, чем при выполнении узкоспециальной дейктической функции.

Примеры употребления указательного местоимения тарак в анафорической функции: **Тачин** икэснидюр, надан хусиндял, эникэн дор, амаски мучучал. `Так пропев, семеро лебедей, не садясь (на землю), обратно вернулись`. Нямнимнин аси хяруктун хэпкэнни. **Тарич** хэрукэлкээн тикрэн, оран ойдун хэрукэндэвэн таниди. `Продолжая скакать, за суму женщины ухватился. Вместе с той сумой упал, стянув суму с оленя` [5, с. 14]. Эникэн ичур анусадды бисни. **Тарак** як бичэ бидин? Эдэн. `Невидимый, а все время толкается. Это что такое будет? Ветер` [1, с. 117]. Бэй гян бисни, ач икирилэ. **Тарак** бэй бэйдук эсни эмэбботтэ. Хинян. `У человека есть друг, без костей. Тот человек от человека никогда не отстает. Тень` [1, с. 144]. Өмэн бэгэн бичэ, дер коечэлкэн, дер долдасалкан, дер хэпкэсэлкэн, дер гиркасалкан. — **Таварал** якал бидир? `Один старейшина жил, у него две гляделки, две слушалки, две хваталки, две ходилки. - Вот те - что это такое? [1, с. 136]. Иланмяр долбани очалан, хуннэ эмнэн. **Тарак** амардадун накита эмнэн. `Когда наступила тридцатая ночь, ветер задул. После того медведь пришел` [5, с. 124].

При субстантивации указательных местоимений отмечается их широкое употребление во всех формах косвенных падежей. Дейктический ряд эвенских местоимений представлен не только первичными формами, указательные местоимения могут принимать не только падежные суффиксы, но и формы субъективной оценки, отмечается и принятие ими форм множественного числа и принадлежности, например: Хэнкуни бими гякчаңи онатван хэплий хинюттан, **тарани** гадни. `Хэнкуни же ястребиный клюв из кармана своего выгацил, тот (свой) взял` [5, с. 48].

Эвенские указательные местоимения в предложении могут употребляться в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства в форме локальных падежей. В поэтическом повествовании можно отметить употребление демонстративов в анамнестической (предваряющей) функции. Например:

Бэкэчин эр бисин,	`Все это было,	
Бэилнюн эр бисин,	С людьми это было,	
Нян айдит эр бисин,	И это действительно было	
Оралнюн эр бисин.	С оленями это было.	
Бинилэ эр бисин.	В жизни это было`	[2, с. 81].

Однако выполнение предваряющей функции для эвенских указательных местоимений менее характерно.

Отмечается широкое употребление эвенских указательных местоимений как средства выражения логической связи между самостоятельными предложениями в качестве союзных слов. Примеры: **Тараптук** хоя мө эенни, хоя аннани елтэнни. `С тех пор много воды утекло, много лет прошло`. **Тар-та** бими, эвэсэл уямкам одяритан. `Но несмотря ни на что эвены берегли горного барана`. Хину хэвки нюнчэн хин **тачимур** бидэс, теми-дэ хорсоли эрнюн арисагнюн. `Тебе бог велел, чтобы так с тобой было, стало быть, поезжай пока с этим чертом` [3, с. 40]. **Таракам** хи яв нектэй элэ эмрис? `Тогда зачем (досл. что делать) ты сюда приехал?` **Тараптук** энкэчэн Кэвэпу гэрбэ один. `С тех пор олененка называли Кэвэпу`. Ями качикан **тачикан** нэлэлчэ бичэ? `Почему щенок был такой испуганный?`.

Итак, эвенские указательные местоимения широко употребляются как средства выражения логической связи между самостоятельными предложениями.

Список литературы

1. Бурькин А. А. Малые жанры эвенского фольклора. Санкт-Петербург. 2001.
2. Кейметинов В. С. — Баргачан. Мьяму маранчан. Радуга на сердце. Стихи. Поэмы. Якутск, 2001.
3. Тайшина Е. И., Роббек В. А. Нёлтэк. Сказание. Якутск, 1992.
4. Эвэсэл төрэнэтэн нимкарни. Сказки эвенской земли / Ред. А. И. Хардани. — Магадан, 1988.
5. Эпос охотских эвенов. Якутск, 1986.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА CONSCIENCE / СОВЕСТЬ, СОДЕРЖАЩИЕ ЛЕКСЕМУ CONSCIENCE

Заика Татьяна Васильевна

канд. филол. наук, ст.преподаватель АФ НИУ БелГУ, г. Алексеевка

E-mail: tatyana-zaika@yandex.ru

Не вызывает сомнения утверждение, что СОВЕСТЬ относится к базовым концептам мирового социума, являющихся доминантами культуры любого народа. Такого рода концепты, по мнению В. А. Масловой, «появляются в глубокой древности и прослеживаются через взгляды мыслителей, писателей и рядовых носителей языка вплоть до наших дней» [4, с. 33].

В рамках рассмотрения ФЕ с концептовывражающим значением совести представляется целесообразным рассмотреть в первую очередь те из них, которые имеют в своем компонентном составе лексему conscience. Данные ФЕ составляют ядро исследуемого нами концепта. Когнитивная структура анализируемых фразеологизмов может быть представлена концептами, которые содержат определенный тип ментальной упаковки и формируют в сознании определенные комплексные представления о наличии или отсутствии совести. Дефиниционные лексемы позволили выявить следующий набор сем:

1. сема «раскаяние в содеянном»: ФЕ данной группы описывают ситуации, при которых индивид испытывает угрызения, муки совести, стыд: *guilty conscience* — повинная совесть, *for conscience sake, to calm (ease, relieve, sooth) one's conscience* — для очистки совести, *someone's conscience began to prick him (to give voice within him)* — совесть заговорила, *someone has pangs (pricks, stings) of conscience, someone's conscience worries (tortures) him* - совесть мучит, *conscience was hanged long ago* — стыд можно стерпеть;

2. сема «подлые, низкие деяния»: *without the slightest prick of conscience* — без зазрения совести, *a bargain (deal)with one's conscience* — сделка с совестью, *someone doesn't know what conscience is* — совести хватает (о низком поступке);

3. сема «ответственность за свои дела»: *someone has something on his conscience* — на совести, *do smth. conscientiously* — на совесть, *not only for fear but for conscience's sake* — не за страх, а за совесть;

4. сема «порядочное поведение»: *clear conscience* — чистая совесть, *tell smth. in all conscience* — по совести, откровенно, *do smth. with an easy conscience* поступать с чистой совестью, осознавая свою правоту;

5. сема «нравоучение»: *one ought to know what conscience is* — надо совесть знать.

ФЕ данных групп построены на основе дифференциальных сем и характеризуются широкой лексической и грамматической вариативностью компонентного состава, что усиливает способность данных ФЕ передавать различные смысловые оттенки, и расширяет их экспрессивно-оценочные возможности.

Наибольшей номинативной плотностью отличаются ФЕ, в которых реализуется значение стыда за совершенные действия, раскаяния, угрызения совести. Данные дифференциальные когнитивные признаки акцентируют ярко выраженный «практический» аспект оценки: субъект анализирует свое поведение, соотносит свои поступки с общепринятыми нормами жизнедеятельности.

“Only it didn't come from the well; it has something to do with her father. ... and the other was no more'n your own guilty conscience”. (S. King ‘Dolores Claiborne’).

ФЕ *for conscience sake, to calm (ease, relieve, sooth) one's conscience* — (для очистки совести) реализует, наряду с понятийным, образный и ценностный компоненты. Для интенсификации образа и усиления положительной коннотации используется стилистический компонент значения: лексемы с эмоциональной экспрессивностью (*calm, ease, relieve, sooth*), подчеркивающие, что субъект дошел до наивысшей степени моральных мук и готов сделать все, чтобы облегчить душу и успокоить свою совесть. В рассматриваемых контекстах анализируемых ФЕ акцент распределяется не только на глагольные лексемы, но и на ядерную составляющую, т.е. лексему *conscience*, которая имплицитно реализуется как наивысшая точка человеческого бытия, ради которой индивид, возможно, идет на определенные жертвы и страдания и, при достижении согласия с которой, наступает внутренняя гармония.

“Third Citizen To lose itself in a fog, where being three parts melted away with rotten dews, the fourth would return for conscience sake, to help to get...” (W. Shakespeare, *Coriolanus*’).

Наибольшую степень эмоциональной вовлеченности обнаруживают следующие ФЕ с семантическим наполнением стыда, душевного беспокойства: *someone's conscience began to prick him (to*

give voice within him) — совесть заговаривает, *someone has pangs (pricks, stings) of conscience, someone's conscience worries (tortures) him* — совесть мучит. Несмотря на существенную схожесть компонентного состава и общее концептуальное содержание, данные ФЕ объективируют определенные различительные признаки в зависимости от контекстного окружения. В некоторых ситуациях совесть объективируется как наивысшая кара, рано или поздно настигающая индивида, и приобретает, таким образом, корреляцию с концептом ОРУЖИЕ, отражая концептуальные признаки возмездия, наказания:

"Gerald's conscience began to prick him and sufficiently troubled to confess it before Mass the following..." (M. Mitchell, 'Gone with the Wind').

Рассматривая концептуальные значения совести и описывая набор объективируемых признаков и смыслов, мы обнаруживаем сложные и разнообразные коннотации. Совесть, объективируемая как комплекс наивысших моральных ценностей человека, способна реализовывать значения наивысшей степени отрицательных концептуальных признаков, таких как подлость, низость, предательство. В АЯ существует ряд ФЕ с компонентом *conscience*, репрезентирующих концептуальные значения совести посредством демонстрации ее отсутствия.

ФЕ *without the slightest prick of conscience* имеет фиксированную отрицательную оценку бессовестности, отсутствия всякого стеснения и несет дополнительный концептуальный признак пренебрежения к объекту не обладающего совестью.

Среди ФЕ с концептуально выражающим значением совести и содержащих лексему *conscience*, выделяется сегмент с исключительно положительной коннотацией порядочного поведения, которая объективируется в образе — основе и актуальном значении данных ФЕ. К ним мы относим: *clear conscience* — чистая совесть, *tell smth. in all conscience* — по совести, откровенно, *do smth. with an easy conscience* поступать с чистой совестью, осознавая свою правоту.

Подчеркивая факт трудности существования индивида в соответствии с наивысшими принципами нравственности и морали, мы еще раз акцентируем внимание на сложности концептуального значения совести, требующего комплексного когнитивного исследования.

Сходным образом реализуется в контексте смысл ФЕ *do smth. with an easy conscience*, в основе, которой лежит образ спокойной, уверенной в своей правоте личности, который живет в согласии со своей совестью:

“Try and calm yourself, and make your mind with an easy conscience, my frightened little singing-bird”. (H. Ibsen, *‘The Doll’s House’*).

“I took him into the cabin and closed the door, with a polite nod to Jacob, who was watching all with an easy conscience”. (A. Rice, *‘Pandora’*).

ФЕ *one ought to know what conscience* со значением «надо совесть знать» не может так же четко категоризоваться, как факт наличия или отсутствия совести. Она несет в себе поучительные коннотации и может рассматриваться в качестве ФЕ с побуждающе-мотивирующим значением. Эффект призыва и адресности позволяет отражать огромное многообразие концептуальных признаков совести таких, как честь, достоинство, справедливость, стыд, подлость, аморальность и др. Все возможные импликации могут быть разделены на две большие категории, первая из которых может начинаться с фразы «поступайте так», а вторая станет противопоставлением — «не делайте так»:

“Morris didn't know I could earn a living here at home. He shan't know either; for he knows what conscience is for the likes of me”. (A. C. Doyle, *‘The Valley of Fear’*).

В результате исследования ФЕ с компонентом *conscience* установлено, что реализация смысла и признаков ФЕ, репрезентирующих концепт СОВЕСТЬ во многом определяется контекстом. Лексема *conscience* выступает в качестве ядра, которое позволяет формировать ФЕ с различным компонентным составом и концептуальным содержанием.

Список литературы:

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н. Алефиренко // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М.: ЭЛПИС, 2005б. С. 21—27.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М.: Языки русской культуры, 1998. 764 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. М.: Рус. Язык, 1984. 942 с.
4. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. / В. А. Маслова. М.: Наследие, 1997.— 207 с.
5. BNC — British National Corpus — [электронный ресурс] — режим доступа. — <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

СТИЛЬ И СИНТАКСИС СТИХОТВОРЕНИЯ Ф. КЛОПШТОКА «DIE KÜNFTIGE GELIEBTE»

Гончарова Мария Вячеславовна

канд. филол. наук, ст. преп. СПбГУ, г. Санкт-Петербург

E-mail: maria_go@list.ru

Ф. Клопшток был одним из первых поэтов Германии, кто попытался возродить античные поэтические формы, такие, как ода, элегия и гимн. В стремлении Ф. Клопштока воссоздать жанр античной элегии зачастую возникала проблема при попытке подражательной передачи на немецкий язык присущего данной античной форме элегического дистиха, который был неудобен для немецкой просодики, в результате чего стих звучал искусственно. Ф. Клопшток адаптировал античные формы к немецкому звучанию, прибегнув к снятию жестких формальных ограничений, характерных для античных стихотворных форм. Так возник новый для немецкой поэзии стихотворный жанр — свободные ритмы, ярким примером этого жанра является стихотворение Ф. Клопштока «Die künftige Geliebte».

В элегии «Die künftige Geliebte» характерным стилеобразующим признаком можно назвать «неровный стиль» («Harte Fügung»). «Неровный стиль» поддерживает стремление к интенсивности и краткости, которое сталкивает огромное количество образов в ограниченном пространстве стихотворного текста. Так он выделяет каждое слово, давая ему возможность развернуть свое значение до конца [3, с. 91]. Для «неровного стиля» характерно большое количество инверсий и обособлений.

Так, у Ф. Клопштока часто встречаются обособленные причастные обороты, приложения, обращения. В рассматриваемом стихотворении мы наблюдаем множество обособленных оборотов с кратким вторым причастием, например:

Die du künftig mich liebst, o du, aus allen erkoren,
Sag, wo dein fliehender Fuß ohne mich einsam jetzt irrt? [1, с. 6].

В приведенном выше примере причастный оборот выполняет атрибутивную функцию. Обладающее большой выразительностью за счет своей сжатой структуры обособленное определение еще и выделяется запятыми, что позволяет придать особый экспрессивный заряд слову, определяемому причастным оборотом.

Для данного стихотворения также характерно частотное включение свободных аппозиций (особоженных приложений):

...*Zu der Liebe, der schönsten der Tugenden*, ... [1, с. 8].

При обособлении приложения, согласованного с определяемым существительным или местоимением, возникает синонимический

повтор, с помощью которого важное для автора слово раскрывается во всем богатстве смысловых оттенков.

Важная роль в стиле Ф. Клопштока отводится обращениям. Обращения, выделенные логическим ударением, передают направленность поэтической речи элегий на адресата, обращенность к конкретному слушателю и некоторую субъективность, характерную для элегического жанра как такового.

Dir nur, liebendes Herz, euch, meine vertraulichsten Tränen... [1, с. 6].

В приведенном примере проиллюстрирована еще одна особенность элегий Ф. Клопштока — использование большого количества личных местоимений второго лица, характеризующее такую адресованность.

Ф. Клопшток активно использует в свободных ритмах сильную позицию стиха — начало строки для постановки важных для себя слов в эту позицию и включает в стихотворение такую необычную синтаксическую конструкцию как именительный падеж представления, экспрессивный потенциал которой очень велик. «Предмет, выраженный именительным падежом представления, сосредоточивает на себе максимум внимания, становится объектом наблюдения, анализа, раздумий» [4, с. 141]. Для поэтической речи именительный падеж представления становится еще одним способом эмфатического выделения весомого слова путем постановки его в сильную позицию, в начало строки.

Jener Ort, der dich hält, wo ist er? [1, с. 7].

В приведенном выше примере весомое слово поставлено в сильную позицию — начало стиха. Кроме того, значимость данного слова подкреплена местоименным повтором и придаточным определительным.

Средством эмфатического выделения значимых слов у Ф. Клопштока является также инверсия, которая является наиболее характерной чертой его «жесткого стиля». Автор зачастую нарушает такие строго зафиксированные в языке явления, как второе грамматическое место финитного глагола в простом предложении:

Du mit zu starken Zügen den Duft des Lenzes nicht trinkest,
Und um den blühenden Mund sanfter die Lüfte nur wehn [1, с. 8].

Другой яркой особенностью индивидуального стиля Ф. Клопштока, воплощенной в его свободных ритмах, является так называемый «принцип краткости» [2, с. 120], связанный со стремлением автора уместить наибольшее смысловое содержание в ограниченном пространстве стиха. Характерным примером стремления к краткости является обилие инфинитивных конструкций, позволяющих избежать длинных придаточных предложений, например, *accusativus cum infinitivo*.

...Und umarmet sie sehn, die aufblühen du sahst [1, с. 7].

В стремлении к краткости и большей выразительности весомых слов во фразе Ф. Клопшток зачастую обходится без артикля:

Das aus innerster Brust Klage seufzet... [1, с. 6].

Конструкции с генитивом также придают стихотворной речи динамизм и необычность. Генитивные конструкции являются более древними и более «благородными», они «возвышают» стиль, делают его более торжественным [2, с. 31]. В исследуемом стихотворении встречаются несколько случаев употребления разделительного генитива (*genitivus partitivus*):

Aber mächtiger war, die sie zur Liebe mir gab,
Zu der Liebe, der schönsten der Tugenden... [1, с. 8].

Усилению стихотворной динамики элегии способствует и многообразие повторов:

Ach, warum, o *Natur*, warum, *unzärtliche Mutter*,
Gabest *du* zum Gefühl mir ein zu biegsames Herz
Und in das biegsame Herz die *unbezwingliche Liebe*,
Dauernd Verlangen und, ach, *keine Geliebte* dazu? ... [1, с. 6].

Простой лексический повтор вопроса «*warum*», подкреплен синонимическим повтором, раскрывающим существительное «*Natur*» при помощи замены его более эмоционально окрашенным контекстуальным синонимом «*unzärtliche Mutter*». В этом же предложении мы видим еще один простой лексический повтор «*biegsames Herz*», а также перечислительный ряд.

Еще одним важным стилистико-синтаксическим средством в стихотворении является *enjambement*. Пауза, возникающая на границе стихотворной строки вследствие переноса, способна менять смысл высказывания, придавать эмоциональный заряд словам с разорванными связями, например, стертой метафоре в отрывке из стихотворения:

Eile nicht so, damit nicht vom Dorn der verpflanzeten Rose
Blute, wenn du so eilst, dein zu flüchtiger Fuß; ... [1, с. 8].

Все эти средства, взаимодействуя друг с другом, создают динамичный и насыщенный образами ритм стихотворения, эмфатический, характеризующийся раскрепощенным синтаксисом, избыточным параллельными конструкциями и повторами, инверсиями и переносами. Такой стиль стал практическим воплощением литературной теории Ф. Клопштока, в которой поэт провозглашает необходимость обновления поэтического языка.

Список литературы:

1. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. — М.: КомКнига, 2006. — 232 с.
2. Klopstock F. G. Klopstocks Oden und Elegien. Faksimiledruck der bei J. G. Wittich in Darmstadt 1771 erschienenen Elegien. / Mit Nachw. und Anm. hrsg. von J.U. Fechner — Stuttgart: Metzler, 1974. — 160 S.
3. Schneider K. L. Klopstock und die Erneuerung der deutschen Dichtersprache im 18. Jahrhundert. 2. Aufl. — Heidelberg: Winter, 1965. — 142 S.
4. Singer H. Rilke und Hölderlin— Köln-Graz, 1957. — 180 S.

АМБИВАЛЕНТНАЯ ФУНКЦИЯ ОБОСОБЛЕНИЙ В СВОБОДНЫХ РИТМАХ Ф. ГЕЛЬДЕРЛИНА И Р. М. РИЛЬКЕ

Гончарова Мария Вячеславовна

канд. филол. наук, ст. преп. СПбГУ, г. Санкт-Петербург

E-mail: maria_go@list.ru

Г. Н. Эйхбаум отмечает, что «обособленные члены предложения должны рассматриваться не как разрыв, а как связь членов в определенных, специфических условиях, т. к. при структурно-синтаксическом анализе обособленных членов критерием их оппозиции необособленным справедливо считается не «самостоятельность» первых и зависимость вторых, не разные синтаксические функции, а различие приемов связи, через которые осуществляется введение простого и обособленного членов в предложение, их комбинаций и сферы применения» [1, с. 9]. В этом утверждении отражена амбивалентная природа обособленных членов предложения, которая является основой их экспрессивности. С одной стороны, графически обособления воспринимаются как разрыв, поскольку при их чтении возникает пауза, с другой стороны, они выделяют группу существительного, являющуюся ядром высказывания, и способствуют усилению спаянности предложения.

Ф. Гельдерлин и Р. М. Рильке используют все многообразие обособленных оборотов, среди которых:

1. Обособленные несогласованные причастные обороты:
Wenn sie ruhen am See, oder, auf Wellen gewiegt,
Niedersehn in die Wasser,... [2, с. 75].
... Rüschen, Blumen, Kokarden,
künstliche Früchte —, alle

unwahr gefärbt, — für die billigen
Winterhüte des Schicksals [3, с. 269].

2. Обособленные несогласованные определения, выраженные прилагательным:

Langsam eilt und kämpft das freundliche Chaos,
Jung an Gestalt, doch stark,... [2, с. 89].

Wie er, so
würdest du wohl, nicht minder —, daß, noch
unsichtbar,
dich die Freundin erfähr, [3, с. 274].

Несогласованные определения, выраженные прилагательными и причастиями, обладают преимущественно двунаправленной сопряженностью, т. е. соотносятся одновременно и с подлежащим (в функции определения), и со сказуемым (в функции обстоятельства). За счет такой амбивалентности несогласованные определения усиливают монолитность предложения, поддерживая тенденцию к объединению, не давая структуре предложения развалиться на разрозненные отрывки.

3. Обращения:

So will ich, ihr Himmlischen! [2, с. 78].
O Bäume Lebens, o wann winterlich? [3, с. 263].

Обращения присущи поэтической речи как таковой за счет своей диалогичности. Частое включение в поэтический текст обращений создает иллюзию присутствия воображаемого собеседника, такая «обращенность» стиха сближает автора и слушателя.

4. Приложения:

Fern, tief unter den Woogen, in friedlicher Grotte die blaue
Thetis wohnte, die dich schützte, die Göttin des Meers [2, с. 59].
... wo die Modistin, Madame Lamort,
die ruhlosen Wege der Erde, endlose Bänder,
schlingt ... [3, с. 269].

Свободные аппозиции являются синонимическим повтором определяемого существительного или субстантивного местоимения, за счет своей обособленности они звучат более эмоционально, становясь в тексте метафорическим экспрессивным синонимом к более нейтральному существительному, которым выражено определяемое слово.

5. Обособленные согласованные приложения, выраженные прилагательными и причастиями с артиклем:

Die Schwärmerische, die Nacht kommt,... [2, с. 106].
Träte der Erzengel jetzt, der
gefährliche, hinter den Sternen [3, с. 255].

За счет обособления согласованного определения, увеличивается его выразительность, поскольку оно уравнивается по значимости с определяемым словом.

Такое дистанцированное согласованное обособленное определение «перетягивает» на себя выразительность, становится весомее определяемого местоимения.

6. Уточнения, выраженные различными членами предложения:
Und aus Felsen hervor ziehet das jauchzende Thal,
Dort hinein, durchs helle Gebirg, nach Komo zu wandern,...
[2, с. 90].
Sondern die hohen, des Sommers, Nächte,... [3, с. 275].

Уточнения позволяют выделить группу существительного, выступая в качестве уточняющей характеристики членов предложения, вклиниваясь между элементами группы существительного, они, с одной стороны, разрывают тесные синтаксические связи, но с другой стороны, способствуют переосмыслению фразы за счет сообщения ее ядру дополнительной характеристики, а также за счет своей экспрессивности, связанной с выделением паузами при чтении и запятыми графически, а за счет своей амбивалентной направленности они способствуют упрочению связей в целом предложении.

7. Сравнения:
Stieg vom Grunde der See, trauernd, wie Wölkchen, herauf,...
[2, с. 59]
oder ist manchmal, wie aus Versehen, ein wenig
unseres Wesens dabei? [3, с. 256].

Обособленные сравнительные обороты также выделяют группу существительного, становясь экспрессивным за счет своей выделенности и, как правило, глубокого метафорического подтекста, контекстуальным синонимом определяемого слова.

У Р. М. Рильке и у Ф. Гельдерлина мы выделили несколько общих тенденций в использовании обособлений. Оба поэта часто используют обособленное определение в качестве более экспрессивного контекстуального синонима к нейтральному определяемому слову. При этом обособленные согласованные определения у них часто выражены субстантивированными прилагательными и причастиями, что синтаксически уравнивает их по значимости с определяемым словом, а обособленное положение в предложении сообщает им дополнительный экспрессивный заряд, выделяя их и делая более весомыми по сравнению с определяемым словом.

Список литературы:

1. Эйхбаум Г. Н. Обособленные члены предложения в немецком языке. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 131 с.
2. Hölderlin Fr. Sämtliche Werke: Kritische Ausgabe / Hrsg. von D. E. Sattler. Bd. 6. Elegien und Epigramme, 1979. — 143 S.
3. Rilke R. M. Gedichte und Prosa. — Köln: Parkland-Verlag, 19

ОСОБЕННОСТИ ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анисимова Ольга Борисовна

канд. филол. наук, доцент КГУ ФК СТ, г. Краснодар

Назарова Ирина Павловна

канд. филол. наук, доцент КГУ ФК СТ, г. Краснодар

E-mail: Leto_eto_i@mail.ru

Язык — важнейшее и удивительно совершенное средство человеческого общения, средство обмена мыслями. Язык может выполнять эти разнообразные и сложные функции потому, что он представляет собой весьма гибкую и в то же время организованную систему. Поэтому одним из важных направлений лингвистики является понимание языка как системы систем. Это дает основание для обращения лингвистов к активному изучению не только отдельных слов, но и семантически связанных друг с другом групп словосочетаний. Все чаще в научных изысканиях обнаруживается стремление к рассмотрению различных лексико-семантических явлений в их взаимообусловленности и взаимосвязи.

В современном языкознании существует два понимания сочетаемости: узкое (сочетаемость как свойство слов) и расширенное, определяющее сочетаемость как свойство элементов языка вступать в определенные комбинации или сочетания друг с другом. К важнейшим общим свойствам сочетаемости относятся ее потенциальный характер и ее обязательность для всех элементов языка. Представляя собой способность элементов языка сочетаться в речи, то есть их потенциальное свойство, сочетаемость относится к сфере языка и лишь реализуется в речи. Обязательность сочетаемости для всех элементов языка обусловлена тем, что для осуществления процесса речи элементы языка должны непременно сочетаться друг с другом согласно присущим им сочетательным способностям и валентностям. Сочетаемость элементов должна иметь свою особую характеристику на каждом языковом уровне, так как элементы отдельных уровней языка различаются своей спецификой (так, слово отличает наличие лексического значения). Б. М. Лейкина в своей работе «Некоторые аспекты характеристики валентности», выделяет следующие виды сочетаемостей по их противостоящим качествам: гомогенная и гетерогенная, инклюзивная и эксклюзивная, элементарная и комплексная, активная и пассивная сочетаемости.

Гомогенная сочетаемость, то есть сочетаемость языкового элемента с однородными ему элементами очень продуктивна у немецких существительных. Они сочетаются со словами почти всех лексико-грамматических классов, исключая модальные слова и большинство междометий и частиц.

Гетерогенная сочетаемость, то есть сочетаемость с элементами других языковых уровней, представлена у существительного такими видами:

1. сочетаемость существительных со словообразующими и формообразующими морфемами;

например: Miss-ernte, Un-glück, Schüler-s.

Ср.: не-урожай, не-счастье, ученик-а;

2. сочетаемость существительных с предложениями, ограниченная придаточными атрибутивными предложениями;

например: die Studenten, die ihr Examen abgelegt haben, fahren nach Hause.

Ср.: студенты, которые сдали экзамен, едут домой.

Гомогенные валентности существительных делятся на инклюзивные и эксклюзивные. Реализация инклюзивной сочетаемости существительных со знаменательными словами имеет место во фразеологических субстантивных словосочетаниях типа:

- в немецком языке — blauer Montag, das schwarze Brett, die schwarze Liste;

- в русском языке — самовольная неявка на работу, доска объявлений, черный список.

Их компоненты сливаются в одну лексическую единицу и лишены синтаксической и семантической самостоятельности. Инклюзивной у существительных современного немецкого языка является также сочетаемость с артиклями.

Реализацию эксклюзивных сочетаемостей представляют собой свободные субстантивные словосочетания. Компоненты таких соединений не сливаются в единую семантическую и синтаксическую единицу, а сохраняют свою раздельность, что и является признаком эксклюзивной сочетаемости.

У немецких и русских существительных можно различать также элементарную и комплексную сочетаемость. Элементарной является сочетаемость существительных со словами какого-либо одного разряда или фразы, например, с согласующейся формой прилагательных. Сочетаемость существительных с количественными числительными представляет собой уже другую элементарную сочетаемость, с порядковыми числительными — третью и так далее. Совокупность всех элементарных сочетаемостей существительных образуют комплексную

сочетаемость слов этой части речи, а совокупность элементарных сочетаемостей существительных какого-либо семантического разряда комплексную сочетаемость существительных этого разряда. Таким образом, чтобы получить представление о комплексной сочетаемости существительных, надо выявить их элементарные сочетаемости.

Активная сочетаемость представляет собой способность существительных подчинять себе другие слова; это сочетаемость существительных с зависящими от них прилагательными, причастиями, существительными, местоимениями. Пассивная сочетаемость — это способность существительных подчиняться другим словам (ведущему глаголу, существительному). Пассивная сочетаемость существительных, как и пассивные сочетаемости других слов, не бывают совместными. Активные сочетаемости существительных могут быть как совместными, так и несовместными. Совместными являются их сочетаемость с местоимениями, числительными, прилагательными, причастиями, родительным падежом и предложной конструкцией. К несовместным относятся:

- сочетаемость с притяжательным местоимением и *genitivus partitivus*,

например: *sein Buch* или *das Buch des Vaters*;

Ср.: его книга или книга отца;

- сочетаемость с артиклем и указательным местоимением *der Tag* или *dieser Tag* (данная конструкция отсутствует в русском языке).

Активная сочетаемость реализуется в разнообразных субстантивных словосочетаниях. Смысловые отношения между компонентами субстантивных словосочетаний могут быть весьма разнообразными:

- качественными: *ein Mann von Talent*;

ср.: талантливый человек;

- количественными: *eine Menge Bücher*;

ср.: гора книг;

- субъектно-объектными: *Lauf der Zeit*;

ср.: ход (течение) времени;

- притяжательными: *die Sicherheit Europas*;

ср.: безопасность Европы.

Однако, несмотря на многообразие структуры, и оттенков смысловых отношений между членами группы, все субстантивные словосочетания включают существительные, выражающие понятие признака этого предмета в широком смысле этого слова. Подобные отношения между членами словосочетаний квалифицируются как атрибутивные, а зависимый компонент субстантивных словосочетаний рассматривается

как второстепенный член предложения. Т. М. Ломтев предлагает выделить второстепенные члены предложения по трем признакам:

- характеру грамматической формы;
- характеру подчиненного слова (его принадлежность к определенной части речи);
- значению грамматической формы в предложении.

Согласно такому критерию, к категории определения относятся все зависящие от существительного слова (все присубстантивные формы), в то время как зависящие от глагола формы трактуются соответственно их значению как дополнения или как обстоятельства. Все зависящие от существительного знаменательные слова рассматриваются как сугубо зависимые, секундарные члены предложения — определения. Поэтому активную сочетаемость существительных, то есть их сочетаемость с зависящими от них словами, можно трактовать как сочетаемость с определениями. В конкретном субстантивном словосочетании реализуется одновременно категориальная и индивидуальная сочетаемость существительных. Если под категориальной сочетаемостью понимать валентность, свойственную всем элементам данного класса, то категориальной валентностью класса существительных следует считать, например, сочетаемость с согласующимися прилагательными. Однако отдельное существительное может сочетаться только с теми прилагательными, лексическое значение которых совместимо с его собственным значением. Так, немецкое существительное «Tisch» сочетается с прилагательными — названиями материалов, из которых может быть сделан соответствующий предмет — «hölzern», «steinern» и т. п. То же самое и в русском языке: существительное «стол» может сочетаться с прилагательными «деревянный», «каменный». Слово «стол» может сочетаться с названиями цветов и других физических свойств, которые могут быть присущи этому предмету, но это слово обычно не сочетается с прилагательными «мужественный», «прилежный» и т. д. (в немецком языке: *mutig, fleißig*). Следовательно, в рамках категориальной сочетаемости существуют индивидуальные ограничения лексического характера. Эти индивидуальные ограничения следует считать индивидуальной валентностью данного слова. Индивидуальная сочетаемость отдельных слов может создаваться фразеологическими и стилистическими ограничениями. Лексическое значение является главным фактором, определяющим индивидуальную сочетаемость конкретных слов. Поэтому индивидуальную сочетаемость часто называют лексической, противопоставляя ее синтаксической сочетаемости.

Сочетаемость можно охарактеризовать с точки зрения интенсивности, то есть степени вероятности ее реализации в речи с позиции

активной интенсивности. Субстантивные словосочетания немецкого и русского языков характеризуются высокой степенью структурно-семантической сплоченности и своей функциональной целостностью. Свидетельством функциональной целостности субстантивной группы в немецком предложении является то, что атрибутивные отношения очень часто выражаются в немецком предложении в форме сложных существительных. В то же время субстантивные словосочетания являются синтаксическим соединением — сочетанием из двух или более знаменательных слов, соединенных определенными синтаксическими отношениями, отличаясь структурной, семантической и функциональной целостностью. Однако обращает на себя внимание неодинаковая степень структурной сплоченности. Субстантивные словосочетания с согласующимися определениями отличаются большей структурной сплоченностью, чем субстантивные словосочетания с несогласующимися определениями. У групп с несогласующимися определениями структурная сплоченность обеспечивается только интонационными средствами и контактным положением. У словосочетаний с согласующимся определением к этому добавляются еще морфологические средства синтаксической связи и последовательно проводимая рамочная конструкция, придающие группе существительного особенно тесную структурную сплоченность.

В результате исследования словосочетаний с обязательными и необязательными определениями были выявлены факторы, мотивирующие потребность слов в сочетаемости. Ими являются семантические и грамматические факторы.

Список литературы:

1. Лейкина Б. М. Некоторые аспекты валентности. // Научные доклады высшей школы — М.: 1999.
2. Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений // Филологические науки № 3. — М.: 1980.
3. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения — М.: 1981.

**ВАРИАТИВНОСТЬ НА ГРАФОФОНОЛОГИЧЕСКОМ
УРОВНЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
О НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫХ ВАРИАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССАХ В ПОДСИСТЕМЕ ГЛАСНЫХ В СИСТЕМЕ
СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ЖИВОТНОГО ЭПОСА
«РЕЙНКЕ ЛИС» (РОСТОК, 1539)**

Цапаева Сабина Юрьевна

докторант, университет г. Росток, г. Росток, Германия

E-mail: sabina@mail.natm.ru

Любая система в какой-то мере представляет собой результат определённого действия и противодействия. Так и в любой языковой системе параллельно сосуществуют тенденции и / или закономерности, действующие в противоположных направлениях. Мы говорим о том, что язык представляет собой относительно стабильное и устойчивое образование, помня, что в языке нет непроницаемых границ и что язык есть открытая динамическая система (в данном пункте мы отходим от традиции классического дескриптивизма и приходим к пониманию языка как системы сложного динамизма). Такая бинаправленность языковых процессов может по-разному выражаться в языке как системе. Именно поэтому практически у каждого правила есть исключения, а эволюцию некоторых языковых явлений бывает очень сложно отследить без привлечения справочной и / или узкоспециализированной литературы. Кроме того, зачастую такой бинаправленностью векторов развития и связей между элементами рассматриваемой языковой системы объясняется вариативность этих элементов на том или ином языковом уровне.

Такое направление языкознания как вариационная лингвистика призвано исследовать взаимокоррелирующие отношения и вариативность языковых структур, варианты языков, разного рода диалектные различия, а также вариативное употребление естественных языков в заданной — как эндогlossной, так и экзогlossной — языковой ситуации. При этом вариационная лингвистика использует различные методы и приёмы анализа и фиксации вариативности языка и языковых изменений, заимствованных и из корпусной лингвистики, и из других смежных отраслей науки о языке. В высшей степени интересным представляется изучение вариативности более древних языковых форм с их частичной реконструкцией или даже моделированием так называемой общей системы overall, не существовавшей в этой форме как таковой, но принимаемой за отправную точку в

исследованиях по исторической компаративистике, контрастной лингвистике и др. Поэтому далее в статье будут рассмотрены некоторые существенные вариационные аспекты средненижнемецкого языка (снн.), касающиеся подсистемы гласных. Эти вводные лингвистические замечания представляют собой очередные результаты исследования языка животного эпоса «Рейнке лис» (ср. *Reynke Vosz de olde, nyge gedruket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert*) 1539-го года в рамках текущего диссертационного проекта «Das Rostocker Tierepos „Reynke Vosz de olde“ (Ludwig Dietz, 1539) im Kontext der niederdeutschen „Reynke de Vos“-Überlieferung des 15. und 16. Jahrhunderts und der Rostocker Drucktradition der Mitte des 16. Jahrhunderts» (= «Животный эпос „Рейнке лис“ (Росток, типография Людвиг Дица, 1539 г.) в контексте нижнемецкой традиции „Рейнке лиса“ XV-XVI вв. и печатной традиции Ростока сер. XVI века»).

Следует сделать несколько предварительных замечаний о последованности проведённых операций над исследуемыми элементами. На подготовительном этапе был составлен каталог переменных, в частности, для определённых гласных (весь каталог охватывает вариативность не только на графофонологическом — помимо гласных здесь рассматриваются переменные согласных, а также ассимиляции и другого рода фонетически обусловленные и графически оформленные процессы —, но и на морфологическом, лексикосемантическом и синтаксическом уровнях языка). Было очевидно, что брать все гласные не имеет смысла, так как некоторые из представленных в тексте эпоса гласных являются инвариантными как в написании, так и позиционно. В качестве такого примера можно привести краткий открытый [a], встречающийся в односложных словах в закрытом слоге с одинарным согласным, перед скоплением согласных или геминированными согласными в удлинённом за счёт флексии варианте первоначально односложного слова и представленный в виде монографа /a/: *dat, wat, man*. Наглядным также является инвариантное написание /a/ для удлинённого [o:] в открытом слоге, судя по всему, сложившееся под языковым влиянием Любекской традиции [4, с. 66-67]: *framen, darmit, schape, apenbar, sprake, badeschop, Adebar, Haue* и т.д. Отдельно рассматривается краткий открытый [a] в позиции перед сочетанием взрывных согласных звуков с боковым сонантом [ld], [lt] (см. далее). В основу каталога частично легли схожие разработки по каталогизации языковых переменных снн. (Peters 1987, 1988, 1990), исследования некоторых особенностей снн. на примере письменных источников определённых жанров (Temmen 2006, Nybøle 1997) и немногочисленные существующие замечания по грамматике снн. (Lasch 1987, Lübben 1882).

В большей степени, однако, каталог составлен (доработан и расширен) в соответствии с особенностями исследуемого источника.

Далее мы обратимся к отдельным гласным и их воплощениям на графическом уровне. Начнём с выше указанного первоначально открытого краткого монофтонга [a] в позиции перед сочетанием взрывных согласных звуков с боковым сонантом [ld], [lt]. Ключевое слово: *holden* (нем. halten). Для снн. в целом [4, с. 63—64; 9, с. 86—88] и для языка «Рейнке лиса» в частности характерна лабиализация [a] > [ɔ]. В большинстве случаев в исследуемом источнике [a] огубляется, и такая «новая» артикуляция фиксируется орфографически: *jnholdt, olde, wolde, holden, vnholdt* и т. д. В исключительно редких случаях монофтонг [a] передаётся монографом /a/: *vorhalen, uvuorhalen*; здесь следует отметить возможное влияние геминации (частный случай ассимиляции) на письменную передачу гласного звука. В общем и целом, однако, прослеживается отчётливая тенденция к письменному отражению результата процесса лабиализации.

Переходя к рассмотрению следующей переменной, хочется отметить её факультативный характер в каталоге. Изначально в ростокском варианте снн. предполагалось найти доказательства характерного для снн. [4, с. 65; 1, § 76] понижения краткого монофтонга [ɛ] > [a] в позиции перед вибрантом [r]. Ключевое слово: *barch* (нем. Berg). На практике были найдены только примеры написания с /e/: *bergewart, berge, herberge, amberge, wercke, kerckhere, kerken, kerseberen* (нем. Kirschbeeren), *Merckenouwe, merckende, mercklyke* и т. д. Единственный случай, носящий весьма амбивалентный характер, должен быть вкратце рассмотрен отдельно. На листе XVII, лицевая сторона, в рифмованной позиции встречаем *werck: starck* [7, л. XVII л]. Можно выдвинуть осторожную гипотезу о том, что такая «нечистая» рифма не является ошибочной, а как раз отражает фонетическую особенность позиционно обусловленного перехода [ɛ] в [a], нашедшую последовательное графическое отражение, по всей видимости, не во всех региональных вариантах снн. Т.о. имеет место быть первый возможный диссонанс на графофонологическом уровне.

Ещё один случай влияния увулярного дрожащего согласного [r] на гласный (-e), стоящий к нему в препозиции, находим в переменной, описывающей понижение кратких лабиализованных и нелабиализованных монофтонгов [ɪ], [ʊ], [ʏ] > [e], [ɔ], [œ] соответственно перед сочетанием [r] с другим консонантом [4, с. 64-65; 1, § 12, 61]. Ключевое слово: *Burger* (нем. Bürger). В тексте «Рейнке лиса» мы находим достаточное количество примеров состоявшегося понижения гласного: *kerckhere, kerseberen, Gottforchtigen, blomen, Burger / Borger* с различными диакритическими знаками (надстрочные /e/, /o/), однако, есть и редкие контрпримеры: *Furste / Furstlyker / Furstendom* с

неотъемлемым надстрочным /e/, где отсутствие понижения гласного переднего ряда, по всей видимости, обусловлено влиянием ранневерхненемецкого умлаута и характеризуется лексической связанностью.

Лабиялизация гласных затрагивает также и краткий гласный переднего ряда [ɪ], огубляемый до [ʏ] [3, с. 44], что на графическом уровне приводит к вариативности: *wultu, drudde / drydde, sunt, suluer, Frundt* (последние три с надстрочным /e/) и т. д. Оформление умлаута будет рассмотрено отдельно.

Удлинение краткого [ɪ] с параллельным понижением до закрытого [e:] (возможно, даже до открытого [æ:]) [3, с. 44] происходит в открытом слоге за счёт удлинения слова посредством эпентетического /e/ или др. Ключевое слово: *mede* (нем. mit). В тексте встречается два основных варианта обозначения удлинённого гласного: *mede, vrede* с одинарным /e/ и *deef* с двойным /e/. Напротив, удлинённый краткий [i:] в открытом слоге в позиции перед суффиксами -el, -er укорачивается и понижается [3, с. 44; 9, с. 88-89] до открытого (или полуоткрытого) [e]. Ключевое слово: *wedder* (нем. wieder). Часто краткость [e] подчёркивается удвоением последующего согласного. Подробнее об обозначении долготы гласных будет сказано отдельно.

Принципиально удлинённые краткие гласные в открытом слоге в снн. укорачиваются в препозиции к суффиксам -el, -er, -en, -ich, -ing. В большинстве случаев на письме этот процесс сопровождается удвоением согласного, прежде всего, это касается согласных /d/, /t/, /m/, /n/, /p/ между гласным и историческим суффиксом (1, § 69; 4, с. 67-68), для обозначения краткости предшествующего звука. Ключевое слово: *eddel*. Впрочем, следует отметить, что в «Рейнке лисе» двойной согласный встречается далеко не во всех случаях, а зачастую даже конкурирует с одинарным написанием, что затрудняет реконструкцию отношения долготы / краткости предшествующего гласного звука: *edel / eddel, beder / bedder, honich / honnich, weten / wetten, koninck / konninck*.

Далее хочется перейти к рассмотрению долгих гласных. Т.н. [ê²] и [ê³] (в данных обозначениях я следую принятой немецкой фонетической нотации), возникшие в результате перехода западногерманского [ai] > снн. полуоткрытый [ê²], с учётом имевшего место процесса умлаута [ê²] > [ê³] в некоторых случаях, в снн. дифтонгируются [1, с. 25, 71; 2, с. 25-28; 3, с. 43; 4, с. 69; 9, с. 97-99]. Ключевое слово: *deel* (нем. Teil). На уровне графем в исследуемом источнике наблюдается разнობой в оформлении результата дифтонгизации. Приблизительно одинаково часто встречаются синонимичные варианты написания с /ei/ и /ey/, что говорит об отсутствии дистинктивной функции /i ~ y/ в данной позиции, значительно реже /e/ и никогда /ee/: *Warheyт, behendicheyt, wyßheit, geschwindigkeit, meysterinne, Erfarenheit / Erfarenheyt, meyster, framheit, weniger / weyniger* и т. д. Т.о.

вариативность написания колеблется в весьма узком диапазоне, чего нельзя сказать о различиях в оформлении закрытого долгого гласного переднего ряда [ê⁴] < до-снн. [ê] / [eo] [2, с. 25-28; 4, с. 69-70; 9, с. 99-101]. Ключевое слово: *breve* (нем. Brief). Здесь количество графических вариантов достигает пяти: /e/, /ee/, /ei/, /ey/, /e/ с диакритическим надстрочным /e/, причём варианты /ei/ и /ey/ определённо носят следы влияния дифтонгированного развития долгого [ê] в верхненемецком ареале (средне- или ранневерхненемецком языке): *Reyn(e)ke(n)*, *smeychlerye*, *eune* / *eine* / *eyner* / *eyn* / *ein* / *eynem* / *einem*, *gemeune*, *vorleydung*, *wolmeynunge* / *meine*, *keine*, *heimlyke*, *arbeide* / *arbeydende* и т. д. Как становится заметно из выше указанных примеров, между собой варианты /ei/ и /ey/, должно полагать, синонимичны и абсолютно взаимозаменяемы. Противопоставление диграфического написания монографическому или удвоенному также, скорее всего, носит факультативный характер, как это видно из следующих примеров: *alleine* / *allene*, *eygen* / *egenschop(pen)*, где /i ~ y/ могут как обозначать незначительный «отзвук» [i ~ j] и подразумевать, с одной стороны, отчасти дифтонгированное, с другой стороны, удлинённое произношение, так и быть необлигаторными «символами-заполнителями» или «символами-комплементами» для повышения степени удобочитаемости текста. Последнее предположение также касается и удвоенного написания /ee/ по сравнению с одинарным /e/ в словоформам: *veel* / *velen* / *vele* (нем. viel) и *eer* / *eren* (нем. притяжательное местоимение *ihr*), где, по всей видимости, избегается чересчур краткое написание слов, характерное, в частности, для таких частей речи как личные местоимения, артикли и другие детерминативы. Параллельно достигается однозначность используемых лексем: повышается дистинктивность схожих графических элементов, и снижается потенциальная омографичность пар слов, как например: *deer* (нем. Tier) и *der* (определённый артикль), *eer* (нем. Ehre), *eerlick* и *er-* (префикс), *veer* (нем. vier) и *ver-* (префикс) и др. Одинарное написание долгого [ê⁴] в открытом слоге встречается наиболее часто и может быть принято за доминантное: *wesent*, *Darneuen*, *Leren*, *denstlick*, *rede*, *heue*, *Vorrede*, *Leser*, *lere*, *regeren*, *spiegel*, *vorrederye*, *rekenschop*, *HEREN*, *wege* и т. д. Наиболее редко встречается написание /e/ с надстрочным маленьким /e/, представляющим собой абсолютно факультативный знак и своего рода экзотизм в рассматриваемом графофонологическом ряду: *lefflyker*, *leuent* с e-superscriptum.

Долгий [ô¹] < до-снн. [ô] [1, § 157—164, 202, 205; 2, с. 24—25; 3, с. 45; 4, с. 70—71; 9, с. 101—104] в открытом или полуоткрытом (т.е. потенциально открытом) слоге на уровне графем имеет три варианта. Ключевое слово: *grot* (нем. groß). За нормальную форму можно принять одиночный /o/ без каких-либо диакритических знаков: *Vokes*, *kope*,

vorkope, ropen, lope, blode, oren, don, woker, grote / groth / grothenn, sachmodig, vormodende и т. д. Дополнительно находим /o/ с надстрочным /e/ в словах: *scholen, soken, doget, wokener, romen, koper, houet* и др. Такое написание приводит к затруднениям в отнесении лексем к словам с основным историческим или умлаутизированным тоном, т. к. в снн. именно надстрочный /e/ зачастую используется для обозначения вторичного умлаута. Помимо этого встречается диграф /oe/ для письменного воспроизведения [ô¹]: *doet* (нем. tut) *oem* (нем. Oheim), *boem*, хотя в данных конкретных случаях, как кажется автору этой статьи, мы снова имеем дело с мотивированным искусственным удлинением слов с целью повышения удобочитаемости текста. В отличие от исторического долгого монофтонга [ô¹] долгий закрытый [ô²], развившийся из западногерманского дифтонга [au] [1, § 157—159, 165; 2, с. 24—25; 3, с. 45; 4, с. 71; 9, с. 104—105] инвариантен в своём написании. Ключевое слово: *ogendener*. Впрочем, принять конечное однозначное решение о степени вариантности или инвариантности графического оформления этого монофтонга не представляется возможным по причине очень ограниченного количества примеров в анализируемом источнике: *ogendener(n), ogen*.

Теперь хочется обратиться к графическому выражению умлаута. Здесь нас в меньшей степени интересует передача первичного умлаута [ê¹] < до-снн. [â] [1, § 55; 4, с. 68—69; 9, с. 97], так как, за исключением трижды встретившегося *mannich / mannige(m)* и однократного *baer* в позиции рифмы на концах стихотворной строки *baer : Herr*, к первой половине XVI в. переход к умлауту явственно состоялся как на фонетическом, так и на графическом уровне. Ключевое слово: *were*. Приведём для наглядности несколько примеров: *were(n), dreght, mennigerley / menniger / mennigen / mennich / ydermennichlick, negest, Treppendreger, mechtich / mechtigen, stercke, Rede, hende, vmmestendicheit, Anschlege* и многое другое. Большой интерес вызывает графическое представление вторичного умлаута для [ɔ], [o:], [u], [u:] > [œ], [ø:], [y], [y:], потому что ещё в XV веке в снн. умлаут обозначался исключительно факультативн [3, с. 43], в то время как в рассматриваемом тексте мы находим частое умлаутизированное написание гласных. Ключевое слово: *lude* (нем. Leute). К сожалению, не во всех случаях можно с точностью сказать, имеется ли в виду умлаут, или надстрочная диакритика (в последующих примерах надстрочный /e/) использована автором для обозначения долготы гласного: *scholen, suluigen, soken* и др. Кроме того, зачастую в тексте встречается параллельное написание вариантов с или без использования диакритических знаков, даже в тех случаях, где наличие умлаута очевидно: *Frantzossyscher, Fursten / Furste / Furstlyken / Furstlyker* (последние три слова с надстрочным /e/), *worumme / warume /*

wedderumme (последнее с надстрочным /e/), *schone, Ludwig, gedrucket / gedrucket* (последнее с надстрочным /e/), *lude / lude / koplude* (последние два с надстрочным /e/), *Grunthlick / Grundlick* (последнее с надстрочным /e/) и т.д. Касаемо вторичных умлаутов [y] и [y:] следует особо отметить, что здесь прослеживается достаточно чёткая тенденция к указанию умлаута с помощью надстрочного /e/. В виде исключения (один раз) в тексте встречается надстрочный /o/: *Burger*. Впрочем, как становится понятно из выше указанных примеров, оформление результата процесса умлаута ни в одном случае не является инвариантным, а отнесение тех или иных спорных форм к лабиализованным умлаутизированным или к словоформам с лабиализованным неумлаутизированным гласным целиком и полностью ложится на исследователя. Учитывая отсутствие носителей языка в качестве языковых информантов или даже некоторого рода контрольно-сравнительной инстанции, как это часто бывает при вариационных исследованиях современных вариантов живых языков, региолектов, диалектов и говоров, вся надежда остаётся только на чувство или, скорее, ощущение древней формы языка лингвистом, но, прежде всего, на по возможности точно лингвистически и исторически выверенную реконструкцию графофонологического образа спорного слова.

В заключении рассмотрения монофтонгов в снн. следует обратиться к вопросу графического отражения отношения долготы-краткости гласных. Как было указано выше, обычно краткий гласный в закрытом слоге не маркируется: *van, lyst, vast, hat, kan, man*. Факультативно может быть использовано удвоение последующего закрывающего согласного, частичное удвоение или графическое скопление согласных: *gedrucket, vnd, vull, desser*. Долгота гласного в открытом или полуоткрытом слоге зачастую также дополнительно не указывается, как это становится ясно из следующих примеров: *nuge, schonen, vorbetert, syner, guder, wesent*. Несмотря на это, в рассматриваемом животном эпосе можно выделить достаточное количество маркированных вариантов оформления долгих гласных как в закрытом, так и в открытом или потенциально открытом слоге. Ключевое слово: *doen* (нем. tun). Имеет смысл перечислить все наличные варианты написания долгих гласных в источнике, т. к. исходная гипотетическая парадигма намного шире. Для переменной [a:] обнаруживаем следующие варианты: /a/, /ae/, /ah/, /ha/, /aa/, /a/ с надстрочным /e/, для [e:] или [æ:]: /e/, /ee/, /eh/, /he/, /e/ с надстрочным /e/, для [i:]: /i/, /y/, возможно, /ye/ (возможно, потому что существует вероятность скользящего отзвучного эхоподобного, слегка дифтонгированного произношения этого диграфа), для [o:]: /o/, /oe/, /oh/, /ohe/, /o/ с надстрочным /e/, для [u:]: /u/, /uw/, /u/ с надстрочным /e/, значительно реже /o/, для [ø:]: /o/, /o/ с надстрочным /e/, для [y:]: /u/ с

надстрочным /e/ или /o/. Теперь непосредственно приведём соответствующие свидетельства различного оформления долготы в «Рейнке лисе»: *warheyт, Truwe, Dyetz, wol, stan, na / nha, uth, donde, deerte, Soen, dagh, leep, greep, leth, myssedaet, raet, eer, deeff, been, bloedt / blodt, noth / noet, suer / sur, jaer, gedaen, krygh, lohn, bedregen, quaert, waen, ghaen*, и с /e/-superscriptum: *angethoget, genochlyker, groueste, Godtlyker, bosen, doget, Bock, worden, dulde, woldadt, rukenowe, weth, vorbet, leff, leuen*. Невозможно обойти вниманием факт свободной расстановки /h/ в качестве маркера долготы. Нечитаемый маркер /h/ может стоять как непосредственно после соответствующего долгого гласного (одна из функций современного немецкого и нижнегерманского /h/), так и предшествовать ему или даже стоять в дистантной к нему (пост)позиции, как в *weth, leth, krygh, ath, grothem, noth*. Станным образом, на эту, по моему мнению, интересную особенность снн. в своих работах не обратили внимание ни Lübben 1882, ни Lasch 1974, ни Nybøle 1997, ни Temmen 2006, ни даже Peters 1987—1990.

Ниже будут описаны снн. дифтонги с позиции вариативности их графического оформления. Первый дифтонг, встречающийся в тексте, —дифтонг [ei], представленный диграфом /ey/ или /ei/. Ключевое слово: *warheyт*. Проблематичность рассмотрения данного дифтонга заключается в том, что с большой долей уверенности нельзя утверждать, что дифтонг [ei] произносился действительно дифтонгированно, а не претерпел в своём развитии ряд модификаций и был в конечном счёте монофтонгирован [2, с. 35—36]. Поэтому вопрос о целесообразности отнесения этого дифтонга, вернее, диграфа к вариантам обозначения дифтонга, во-первых, а во-вторых, рассмотрения его в каталоге переменных, остаётся открытым. Тем не менее, следует заострить внимание на том, что дифтонг [ei] характерен для некоторых заимствований, представлен в контракциях (стяжениях) гласных (сопутствующее явление, например, при ленизации, т. е. ослаблении [g]) и, кроме того, обнаруживается в формах 2-го и 3-го лица единственного числа презенс индикатив глаголов *gan, don, stan* [2, с. 35—36]. Примерами диграфического написания дифтонга могут служить частично рассмотренные в предыдущих пунктах данной статьи амбивалентные варианты: *warheyт, wyßheit, meyster / meysterinne / meisterinne, framicheit / framheit, theyn, Eruarenheyт, smeychlerye, wolmeynunge / wolmenunge*. О взаимозаменяемости /i/ и /y/ и отсутствии дистинктивности см. выше.

Второй дифтонг также представляет собой определённую трудность для изучения, однако, с совершенно другой стороны. Речь идёт о написании дифтонга [au]. Ключевое слово: *schouwen* (нем. *scheuen*). Предположение звучит следующим образом: западногерманский [au] остаётся в функции дифтонга в позиции перед /w/ [1, § 192, 196-197; 4, с. 71—72]. Данное предположение находит

графическое подтверждение в следующих примерах: *beschouwen, Frouwe / Fruwen, clauwe, rouwe, erfrouwe, Louwe(n), rukenuwe, Merckenuwe, frouden, gerouedem* и др. Тем не менее, возникает два вопроса: какова функция /w/ в постпозиции к дифтонгу — особое обозначение долготы или устранение хиатуса —, и выступает ли /w/ в качестве графической реализации артикулируемой согласной фонемы. Вне зависимости от статуса дифтонга и /w/ в постпозиции к нему хочется сделать акцент на том, что графическое оформление дифтонга отличается заметной однородностью. Гипотетическая парадигма помимо встречающихся могла предложить такие диграфические и триграфические варианты как /aw/, /auw/ и /ow/, но в анализируемом источнике подобных доказательств найдено не было.

Последний в ряду снн. дифтонгов — закрытый дифтонг [oi], встречающийся исключительно в позиции хиатуса или в качестве продукта ленизации [j], [g], [d] [2, с. 36]. Ключевое слово: *moje* (нем. Mühe) Он отличается крайней малоупотребительностью, поэтому в рамках данного исследования не представляется возможным сделать какие-либо выводы относительно его вариативности: *moje, moyesam* (в последнем случае с e-superscriptum).

Заключительный аспект, который непременно должен быть затронут в настоящей статье, это периферийный вопрос употребления /i/, /j/, /y/ и /u/, /f/, v/, /w/ для обозначения гласных. /i/, /j/, /y/ на графическом уровне представляют собой реализацию краткого или долгого нелабиализованных гласных переднего ряда верхнего подъёма [i] и [i:] в преконсонантной позиции или в открытом слоге [3, с. 106-107]. При этом аллограф /y/ может стоять как в начальной (инициальной), так и в срединной (медиальной), и в конечной (финальной) позиции (позиции графемы названы по её положению в словоформе): *ys, ydern, nyge, twyuel, lyden, lauelyken, Dyetz, Reyneken, syner, lyst, behendicheyt, eyne, wyßheit, my, by* и т. д. /i/ встречается преимущественно в медиальной позиции, редко в инициальной: *mit, sydlikem, figuren, Ludowich, gewiß, mennichuoldigen, geschwindigkeit, etliken, vnderrichtungen, ick*, а /j/ только в инициальной: *Jn, js, jn*. Т. о., с одной стороны, эти варианты функционально минимально пересекаются, причём по функциональному распределению не составляет труда определить, что аллограф /y/ доминирует, с другой стороны, лишь в некоторых позициях варианты графемы полностью взаимозаменяемы.

Схожие процессы наблюдаем в вариационном ряду графемы /u/, /f/, v/, /w/. Перечисленными выше аллографами в исследуемом источнике материально реализуются лабиализованные гласные среднего и заднего ряда верхнего подъёма [u], [u:], [y], [y:]. При этом аллограф /w/ имеет статус гласного только в конечной постконсонант-

ной позиции [3, с. 107], /f/ в качестве реализации гласного не встречается, /u/ используется медиально в позиции после согласного, /v/ исключительно в начале слова (или морфемы) в позиции перед согласным звуком: *vnd, Ludowich, gedrucket, guder, vntruwe, gebruck, vnderrichtungen, fruchtbar*, а также *nutte, gedrucket, erluchtet* и др. с умлаутом, оформленным с помощью e-superscriptum. Т.о. мы снова имеем дело с отсутствием одно-однозначного соответствия между графемой и фонемой. Можно сделать осторожное предположение, что такая незаконченная соотносённость, это в равной степени касается как ряда /i/, /j/, /y/, так и /u/, /f/, v/, /w/, берёт свои корни в неокончательном формировании снн. как языка, отсутствии строгой кодификации и стандартизации на время написания (переработки) «Рейнке лиса» (помимо уровня общей грамотности, повсеместно имело место сильное влияние региональной принадлежности автора и / или печатника на графическую реализацию текста).

Другими словами, вариативность подсистемы гласных звуков снн. первой половины XVI века на графофонологическом уровне имеет под собой несколько причин. Во-первых, это возможное влияние языка любекского текста-источника на печатное оформление нового ростокского издания с протестантской глоссой (комментарием). Для уточнения степени такого потенциально возможного влияния языка Любека на язык ростокского «Рейнке лиса» ещё предстоит провести подробный сравнительный анализ вариативности снн. на графофонологическом уровне, взяв за основу напечатанную в типографии Ханса ван Гетелена инкунабулу «Рейнке лис» конца XV века (ср. Sodmann 1976). Во-вторых, не следует забывать, что язык является динамическим организмом, претерпевающим различного рода изменения на разных стадиях своего развития. Т. е. определённые языковые процессы могли затронуть не все уровни языка или в неравной мере подуровни того или иного уровня снн., в нашем случае подсистемы вокализма снн. Кроме того, некоторые из зафиксированных языковых модификаций могли находиться в процессе становления или на стадии завершения на момент издания «Рейнке лиса». Тогда лингвистическая ценность текста ещё больше возрастает, ведь он представляет собой своего рода синхронный срез языка, из которого мы можем попытаться выкристаллизовать необходимую информацию о состоянии системы снн. на тот момент времени. В-третьих, следует помнить о том, что над изданием ростокского животного эпоса могло одновременно работать несколько человек, каждый из которых мог привнести в текст свои коррективы, руководствуясь собственной языковой привычкой, интуицией и пр. На данном этапе исследования вопрос влияния человеческого фактора на графическое оформление снн. отдельно не изучался.

В заключение следует отметить, что работа над изучением ростокского варианта снн. на примере языка «Рейнке лиса» 1539-го года, в частности, в традициях вариационной лингвистики (на основе каталога переменных) в настоящее время активно продолжается. Осмелюсь сделать предположение, что в ближайшее время будут готовы следующие результаты анализа в рамках диссертационного проекта, к примеру, первые замечания о вариационных процессах в подсистеме согласных в снн. На данный момент основной вывод о состоянии снн. в первой половине XVI века осторожно может быть сформулирован следующим образом: вариативность ростокского варианта снн. на графофонологическом уровне достаточно очевидна. Налицо присутствие, в зависимости от рассматриваемых переменных, в большей или меньшей степени функционально дистинктивных вариантов графофоном. Для того, чтобы интерпретировать степень консеквентности протекания языковых процессов и дать однозначную оценку их отражению и фиксации в письменных источниках, недостаточно использовать методы только вариационной лингвистики, поэтому работа будет продолжена в ключе междисциплинарного подхода.

Список литературы:

1. Lasch A., *Mittelniederdeutsche Grammatik (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte, A. Hauptreihe, 9)*. — 2. Auflage. — Tübingen: Niemeyer, 1974. — 286 S.
2. Lübben A., *Mittelniederdeutsche Grammatik: Nebst Chrestomatie und Glossar*. — Leipzig: T. O. Weigel Verlag, 1882. — 221 S.
3. Nybøle R. S., *Reynke de Vos: Ein Beitrag zur Grammatik der frühen Lübecker Druckersprache*. — Neumüster: Wachholtz Verlag, 1997. — 296 S.
4. Peters R., *Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen // Niederdeutsches Wort 27*. — Münster: Aschendorff Verlag, 1987, S. 61-93.
5. Peters R., *Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen // Niederdeutsches Wort 28*. — Münster: Aschendorff Verlag, 1988, S. 75—106.
6. Peters R., *Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen // Niederdeutsches Wort 30*. — Münster: Aschendorff Verlag, 1990, S. 1—17.
7. *Reynke Vosz de olde, nyge gedruket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert* — Rostock: L. Dietz, 1539. — CCLXXII Bl.
8. *Sodmann T., Reynke de vos, Lübeck 1498. Faksimile der Wolfenbütteler Inkunabel*. — Hamburg: Kötz, 1976. — 242 Bl.
9. Temmen M., *Das „Abdinghofer Arzneibuch“: Edition und Untersuchung einer Handschrift mittelniederdeutscher Fachprosa*. — Köln / Weimar / Wien: Böhlau Verlag, 2006. — 460 S.

2.3. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ТРЕХ ЯЗЫКАХ: АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ

Тухватуллина Индира Альбертовна

ст. преподаватель филиала КФУ в г. Зеленодольск

E-mail: tuhvatullina.indira@rambler.ru

Паремиология как филологическая наука нового времени ведет свой отсчет с XIX в. Она изучает паремии, которые привлекают внимание как фольклористов, так и языковедов, применяющих при этом литературоведческие и лингвистические методы исследования.

Фольклористы изучают в рамках паремиологии пословицы, прибаутки, присловья, скороговорки, загадки, побасенки, то есть малые фольклорные жанры.

Языковеды-паремиологи изучают пословицы, при этом следует иметь в виду, что объект внимания некоторых языковедов часто определяется ими как «пословицы и поговорки».

Пословица — жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом, в ритмически организованной форме («Что посеешь, то и пожнешь»).

Поговорка — широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, к которым они близки по своей форме, поговорки лишены прямого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления [1; 3]

Активное изучение пословиц началось в XX в. Во второй половине прошлого века исследование пословиц значительно продвинулось вперед, увеличилось число теоретических работ, посвященных этой проблеме, была намечена обобщающая теория, опираясь на которую, можно вести паремиологические исследования более конкретно, с разных исходных позиций. Вопросами паремиологии в нашей стране занимались известные ученые: М. А. Рыбникова, Г. Л. Пермяков, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, Ю. Е. Прохоров, В. П. Аникин, М. Ю. Котова и др. [5; 6; 8; 11]

Из зарубежных авторов можно выделить В. Мидера, Х. Касареса, А. Тейлора, Э. Штрауса и т. п.

Одним из мало изученных источников современного паремиологического фонда являются пословицы и поговорки метонимического характера.

Метонимия (от др.-греч. μετωνυμία — «переименование», от μετά — «над» и ὄνομα/ὄνυμα — «имя») — вид тропа; употребление названия одного предмета (явления) вместо названия другого предмета или явления на основании внешней или внутренней связи между ними.

Роль метонимии состоит в том, что при ее применении усиливается выразительность речи; этот троп свидетельствует о богатстве лексики. Предназначение метонимии заключается в восприятии связи нескольких понятий по смежности, часто не имеющих одного рода.

В данной статье будут рассмотрены лишь некоторые пословицы и поговорки (паремии) метонимического характера, которые являются, на наш взгляд, самыми интересными.

Итак, метонимические паремии в трех языках представлены несколькими группами:

1. паремии, в которых называется орган вместо функции, которую он выполняет:

An ox is taken by the horns, and a man by the tongue.

Язык мой — враг мой, наперёд ума лепечет.

Язык без костей: скажет и обратно спрячется.

Тел сөяксез (ни сөйләмэс).

Out of sight, out of mind.

С глаз долой — из сердца вон.

Күздән ерак — күнелдән ерак.

The face is the index of the mind.

Глаза — зеркало души.

Scratch my back and I'll scratch yours.

Рука руку моет.

Кул кулны юа, кул битне юа.

Во всех этих пословицах вместо целого употребляется обозначение его части — человека и человеческие качества заменяют действия и состояния, например, «языка», «глаз» и «рук».

2. паремии, в которых действие или его результаты заменены наименованием орудия этого действия. Например:

A light purse makes a heavy heart.

Хлеба ни куска, так в горле тоска.

Ач хәлен тук белмәс.

Money begets money.

Деньги к деньгам идут.

Акча акчаны ярата.
When wine is in wit is out.
Хмель шумит — ум молчит.
Аракы — шайтан сидеге.
He that has a great nose thinks everybody is speaking of it.
На воре шапка горит.
Каракның бүреге янар.
Many words hurt more than swords.
Слово пуще стрелы разит. Бритва скребет, а слово режет.
Бала күздән, адәм сүздән зыянлый.
Әйткән сүз — аткан ук.

- 3) паремии, где идет сравнение одних качеств объекта с другими:
Blood is thicker than water.
Кровь людская не водица.
Кан судан куерак.
An ounce of practice is worth a pound of theory.
Капля такта дороже потоков острословия.
Әйтер сузең комыш булса, әйтелмәгәне — алтын.

Пословицы и поговорки являются важнейшим материалом для изучения исторических событий, этнографии, быта и мировоззрения народа. Выдержав оценку временем, они органично слились с речью; всегда будут украшать ее остроумием, способностью метко и точно охарактеризовать все многообразные проявления жизни, придавая неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Отражая жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, пословицы передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические народные взгляды. Главное их назначение — давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение.

Список литературы:

1. Акимов Т. М. Русское народное поэтическое творчество / Пособие к семинарским занятиям / Учеб. пособие для пед. ин. — тов/Т. М. Акимов, В. К. Архангельская, Б. А. Бахтина. М.: Высш. шк., 1983. — 208 с.
2. Бреева Л. В. Универсальное и национальное в английской фразеологии. В сб.: Филология. Изд-во Саратовского университета, 1999. Вып. 4.
3. Буковская М. В., Вяльцева С. И., Дубянская З. И., Зайцева А. П., Биренбаум Я. Г. Словарь употребительных английских пословиц. — М.: Просвещение, 1985. — 234 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М.: ННН, Эксмо-Пресс, 2000. С. 16.

5. Пермяков Г. А. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. — 240 с.
6. Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология / Н. С. Арапова, Р. С. Кимягарова и др. — М.: Цитадель, 1999. — 336 с.
7. Словарь современных английских и русских пословиц и поговорок. — Самара: Парус, 1998. — 120 с.
8. Снегирёв И. М. Обзорение пословиц / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю. Г. Круглова. — М.: Высшая школа, 2003. — С. 133—140.
9. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление. Словообразование, этимология / И. М. Баш, А. В. Бобров и др. — М.: Цитадель-трейд, 2003. — 960 с.
10. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 184 с.
11. Шевырёв С. П. Пословицы русского народа / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю. Г. Круглова. — М.: Высшая школа, 2003. — С. 148—149.
12. Collins V. H. A book of English Proverbs. Greenwood press, 1974.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ПОНЯТИЕ РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКЕ

Кобозева Мария Андреевна

канд. филол. наук, сотрудник каф. МК СГУ, г. Ставрополь

E-mail: anna.tro2011@yandex.ru

Понятие речевой стратегии неразрывно связано с прагматической составляющей речевого общения, поскольку именно прагматические установки говорящего/пишущего, характер отбора языковых средств для достижения целей коммуникации, а также их соответствие общепринятым нормам речевого поведения составляют в комплексе те лингвопрагматические основания, на которых строится как само понятие речевой стратегии как совокупности определенных речевых действий, подчиненных определенным целям речевого общения. При этом очевидно, что в своем основании речевые стратегии строятся на общих прагматических принципах речевого общения, как они представлены в лингвистических исследованиях.

Одной из наиболее авторитетных теоретических работ, посвященных исследованию общих принципов речевого взаимодействия, является большая статья Г. П. Грайса «Логика и речевое общение» [1, с. 220], в которой разрабатываются теоретические основания лингвопрагматического описания речевых произведений с точки зрения их соответствия/несоответствия целям коммуникации и правилам речевого поведения.

Коммуникативная деятельность рассматривается Г. П. Грайсом как диалог, который представляет собой особого рода совместную деятельность его участников, «каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоих цель (цели) или хотя бы «направление» диалога» [1, с. 221]. При этом цель речевой коммуникации может быть эксплицитно задана с самого начала взаимодействия или же осознаваться участниками диалога в процессе его развертывания, и на каждом этапе диалогического процесса в ходе осуществления следующего коммуникативного шага происходит своего рода верификация коммуникативной уместности применяемых высказываний. На основании этих исходных посылок автор приходит к выводу, что общим для участников речевой коммуникации должен выступать соблюдаемый

ими принцип: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [1, с. 221], и этот принцип Г. П. Грайса называет Принципом Кооперации.

Изложенный принцип и его основания самым непосредственным образом связаны со стратегиями речевого поведения, поскольку именно общие цели коммуникации определяют их выбор как средство достижения этих целей. Принцип Кооперации Г. П. Грайса более подробно может быть прокомментирован следующим образом. Отсроченность ответной реакции адресата на произведение научно-публицистического дискурса определяет особенности достижения целей в таком виде коммуникации: с одной стороны, автор научно-популярной статьи неизбежно учитывает фактор адресата при ее написании, то есть выстраивает ее форму и содержание таким образом, чтобы достичь возможно полного ее понимания читателем; с другой стороны, читатель, имея целью получение некоторого научного знания и понимая, что восприятие и понимание статьи может представлять определенную сложность, тем не менее принимается за чтение, изначально предполагая, что ему придется приложить некоторые дополнительные усилия для понимания материала. То есть в данном случае мы наблюдаем именно такое поведение коммуникантов, которое и должно регулироваться Принципом Кооперации: вклад автора научно-популярной статьи состоит в том, чтобы в доступной форме донести до читателя определенный фрагмент научного знания; вклад адресата-читателя состоит в том, чтобы приложить некоторые дополнительные усилия для понимания материала.

При этом совершенно очевидно, что само речевое произведение научно-публицистического дискурса, например научно-популярной статьи, должно быть организовано таким образом, чтобы удовлетворять специфических целям такого рода коммуникации, и стратегии речевого поведения определяют выбор языковых средств для достижения этих глобальных целей. С другой стороны, само применение речевых средств сообразно целям коммуникации следует рассматривать как реализованные в тексте речевые стратегии. То есть стратегии речевого поведения могут рассматриваться, с одной стороны, как избранные автором правила применения конкретных языковых средств для достижения конкретных коммуникативных целей, с другой стороны, как само применение этих языковых средств в тексте.

В статье Г. П. Грайса «Логика и речевое общение» содержатся также более конкретные, нежели сам Принцип Кооперации, постулаты речевого общения. Постулаты речевого общения автор разделяет на четыре категории: постулат количества, постулат качества, постулат отношения, или релевантности, и постулат способа [1, с. 221]. Соблюдения постулата

количества требует, чтобы в речевом сообщении содержалось столько информации, сколько ее требуется в соответствии с целями общения; постулат качества требует, чтобы автор сообщал то, что он сам не считает ложным; постулат отношения требует, чтобы говорилось только то, что имеет отношение к теме общения; постулат способа требует, чтобы сообщение облекалось в доступную для понимания языковую форму, исключающую неоднозначные толкования.

Автор статьи изначально выдвигает положение, согласно которому речевая коммуникация, учитывая разнообразие ее целей и форм осуществления, предполагает коммуникативно обусловленные нарушения этих постулатов, результатом которых выступает появление имплицитных смыслов в языковых выражениях.

В отношении целей научно-публицистического дискурса о выдвинутых Г. П. Грайсом постулатах речевого общения следует сказать следующее. С одной стороны, для трансляции научного знания автор должен строго соблюдать выдвинутые Г. П. Грайсом постулаты речевого общения, с другой стороны, трансляция знания должна осуществляться такими способами, которые сделали бы материал доступным для неподготовленного читателя или отчасти подготовленного, что требует применения экспрессивно-образных средств и других речевых приемов, предполагающих конвенциональные нарушения постулатов речевого общения Г. П. Грайса.

Таким образом, автор научно-популярной статьи преследует две разнонаправленные цели, что предполагает применение специфических стратегий речевого общения в научно-публицистическом дискурсе.

Данный момент общей теории речевых стратегий представляется особо значимым поскольку в основе речевых стратегий автора научно-популярной статьи в первую очередь должно рассматриваться соотношение знаний автора и знаний адресата, точнее соотношение транслируемых автором научных знаний и совокупностью научных знаний адресата, выступающих базовым когнитивным основанием для адекватной интерпретации научно-популярной статьи. Очевидно, что автор научно-популярной статьи располагает большим багажом знаний по освещаемой теме, чем среднестатистический читатель научно-популярного журнала, на которого он ориентируется. При таком положении дел автор научно-популярной статьи при стратегическом планировании должен учитывать эту разницу и при создании текста применять такие речевые действия, или коммуникативные ходы, и такие содержательные единицы дискурса, чтобы адресат имел возможность беспрепятственно или при соразмеримых мыслительных усилиях понять текст. То есть ввод темы дискурса должен быть максимально адаптирован под когнитивные возможности адресата.

Список литературы:

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. — Вып. XVI. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217—237
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
3. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. — М.: Едиториал, 2004. — 288 с.
4. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16: Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 419—438.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА С ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕКИПЧАКСКОГО ЯЗЫКА

Куркебаев Кенжетай Курманбаевич

канд. фил. наук, доцент КазНУ им. аль-Фараби,

г. Алматы, Республика Казахстан

E-mail: kenje69@mail.ru

Кипчаки — это уникальное мощнейшее тюркское государство, встряхнувшее весь мир, внесшее собственный вклад в мировую цивилизацию, культуру и историю, в свое время X-XIII в. занимавшее необъятную территорию, начиная от Восточной Европы и Дуная до Центральной Азии, побережья Азовского моря, Крыма, Северного Кавказа, Египта, вплоть до Китайской стены. Данное утверждение подтверждает и весьма известный в кругах тюркологов, кипчаковедов ученый-историк Мурад Аджи: «К концу V века, кипчаки заселили пол-Европы и всю Центральную Азию. Тюркская речь заглушала на Евразийском континенте любую другую. Тюрки были самым могучим и многочисленным народом мира... На Идели (Волге) встретились культуры Востока и Запада. Благодаря усилению кипчаков древний мир соединился в единое пространство, которое называли Евразией» [1, с. 75].

Иметь дружеские отношения с кипчаками, ставшими настоящим символом героизма и смелости, воинственности на исторической сцене того периода, стало несбыточной мечтой для многих государств Европы, русских князей, а также аристократов горы Кап. Для того, чтобы получить эту возможность, главы различных государств стремились создавать с кипчаками политические союзы и военные объединения, развивать

родственные отношения, выдавая своих дочерей за кипчаков и беря в жены кипчакских девушек [2, 4]. Известны случаи, когда различные государства буквально прибегали ко всяческим ухищрениям, лишь бы кипчаки не напали на них, а, когда было необходимо, опирались на их военную мощь и воинственность, используя ее в целях регулирования своих внешних и внутренних политических ситуаций. Кипчаки господствовали на данных землях не только политически, они создавали собственные крупные духовно-культурные центры, провозглашавшие традиции предков, язык, религию [1, с. 167].

В таких культурных центрах этнический менталитет и миропонимание, этнический язык и этническое сознание, этническая мораль и обычаи, литература и искусство кипчаков развивались большими темпами. Особое культурное развитие кипчаков получило в период господства над «всеми четырьмя сторонами света» государства Золотой Орды.

Это верно было подмечено Неджимом Э.: «Арабские и персидские историки, побывавшие в Золотой Орде, сообщают о многих ученых, писателях, богословах и поэтах, которые жили на территории Золотой Орды, занимались научной и литературной деятельностью. Ныне обнаруженные памятники материальной и духовной культуры Золотой Орды подтверждают высокую культуру всех центров» [3, с. 29].

Именно в этот исторический период X—XIII в.в все больше стала расширяться зона применения кипчакского языка и общественная потребность в нем. То есть, и в период с XI века до монгольского нашествия, и в период правления мощнейшего государства Золотой Орды кипчакский язык широко применялся на уровне международного языка, что подтверждается в письменных источниках ученых и путешественников, востоковедов Европы, арабских ученых и т. д. Даже то, что сами монголы-захватчики говорили на этом языке, ассимилированные местными кипчаками, что народы, проживавшие на территории Египта, Шама, Индии, Кавказа, также разговаривали на кипчакском языке, говорит о политическом господстве кипчаков на тот исторический период. Все приказы и указы ханов Золотой Орды, письма различного содержания, записки арабских ученых и султанов Египта, историко-филологические и правовые труды армянских кипчаков, захвативших земли Грузии и Армении, памятники индийских султанов были написаны на кипчакском языке [2, с. 95].

В качестве доказательства могут служить такие научные труды о кипчакском языке, написанные различной графикой, как «Кодекс Куманикус», «Китаб аль-Идрак ли-лисан аль-атрак», «Герджуман тюрки уа гараби», «Китаб ад-дурра аль-мудийа филлугат ат-туркийя», «Ат-тухфат аз-закия филлугат ат-тюркия», «Китаб булгату ал-муштак фил лугати ат-туркия ва-л кыфчак» Абу Хайяна, «Китаб Булгат аль-

муштак фи-лугат ат-турк» Жамалладина ат-Турки, «Ашшудур ад-дахабия уа-л-кита аль-ахмадия лугат ат-тюркия» Молла ибн Салиха, а также «Слово Дана Хикара», «Армянско-кипчакский молитвенник», «Письмо правителя», написанные на армянско-кипчакском языке, а также словари различных жанров, которые еще мало изучены. Также ученые не раз доказывали, что язык таких произведений, как «Мухаббат-намэ» Хорезми, «Гулистан би-тюрки» Сайф Сарая, «Хусырау-Шырын» Кутуба, «Нахдж аль-Фарадис» Махмуда бин-Али, которые были написаны на территории государства Золотая Орда, является кладезем с преимущественным наличием в нем элементов огузско-кипчакского языка [3, с. 89].

Тем не менее мы не можем утверждать, что в современной тюркологии язык вышеназванных письменных памятников с богатым лексическим фондом древнекипчакского языка разносторонне и полностью исследован. К примеру, польский ученый А.Зайончковский говорит следующее о памятнике «Тарджуман тюрки»: «Тарджуман тюрки» относит к числу «старейших словарей» или «письменных памятников арабско-тюркской (кипчакской) лексикографии из государства мамлюков» и отмечает, что «издания Хоутсма доступны нам только по типографическому изданию без факсимиле, а значит — и без возможности контроля по уникальной лейденской рукописи» [4, с. 86] — он предложил доработать перевод и транскрипцию данного исторического наследия на немецком языке, впервые введенный в научный обиход М. Т. Хоутсманом.

В исторической и лингвистической науках до сих пор остается открытым вопрос и проводятся дискуссии по поводу того, кем на самом деле были кипчаки: то ли они являются ассимилированными армянами общины, придерживавшейся армяно-григорянской ветви христианства и говорящей на кипчакском языке, то ли это кипчаки, в совершенстве овладевшие языком другого народа. Ученый С. Кудасов, не говоря о недостатках транскрипции произведения «Слово Дана Хикара», написанного на древнеармянском языке и переведенного на кипчакский, указывает на некоторые недостатки в тексте, на кипчакском языке, переведенного с сирийского, арабского, греческого, армянского, славянского вариантов, которые в свою очередь были переведены с оригинала: «Вариация произведения на армянском языке несколько короче сирийского, арабского вариантов, а на кипчакский язык были переведены только слова-наставления Хикара» [5, с. 84]. Как ни крути, но в тот период большая часть кипчаков и армян, пострадавшие от монгольского нашествия, перебрались во Львов, Каменец-Подольск Восточной Европы, сама история явилась свидетелем того, как кипчаки изменили политико-экономический строй

Польского королевства, где они проживали сами [5, с. 32]. С древне-армянского языка переводились религиозные книги, художественные произведения, составлялись трехязычные польско-армянско-кипчакские словари, учебники по грамматике и велась летопись. То есть изучение множества древних памятников, написанных на различные темы, различной графикой на армяно-кипчакском языке и внедрение их в научный обиход кипчаковедения является актуальной проблемой на сегодняшний день.

Говоря о языковых особенностях памятников, написанных в средневековье на кипчакском языке, не вызывают сомнений, что лексический фонд древнекипчакского языка берет начало от древнетюркской и среднетюркской лексики, принимает заимствованные слова из этнических групп, в которых проживают и развиваются кипчаки. В тюркологии давно уже доказано, что элементы древнекипчакского языка тесно взаимосвязаны с казахским, ногайским, каракалпакским, кумыкским, карачаево-балкарским, татарским, башкирским языками, относящиеся к современной кипчакской группе языка [6, с. 15].

Этноним кипчаков, господствовавших в этих регионах в политико-экономической, культурной, идеологической жизни, часто встречается в тюркологии в различных вариантах. Это тесно связано с географическим их месторасположением и коммуникативными особенностями местного населения. К примеру, кипчаков, населявших Западную Европу и Восточную Азию называли «*Деит-и-Кипчак*», в Европе они назывались «*куманами*», на российской земле их называли «*половцами*», в Египте и Сирии — «*мамлюки*», а в Армении, Грузии, на Украине и в Польше — «*армяно-кипчаками*».

Основной словарный фонд и словарный состав древнекипчакского языка берет начало от саков и гуннов, впитав в себя словарный состав языка древнетюркских племен, руководствуясь письменными традициями средневековья, пережив экстралингвистические и интралингвистические явления в период распада отдельных языков, сохранил лингвистическую взаимосвязь в фонетической системе, лексическом составе, морфологическом составе, синтаксическом строе с языками современной кипчакской группы. Хотя кипчаки и входили то в состав государства Золотой Орды, то в состав Кавказа, то в Европе, некоторые кипчаки даже населяли Египет, но многие слова и наименования из лексического состава древнекипчакского языка, несмотря на лишь некоторые фонетические особенности и различия, все же сохранили свою основную форму и лексическое значение, что конкретно доказывает приведенная ниже таблица с примерами из письменных источников.

Таблица № 1

«Codex Cumanicus»	«Терджу ман тюрки»	«Китаб аль-идрак ли-лисан аль-атрак»	«Слово Дана Хикара»	Казахский вариант
<i>Ағач</i>	<i>Ағач</i>	<i>йығач</i>	<i>Ағач</i>	<i>Ағаш (дерево)</i>
<i>Чичек</i>	<i>Чечек</i>	<i>Чічек</i>	<i>Чічак</i>	<i>шешек, (гүл) бәйшешек (цветок)</i>
<i>Топрақ</i>	<i>Топрах</i>	<i>топрақ</i>	<i>Топрах</i>	<i>Топырақ (почва)</i>
<i>Оғул, оғул</i>	<i>Оғлан</i>	<i>оглан</i>	<i>Оғул</i>	<i>Ұл (сын)</i>
<i>Ев, Өв</i>	<i>Еб</i>	<i>Ев</i>	<i>Өв</i>	<i>Үй (дом)</i>
<i>Өтмек</i>	<i>Етмек</i>	<i>Етмек</i>	<i>Етмак</i>	<i>Нан (хлеб)</i>
<i>Йүзүрт</i>	<i>Йагурт</i>	<i>Йагурт</i>	<i>Йүзүрт</i>	<i>Құрт (молочный продукт)</i>
<i>Сатуғчы</i>	<i>Сатчы</i>	<i>Сатычы</i>	<i>Садуш</i>	<i>Сатушы (продавец)</i>
<i>Кийік</i>	<i>Кейік</i>	<i>Кейік</i>	<i>Кийік</i>	<i>Киік (сайгак)</i>
<i>Төве</i>	<i>Теве</i>	<i>Деве</i>	<i>Теве</i>	<i>Түйе (верблюд)</i>
<i>Тавуқ</i>	<i>Дағық</i>	<i>Тағуқ</i>	<i>Тақағу</i>	<i>Тауық (курица)</i>
<i>Көгүрчін</i>	<i>Көверчін</i>	<i>күгерчін</i>	<i>Күчгүрчін</i>	<i>Көгершін (голубь)</i>
<i>Қарлығач</i>	<i>Қарлағач</i>	<i>Қарлағуч</i>	<i>Қарлығ ач</i>	<i>Қарлығаш (ласточка)</i>

Обратим внимание на приведенные примеры, как мы видим, среди всех слов особо выделяется слово современного казахского языка **нан** — **хлеб** по звуковому составу. В древнетюркских, среднетюркских письменных памятниках и в языке древних кипчаков, огузов, карлуков, проживавших в различных регионах, вместо заимствованного из персидского языка слова **нан** — **хлеб** широко применялось древнетюркское слово **етмек**. Например, *Күндуз у кеча тийілмедім өвратмахтан тойдурдум аны ус у ахыл біле нечік кім еса сүдан да етмактан тойгай* «Ертелі-кеш үйретуден тыйылмадым, оны ес-ақылға нан мен судан тойғандай тойдырдым — Я не переставал обучать его с утра до вечера, я дал ему столько знаний, сколько хлеба и воды он испил» (Слова Дана Хикара) [5, с. 47].

Архетипический корень слова етмек является глагол **ет**, имеющий значение «делать, создавать». А аффикс —мәк — это один из непроизводных суффиксов, образующего от глагола имя существительное. Таким образом, производная основа слова **етмәк** широко применялось до заимствованного персидского слова **нан** и является древним исконно тюркским наименованием.

Если мы обратим внимание на фонетические свойства слов древнекипчакского и казахского языков, приведенных в таблице, то заметим, что в письменных памятниках древнекипчакского языка в средние века часто применялся звук ч, который соответствует звуку ш в казахском языке и лишний раз доказывает взаимосвязь кипчакского языка с казахским. В качестве примеров можно привести следующие

слова: *чиче — шеше, чечек — шешек, үч — уш, чыбын — шыбын, чүбрек — шүперек*, где звуки **ч** ~ **ш** чередуются.

Сравнивая многие фразеологизмы древнекипчакского языка с их вариантами в современном казахском языке, можно обнаружить их близкое сходство в значениях, так и в формах выражения. Например, *Оғулм теңриниң буйрухуна дайме хулах хой*. «Ұлым, тәңірінің бұйрығына дәйім құлақ қой — Сын, всегда слушай Бога» (Слово Дана Хикара) [5, с. 47]. Древнекипчакский фразеологизм *хулах хой* в современном казахском языке употребляется в форме *құлақ сал — слушайся*.

Также сравнивая лексико-семантическое соответствие многих слов современных тюркских языков элементам древнекипчакского языка, посредством этимологического анализа можно определить генезисный корень для того, чтобы доказать взаимосвязь значений слов данных языков.

Например, в древнекипчакских письменных памятниках в значении слова «эйел — женщина» употреблялось **ебчи**. Об этимологии данного слова в словаре Э.Севортяна говорится следующее: корень **ев** в древнетюркском языке имеет значение «үй — дом». А словообразующий суффикс *-чы, -чі* в древнетюркском языке обозначает исполнителя какого-либо действия [7, с. 137]. То есть значение данного суффикса в древних памятниках в семантическом плане соответствует словообразующему суффиксу *-шы, -ші*, который в современных тюркских языках обозначает принадлежность к определенной профессии, специальности. Таким образом, производное слово **епчи** в древнекипчакском языке имеет значение «человек, который содержит дом». Это слово в различных фонетических вариантах встречается в системе таких тюркских языков, как хакасский, тувинский, шорский, киргизский.

Слово «сыыр — корова» в современном казахском языке также встречается в древнекипчакских памятниках в виде **сығыр, инэк**. Об этом М. Мусаев писал: «...что из двух основных названий коровы в тюркских языках одно — *сыыйр* занимает единую территорию, охватывающую в основном кыпчакские языки. Другое название — *инек* не образует сплошной территории, а имеет большой территориальный разрыв» [8, с. 287]. Так, если северно-западная группа тюркских языков употребляла слово *сыыйр*, то слово *инек* употреблялось в восточных и южных регионах, тесно взаимосвязанных с монгольским языком.

Говоря об этимологии слова *инэк*, то обнаруживаем, что корень его **иңэк** встречается в древнетюркском языке. Если мы обратим внимание на семантику слова *иңэк* в языке древних памятников, то обнаружим, что оно употребляется в значении самки животных. Например, в словаре М. Кашкари слово *иңэк* имеет значение «самка черепахи». Рассматривая исконные корни и семантическую валентность данных однокоренных слов, опираясь на принцип родства значений этих слов, то вполне возможно, что и слово *иңген*, в современном казахском языке имеющее значение самка верблюда, восходит к данным корням.

А. М. Щербак предполагает, что корень слова *инэк* в значении «ана, шеше — мать» нужно рассматривать во взаимосвязи со словом *инэ, эне* [9, с. 287]. На самом деле и древнетюркское и древнекипчакское слово **инэк** в семантическом плане созвучно, близко по значению с казахскими словами *ене, ана, инген*.

В среднетюркском языке наряду с персидским словом *гул* — *цветок* широко применялось и тюркское слово **чечэк**. Слово *чечэк* в «Диуане» употреблялось в значении *цветок*. Данное слово в современных тюркских языках употребляется в значении *цветок* и встречается в различных фонетических вариациях: азерб.яз. — *чичэк*, башк.яз. — *сәсек*, каз.яз. — *шешек*, алт., кум., тув.яз. — *чечек*, тат.яз. — *чэчэк*, тур.яз. — *сичэк*, чув.яз. — *чегек*. Слово *чечек*, встречавшееся в древнекипчакском языке, в современном казахском языке сохранилось в составе слова *бэйшешек* — *подснежник*, *цветок*, который расцветает ранней весной. Это слово можно поставить в один ряд со словами *бэйге, байрам*. Поскольку общий корень данных слов *бай/бэй* восходит к слову *пай* в значении «пир» в шорском и сагайском языках. Бэйге имеет значение «соревнование, победить на состязаниях», а чечек — «расцвести первым». Таким образом, слово *чечек* в древнекипчакском языке имеет значение «расцвести पहले всех цветов».

Корни, состоящие из одного слога и являющиеся основой общего лексического фонда, являются специфической особенностью не только тюркских языков, но и всех языков, принадлежащих общей алтайской группе. Данная особенность находит отражение и в древнекипчакском языке, затем в результате аффиксации корни, состоящие из одного слога, присущие языкам современной кипчакской группы, изменились и корни стали состоять из множества слогов (двух или трех слогов), что затем стало нормой для данных языков.

Подводя итоги, отметим, что этногенетический и глоттогенетический корень лексических параллелей с одинаковой формой и значением в памятниках, посвященных кипчакскому языку, написанных различной графикой и найденных на территориях Египта, Шама, Индии, Кавказа, Германии, Польши, Украины, России, является прямым доказательством взаимосвязи лексики древнекипчакского и казахского языков.

Список литературы:

1. Аджи. М. Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой степи. — М., 1999. — 230 с.
2. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Издание исправленное. — Алматы: Гьлым, 1995. — 296 с.
3. Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIY века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. — Алматы: Наука, 1975. — I часть. — С. 208.
4. Зайончковский А. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI—XVI вв.) // Вопросы языкознания». — 1967. — № 6. — С. 86.

5. Кудасов С. Ж. Кипчакский памятник на армянском языке «Язык слова Дана Хикара». — Алматы, 1990. — 118 с.
6. Құрысжанов А. Көне түркі жазба ескерткіштер тілі. — Алматы, 1979. — 480 б.
7. Севортян Э. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974. — 624 с.
8. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. — М., 1975. — 386 с.
9. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках.// Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961. — С. 11—13.

КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕКСТА

Яровенко Елена Александровна

ассистент, СФ БауГУ, г. Стерлитамак

E-mail: polina_daughter@mail.ru

Когнитивный подход к исследованию текста представляет собой чрезвычайно важную и актуальную проблему современной лингвистики, и основные причины этого могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, текст — это такой же объект лингвистического исследования, как и единицы других уровней и систем. Более того, текст является даже более важным, центральным объектом лингвистики, так как оно не является теоретическим конструктом, и существует точка зрения, что лингвистика могла бы избавиться от многих своих заблуждений, если бы начала как бы «с нуля», исследуя реально зафиксированные образцы текстов. Во-вторых, если ориентироваться на функциональный подход, то есть стремиться объяснять наблюдаемые явления, то при изучении текста (в отличие от составляющих меньшего размера) невозможно остаться в рамках внутриязыковых координат. Неизбежен выход в экстралингвистические сферы и поиск когнитивных, культурных и социальных объяснений, причём два последних типа объяснений, в конечном счёте, сводимы к первому, так как культурные и социальные факторы не могут влиять на текст иначе, чем через посредство когнитивной системы говорящего [6, с. 127].

В-третьих, одно из ключевых понятий когнитивной лингвистики *концепт* как сущность, прежде всего ментальная, изучается в связи с

процессами говорения и понимания как процессами взаимодействия психических субъектов — автора и читателя, следовательно, использование концептуального анализа естественно и для лингвистики текста [7, с. 3]

Когнитивное (или функционально-когнитивное) направление в изучении текста (в рамках антропоцентрического подхода) направлено на изучение текста в качестве основного компонента речемыслительной деятельности наряду со следующими составляющими её структуры: автор (адресант текста), читатель (адресат), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему воплотить свой творческий замысел. Художественный текст в свете когнитивной парадигмы осмысливается как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира [2, с. 30]. Семантическое пространство текста в рамках когнитивного подхода рассматривается как многокомпонентное ментальное образование, в формировании которого участвует, во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора структурированный набор языковых знаков, во-вторых, интерпретация текста читателем в процессе его восприятия. Как замечает А. И. Новиков, семантику текста составляет мыслительное образование, которое соответствует непосредственному результату понимания, существующему в виде той информации, которая возбуждается в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств, составляющих данный текст, а также той информации, которая привлекается для его понимания [8, с. 33]. Данная концепция семантики текста направляет внимание исследователя на две основных составляющих семантического пространства текста, а именно: 1) на когнитивный (понимаемый как информационно-смысловой) компонент его содержательной структуры, разбивающийся в свою очередь на два субкомпонента — денотативный и модальный [3, с. 70—71]; на сами когнитивный механизмы и концептуальные системы, лежащие в основе организации и структурирования информации и обеспечивающие функционирование языка и текста в процессе коммуникации, то есть передачу разных типов знаний посредством их активации в процессе речемыслительной деятельности человека.

Денотативное пространство текста было выделено в качестве его макрокомпонента для специального рассмотрения и анализа недавно. Для разработки проблемы его организации много сделали А. И. Новиков, Т. А. ванн Дейк, В. Я. Шабес. Терминология, которая в настоящее время используется при анализе денотативного пространства текста, заимствована из семантического синтаксиса, и это не случайно, так как в тексте обнаруживается координация между планами содержания предложения и текстового фрагмента, предложения и целого текста.

В. Г. Адмони по этому поводу замечает: «Поскольку между текстом и предложением существуют отношения целого и части, построения и его составляющих, типовые значения предложений, иногда лишь поднятые выше иерархической ступенькой абстракции» [1, с. 143]. Типовым значением предложения, его денотатом, принято считать ситуацию, в связи с этим именно понятие ситуации стало использоваться не только в качестве обозначения элементарного компонента содержания текста, но и в качестве инструмента познания самого текста. В то же время ситуационная семантика предложения и текста различаются и в качественном, и в количественном отношении, ибо текст — это множество ситуаций, иерархически организованных и в большей степени (по сравнению с предложением) охарактеризованных. А. И. Новиков определяет денотативную структуру текста как «динамическую модель ситуации, описываемой в тексте» и представляющую собой «систему денотатов, формирующуюся в мышлении» [8, с. 111].

Когнитивный взгляд на природу текстовых денотатов-ситуаций объясняет и обращение Т. А. ванн Дейка к ещё одному понятию семантического синтаксиса — понятию пропозициональных знаний [5, с. 73]. Особенности репрезентации ситуационной модели текста множеством пропозиций позволила Т. А. ванн Дейку ввести понятие семантической макроструктуры текста, характеризующей его семантическое содержание и напрямую связанной с набором пропозиций, выводимых из повествовательной структуры текста.

В концепции В. Я. Шабеса ценным является разграничение при исследовании текста категорий «сцена», «событие», «ситуация» [9, с. 14—17]. Ситуация понимается им достаточно традиционно; в отличие от неё сцена, по мнению исследователя, фиксирует воспринимаемый из объективной действительности или воспроизводимый из памяти конкретный фрагмент отражаемого движущегося мира, ограниченный рамками объёма внимания, цельностью, конкретностью. Событие — факт освещения общественной или личной жизни, который характеризуется инициальными и финальными состояниями (ситуациями) и предстаёт в тексте как когнитивно-семантическая структура.

Восприятие и понимание передаваемой в тексте информации базируется на общности концептов, категорий, правил и стратегий, организованных в концептуальные системы, которые Т. А. ванн Дейк называет фреймами [5, с. 16]. Наши знания о мире организованы в сознании в виде фреймов, которые являются не произвольно выделяемыми «кусками» знания, а представляют собой ментальные сущности, объединённые определённым концептом. Предполагается, что фрейм формируется как определённая структура сознания, соответствующая представлению о достаточно сложной ситуации или событии, в ходе повторного переживания одной и той же ситуации наблюдения за ней на основе моделей ситуации. Эти модели

выделяются Т. А. ванн Дейком в качестве основного типа репрезентации знаний: не абстрактных, а личностных знаний носителей языка, аккумулирующих их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Только на основе ситуационной модели мы можем определять истинность и ложность тех или иных фрагментов текста и выявить их связанность на локальном и глобальном уровнях.

Список литературы:

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. — С.-Пб.: Наука, 1994. — 154 с.
2. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург, 2000. — 533 с.
3. Герасимов В. И. Некоторые аспекты исследования семантической структуры высказывания // Проблемы лингвистической семантики. — М.: ИНИОН, 1981, с. 59—82
4. Дейк ванн Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста// НЗЛ, вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988, с. 153—211
5. Дейк ванн Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 311 с.
6. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу. // ВЯ, 1994, 5, с. 126—139
7. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика — Психология — Когнитивная наука. // ВЯ, 1994,4, с. 34—47
8. Новиков А. И. Семантика текста и её формализация. — М.: Наука, 1983. — 213 с.
9. Шабес В. Я. Событие и текст. — М.: Высшая школа, 1989. — 175 с.

АССОЦИАТИВНАЯ СТРУКТУРА КОСМОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Ордабекова Хафиза Арысбаевна

*канд. филол. наук, доцент, Университет имени Сулеймана Демиреля,
г. Алматы, Республика Казахстан
E-mail: hafiza_1975@mail.ru*

Московская психолингвистическая школа в начале 90-х годов приступила к формированию первой методологической базы этнопсихолингвистических исследований. В качестве основной проблемы таких исследований были взяты языковое сознание, этнокультурный характер понятия языкового сознания, особенности в национальном

сознании коммуникантов межкультурной коммуникации. Языковая система хранится и функционирует в языковом сознании людей. Для того чтобы описать лексико-семантическую связь слов семантического поля, этнокультурные особенности понятия языкового сознания, в этнопсихолингвистике применяется метод *ассоциаций*. В общей советской психолингвистике *языковое сознание* определяется как комплекс образов сознания, формирующихся с помощью единиц языка (слово, словосочетание, предложение, текст и ассоциативное поле). На сегодняшний день понятие *ассоциация* применяется не только в психологии, но и в других отраслях науки как комплексное понятие. К примеру, в таких новых направлениях языкознания, как психолингвистика, этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика, определено, что в изучении вопросов, связанных с психическими действиями людей, когда они воспринимают и познают реальную действительность посредством родного языка, а также при ее передаче, у них отмечается особая *ассоциативная деятельность* [2. с. 224].

Развитие и усложнение значений (абстрактизация) напрямую связано с мыслительной системой человека. *Ассоциация* — это связь между определенным объектом и явлением, основанная на индивидуальном субъективном опыте. В широком значении *ассоциацию* понимают как источник получения знаний, реализующихся на основе психических действий, которые применяются для познания сущности окружающего мира. Таким образом, различные изменения в значениях слов, а также явления, связанные с применением слов в прямом и переносном значениях, в концептуальной системе основываются на законе ассоциации в психологии. Исследователь Н. Айтова, проводившая подобные эксперименты по наименованиям цветов, пишет следующее: «Ассоциация способствует определению бытия представителей определенной нации, присущего данной нации, содержание субъективных и ситуативных знаний, влияние социальных явлений, а также ассоциативное поле, отражающее субъективную языковую картину мира» [1. с. 57]. Язык существует не только в обществе, он также существует и в сознании индивида. Взаимозависимость, относительность и упорядоченность языковой системы, существующей в сознании индивида, определяются на основе ассоциативного поля. Ассоциативный эксперимент проводится по системе *стимул (S) ~ реакция (R)*. Совокупность слов-реакций, придаваемых словам-стимулам, составляет ассоциативное поле. *Ассоциативное поле* — совокупность объединенных языковых единиц в отношении общности содержания понятийному, предметному и функциональному сходству. Оно объясняется в виде объединения относительно ассоциативных и актуальных слов. Ассоциативное поле представляет систему знаний, ассоциирующихся со словами-стимулами в определенной национальной культуре.

Насколько информация воспринимается человеческим сознанием при познании определенного понятия, настолько она сохраняется в памяти, затем отражается посредством языка свойственного данной нации. Изучая и познавая какую-либо действительность, для того чтобы донести сформированные в сознании ассоциации или понятия о данной действительности посредством языка, человек опирается на образовательные, культурные, духовные представления. Они отражаются в языковом фонде через лексическую, фразеологическую, паремеологическую структуры. Например, такие слова, как *смирность, кротость, обыденная жизнь, богатство, красота*, относящиеся к овцам, составляют простые ассоциации — стереотипы в национальном сознании казахского народа, а в познании поэтов-писателей источники ассоциативных знаний отражаются посредством изобразительных образов.

В настоящее время повысился практический уровень ассоциаций, все больше проводится ассоциативных экспериментов и различных практических исследований. Основной *целью* проведения ассоциативного эксперимента является наблюдение активности, влияния (реакции) на познание, познаваемость реальной действительности субъекта, наблюдение за собственным «я» субъекта. Благодаря данному эксперименту, можно познать культуру и жизненную практику субъекта. У каждого народа, нации, у каждого индивидуального субъекта имеются сложившиеся определенные стереотипы об окружающем мире, ассоциации в познании самого себя. Вместе они составляют ассоциативную систему любого слова в языке. Психологическая (ассоциативная) структура значения слов тесно взаимосвязана с внутренним лексиконом человека, который формируется в языковом сознании и который нужно понимать как системную организацию лексических значений в памяти человека.

В психологии и лингвистике имеются два вида систематизированных знаний. Эти два процесса взаимосвязаны друг с другом, поэтому образ сознания в психологии рассматривается в качестве явления, состоящего из частей чувства и разума, где часть чувства формируется на основе познавательных действий, а часть разума, воспринимаемая информацию, представленную в речевом действии сознания субъекта, то есть в процессе осуществления языковой коммуникации, и на основе содержания воспринятой информации формирует новые знания. Такое традиционное деление системы знаний относится к бытовому и рефлексивному уровню сознания по Выготскому Л. С. В данном случае бытовое сознание формируется в процессе познания предметной стороны мира, а рефлексивное сознание — в результате переобработки, переосмысления знаний на бытовом уровне. Через ассоциативный эксперимент отдельные социально-бытовые особенности, свойственные всякому этнокультурному сообществу, можно определить на основе приведенной выше системы знаний. Вместе с тем посредством проведения анализа вербальных ассоциаций, получен-

ных в результате ассоциативных экспериментов, можно определить, каким образом воспринимается национальным сознанием картина мира, система ее мотивов и ценностей, культурные и социальные стереотипы.

Человечество с самых древних времен стремилось познать тайны окружающего мира. Люди всегда интересовались голубым небом, магическим и загадочным миром звезд. Различные тюркские народы, в том числе и казахи, в древние периоды с особым уважением и почтением относились к небесным телам, перед некоторыми даже преклонялись. Казахский народ с древних времен по-своему познавал тайны звездного неба, давал имена некоторым звездам, имел свое собственное представление о них. В народе сочинялись различные сказки, мифы, легенды. В данной статье мы рассматриваем национальный культурный компонент семантического значения, изображающего сформированные в языковом сознании казахского народа ассоциативные отношения, связанные с космонимическими наименованиями. Это необходимо прежде всего для изучения психологии народа, формирующего данный язык. В целом, в языке семантическая доля (а также национально-культурный компонент), входящая в состав *лексического фона*, не находит отражения в эксплицитной форме на протяжении всего слова. Сведения о лексическом фоне получают следующими способами:

- посредством ассоциативного эксперимента;
- отображение в лингвистических словарях только лексического содержания слова; отражение представленного в словарных статьях иллюстративного материала на основе лексического фона;
- собственный разъяснительный анализ форм, перешедших из одного национально-культурного сообщества в другое культурное сообщество;
- получение сведений через восприятие информации, использованной в скрытом виде в художественном тексте.

Для того чтобы выявить национально-культурный компонент значения слова, семантический строй лексического значения, в данной статье мы опираемся на материалы ассоциативного эксперимента. Хотелось отметить, что посредством проведения подобных экспериментов мы получаем возможность определить «семантическую близость» между словами. В качестве единицы измерения семантической близости за основу принимаются реакции, полученные на слова-стимулы, то есть схожесть ассоциантов.

В качестве основного способа методов исследования проводился *свободный ассоциативный эксперимент*. По инструкции требовалось на каждый предложенный стимул ответить словом, первым пришедшим на ум. Общее количество информантов, принимавших участие в эксперименте, — 50 (двадцать пять мужчин и двадцать пять женщин). Возраст принимавших в эксперименте участие информантов колебался у женщин от 22 до 60 лет, у мужчин — от 22 до 65 лет. Все участники эксперимента

имели высшее образование, являлись специалистами в гуманитарной сфере. Так как ассоциативный эксперимент проводился в свободной форме, была составлена таблица частотности в количественном и качественном отношении предложенных слов-реакций на слова-стимулы.

Таблица частых и индивидуальных ассоциаций, составляющих ассоциативное поле, связанных со словами-стимулами *Большая Медведица, Венера*:

Таблица 1

Таблица частых и индивидуальных ассоциаций

№	Большая Медведица	Количество слов-реакций	Венера	Количество слов-реакций
1	Звезда	21	Звезда	18
2	Ковш	18	Яркая звезда	16
3	Направление	15	Имя человека	14
4	Вор	11	Утренняя звезда	8
5	Семь звезд	9	Признак рассвета	6
6	Скопление звезд	9	Планета	5
7	Легенда	8	Утренняя Венера	5
8	Охранник	6	Красивая звезда	2
9	Планета	4	Рождение Венеры	2
10	Особая звезда	2	Девушка	2
11	Единство	2	Айман-Шолпан	1
12	Любовь	2	Венера	1
13	Яркая звезда	1	Нежность	1
14	Темная ночь	1	Чистота	1
15	Традиции предков	1	Звонкий смех	1
16	Священное число	1	Яркосияющая Венера	1
17	Хорошая примета	1	Надежда	1
18	Детство	1	Направление	1
19	Наименования дней недели	1	Красота	1
20			Любовь	1
21			Дедушка Шолпан	1
22			Священное место	1
23			Звезда сверху	1
24			Земля	1
25			Две звезды	1
26			Детство	1
27			Наподобие Венеры	1
28			Время	1
29			Предрассветное зарево	1

При анализе материалов проведенного ассоциативного эксперимента по количественным и качественным показателям сыграли большую роль индивидуальные особенности. Некоторые из участников ограничились только 1—2 ассоциациями и широко распространенными, знакомыми общенародными значениями (Большая Медведица — *звезда, ковш, направление*; Венера — *утренняя звезда, яркая звезда*), а некоторые опрашиваемые выдали индивидуальные ассоциации с высокой эмоциональной окраской, образными и расширенными видами ассоциаций, имеющие «значение лично для него», связанные с космономическими наименованиями: *звезда в виде ковша, любовь, священное число* (Большая Медведица); *надежда, чистота, нежность, любовь, детство, красота* (Венера).

Действия познания, восприятия окружающей среды осуществляются через чувственно-предметный (сенсорно-перцептивный) образ, каждый раз при глубоком и всестороннем изучении определенного объекта, для индивида раскрываются новые значительные признаки, таким образом создается ассоциативное поле, связанное с системой общенародных понятий с социальными свойствами. У объекта, познанного в результате этого, расширяется концептуальное значение, повышается его содержание. Тем не менее значимость некоторых признаков может как повышаться, так и уменьшаться.

А индивидуальной особенностью ассоциаций является актуализация любого понятия в сознании, относящегося к предмету, что связано, во-первых, с индивидуальным опытом субъекта, во-вторых, с его функциональной ситуацией.

В целом, в этнопсихолингвистике имеется несколько вариантов, сформированных при анализе результатов материалов, полученных на основе ассоциативного эксперимента. Такие виды анализа являются составной частью понятия ассоциации в этнопсихолингвистике.

Синатгматическая ассоциация:

Большая Медведица — звезда в форме ковша, звезда в форма поварешки, группа воров, семь звезд, группа звезд, скопление звезд, направление, особая звезда, священное число, хорошая примета, традиции предков, легенда, ночное время, чувство молодости, парень и девушка, детство, наименования дней недели.

Венера — имя девушки, женское имя, красивая звезда, яркая звезда, самая яркая звезда, утренняя звезда, утренняя Венера, звезда Венера, звонкий смех, предрассветное время, признак рассвета, утреннее время, яркосияющая Венера, рождение Венеры, взошла Венера, дедушка Шолпан, священное место, высокая звезда, моя Венера, две звезды, детство, утренняя заря, звезда, ярко виднеющаяся ранним утром.

Синтагматическая ассоциация является лексико-грамматической группой, описывающей предметные, действенные отношения в предикативном виде, изображающие в речи слова-стимулы.

Парадигматическая ассоциация:

Большая Медведица — направление, маршрут, компас, наблюдение; крепость, охранник, наблюдатель; согласие, единство; любовь, чувство, молодость, девушка, парень; ковш, поварешка; особенный, яркий; вор, кража, семь разбойников; священный, традиция, добро, примета.

Венера — утро, направление, маршрут, время.

Парадигматические ассоциации показывают связи слов-лексем в лексической и грамматической парадигме в сознании человека или в его памяти, то есть лексико-грамматическую, лексико-семантическую группу, свойственную словам-стимулам слов-реакций.

Национальная (метафорическая) ассоциация (социальные стереотипы, изображает переносные и символическое значения):

Большая Медведица — источник жизни, жизнь, вечность, светлый, словно солнце, солнце мое, свет мой, луч мой и т.д.;

Венера — мечеть, тайна, лунная ночь, чувство, любовь, красива, словно луна, яркая луна, луна моя, одеть луну вместо ожерелья и т.д.;

Разъяснительная или описательная ассоциация:

Большая Медведица — по легенде это семь разбойников, выкравших принцессу, указатель верного пути заблудившимся, на ум приходит песня: «Ну-ка посмотри, вон семь разбойников, ночью семь разбойников выходят на воровство», звезда, сразу бросающаяся глазам.

Венера — ранняя звезда, восходящая с рассветом, первая звезда, восходящая на небосклоне, яркая звезда, восходящая ранним утром, утренняя звезда.

Ассоциативная связь:

Большая медведица — ковш, поварешка, семь звезд, вор;

Венера — признак рассвета, Утренняя звезда, Венера, яркая звезда, Айман-Шолпан;

Устойчивые словосочетания:

Большая медведица — семь звезд, скопление звезд, группа воров, группа звезд;

Венера — утренняя звезда, утреннее время, звонкий смех, сияющая Венера, утренняя заря, две звезды, чувства молодости;

Реакции, основанные на ***ситуативных связях*** между обозначенными предметами: Большая Медведица — ночь, вор; Венера — утро, заря, яркая; полярная звезда.

Эмоционально-оценочная ассоциация:

Большая Медведица — крепость, наблюдение, охранник, согласие, единство, звезда, бросающаяся взгляду, особая звезда, священное число, традиции предков, компас на небе, любовь, чувство молодости.

Венера — утренняя звезда, самая яркая, нежность, красота, чистота, сияющая Венера, заря, звонкий смех, надежда, любовь, детство, священное место.

Таким образом, выявлено, что семантика космонимических наименований (*Большая Медведица*, *Венера*) имеют различные значения, каждое наименование состоит из совокупности нескольких понятий, считающихся общими и индивидуальными. А это лишний раз доказывает, что семантика слова подвергается изменениям в связи с историко-культурными, социальными преобразованиями. Материалы приведенного ассоциативного эксперимента доказывают, что у семантической структуры языковых единиц имеется психолингвистическая основа. Результаты эксперимента являются ценным материалом в описании семантических связей слов в языковой системе, хранящихся в языковом сознании носителя языка, определяющего понятие «ассоциативного поля» в психолингвистике. Анализируя материалы ассоциативного эксперимента, мы пришли к следующим выводам:

- когнитивно-семантическое поле наименований *Большая Медведица*, *Венера* в языковом сознании имеет концептное значение со многими смыслами, состоит из системы индивидуальных понятий, сформированных в устойчивом и ассоциативном виде;

- семантическое значение космонимических наименований является многогранной системой, состоящей из совокупности познавательных, метафорических, эмоционально-оценочных и ассоциативных отношений;

- выявлено, что сохранены элементы традиционного миропонимания, отражающегося в современном языковом сознании посредством устойчивых вербальных ассоциаций;

- половая принадлежность респондентов оказывает свое влияние на структуру ассоциативного поля. Во-первых, функциональная асимметрия строения мозга, особенности функционирования правого и левого полушарий оказывают влияние на манеру говорить у женщин и мужчин.

Список литературы:

1. Айтова Н. Когнитивная семантика наименований цвета в казахском языке: дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук: 10.02.02. — Алматы, 2005. — 126 с.
2. Психологический словарь // Под ред. Зинченко В. П., Мещерякова Б. Г. — М.: Педагогика—Пресс, 1999. — 440 с.

2.5. ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД. ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБНОСТИ МАШИННОЙ ПРОГРАММЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Назарова Ирина Павловна

канд. филол. наук, доцент КГУ ФК СТ, г. Краснодар

E-mail: Leto_eto_i@mail.ru

Практика машинного перевода связана с появлением компьютеров. Огромное значение имело выработанное Алексеем Ляпуновым и Ольгой Кулагиной теоретико-множественное представление грамматических категорий языка. Большую роль сыграли работы Игоря Мельчука по автоматическому грамматическому анализу. Обобщения и систематизация результатов математической лингвистики позволили создать стройную теорию формальных языков. Проблема заключалась в одном: аппарат теории формальных языков был очень хорош для искусственных языков, в частности для языков программирования, но не давал приемлемых результатов для анализа естественного языка и построения реальной системы машинного перевода.

Впоследствии сам Мельчук признал, что искусственные языки создаются так, чтобы было удобно манипулировать формальными конструкциями, описывающими «прозрачную» семантику, которая сводится, как правило, к конкретным действиям. В естественном языке есть нечто большее — буквальная семантика, с которой и связано понимание человеком текста. Понимание это может быть не таким уж простым даже для носителя языка и связано с мыслительными процессами. Поэтому для автоматического перевода надо уметь описывать смысл фразы, а не её формальную запись.

Система искусственного разума способна решать самые разные задачи, но главными из них всегда считаются: а) решение задач, б) принятие решений, в) распознавание объектов. Механизм распознавания образов использует так называемые эталонные образы, с которыми человек имеет дело в обыденной деятельности. Понятие «образ» здесь отличается от одноимённого психического понятия: это просто некоторое типовое родовое представление человека о группе видовых «предметов».

Для этого машине необходимо узнавать объекты и подводить их под те или иные категории. Этим и занимается прикладная лингвис-

тика. Её главная задача — моделирование речевой деятельности человека, анализ и синтез речи. Без участия человека выполнение подобных задач невозможно. Необходимо «общение» человека с машиной. С одной стороны, машина, восприняв заданный текст, на него определённым образом реагирует: а) отвечает на вопрос, б) принимает информацию к сведению. Но для того, чтобы осмыслить текст, надо прежде всего понять его.

Для восприятия текста машиной необходимо перевести его в структуру внутреннего представления, т. е. структурировать смысл текста. Для этого машина должна хранить множество знаний о мире. Задача крайне сложная: ведь знания, как известно, бесконечны. Выход один — ориентировать машину только на одну, узкую сферу знаний (математику, биологию и т. д.)

Сфера использования машинного перевода в настоящее время сведена к промышленному переводу.

Первая ассоциация, которую у многих вызывает словосочетание «искусственный интеллект», — автоматический машинный перевод и «понимание» устройством текста на естественном языке. Эту проблематику в последние годы всё чаще относят к особой научной дисциплине «компьютерная лингвистика», успехи которой кажутся призрачными: не желают компьютеры различать смысловые оттенки и выдавать красивые литературные переводы.

Питерским математиком В. Тузовым недавно была создана модель естественного языка. В модели Тузова сделана попытка свести задачу извлечения информации из текста на формальном семантическом языке во внутреннее представление базы знаний. В связи с этим можно заметить, что многие программисты занимаются созданием коммерческих продуктов в области обработки текстовой информации и не понимают, что некоторые задачи составления и пополнения словарей вполне алгоритмизуемы [1, 18—20; 157—159.]

Терминологические вопросы в полном объёме встают в связи с переводом научного и научно-технического текста (из книги, журнала, энциклопедии и т. д.), относящегося к той или иной области знания. Термины, как правило, в сколько-нибудь специальном тексте, частотны и играют в нём важную смысловую роль. Но так же, как и обычные слова, они могут быть многозначны, выступая в области техники или науки как названия различных вещей и понятий в зависимости от контекста. Это полисемантическое свойство термина, совмещение в нём нескольких специальных значений или значений специальных и общеобиходных, ставит перед переводчиком в сущности такие же задачи, как всякое многозначное слово, являющееся потенциальным носителем нескольких значений, из которых в контексте реализуется одно. Условием верного перевода, то есть выбора нужного перевода из числа тех, какие служат передачей термина подлинника в разных его значениях, является

правильное понимание того, о чём в контексте идёт речь, т. е. знание явлений действительности и их названий. При переводе научного и научно-технического текста в подавляющем большинстве случаев пользуются терминами уже готовыми, уже существующими в ПЯ в соответствующей отрасли научной литературы. Запас специальных научных (или научно-технических) знаний в данной области не может быть, конечно, заменён умелым использованием словарями, хотя и оно является необходимым. Основной предпосылкой правильного перевода является знание предмета о котором идёт речь.

Правда задачу разбора не вполне понятного подлинника иногда приходится решать переводчику научного текста, если последний далёк от его узкой специальности и если встречающиеся там термины новы, если им ещё нет соответствия в языке, на который делается перевод, и если они не отражены в словарях. Здесь филологическая образованность, знание корневых связей слова, анализ возможных значений термина в контексте могут принести практическую пользу, хотя, конечно, не могут заменить реального знания тех вещей явлений, о которых говорится в подлиннике. Так, образное значение, часто связанное с корнем слова-термина (особенно в английском и немецком языках), не играет в научном и научно-техническом тексте никакой самостоятельно смысловой (тем менее выразительной) роли. В немецком, отчасти в английском, языке эта образность технического термина даже более бросается в глаза читателю-иностранцу, чем немцу или англичанину, привыкшему к переносному значению того или иного корня и иногда оно даже сбивает с толку неопытного переводчика. Во всяком случае, буквальных образных соответствий в языке, на который делается перевод, переводчику необходимо избегать с тем, чтобы не допускать анекдотических ошибок.

Однако в известных случаях путём умозаключений, на основе вещественных значений корня данного слова в связи со всем контекстом можно прийти к верному решению, найти нужные слова. Правильное понимание иноязычного термина означает и возможность правильного выбора слова для его перевода. Следовательно, так же, как и при передаче политических терминов газетного текста, окончательный выбор варианта определяется не только требованиями смысла, но и терминологией, установившейся в ПЯ.

Независимо от того, с какого ИЯ делается перевод, принципы научного стиля в ПЯ являются решающими при выборе вариантов для передачи отдельных слов (в том числе терминов), фразеологии и синтаксических оборотов. Это относится и к тем случаям, когда переводчик сталкивается впервые с новым иноязычным термином, ещё не отражённым в словарях, ещё не встречавшимся в других текстах, требующим и точной расшифровки путём логико-лингвистического анализа данного слова и его связей с контекстом и построения точного однозначного соответствия (хотя бы в форме расширенного словосочетания).

Одной из важных практических задач перевода терминов в научном тексте является правильный выбор варианта в тех случаях, когда для иноязычного термина существуют два соответствия в виде: 1) слова родного языка и 2) слова заимствованного.

1. Заимствования оправданные и полезные, т. е. а) такие, которые не могут быть заменены словами родного языка, уже вошедшие в его словарный состав (например слова интернациональные в первую очередь), и б) такие, которые, имея лишь неполные синонимы в данном языке, вносят в выражаемое ими понятие особый уточняющий оттенок (например, слово «артикуляция» как фонетический термин, означающий работу органов речи по производству звука и неравноценный слову «произношение» или «произнесение», поскольку последнее шире по смыслу).

2. Заимствования, допустимые в условиях определённого контекста в силу их большей краткости, чем соответствующие синонимические средства родного языка, или необходимость в синонимической вариации: имеются в виду такие случаи, когда одно заимствованное слово может служить заменой целого словосочетания родного языка и в силу этого представляет преимущество большей компактности.

3. Заимствования ненужные, избыточные, затрудняющие понимание смысла — поскольку имеются термины родного языка, означающие в точности то же понятие и отличающиеся той же степенью краткости.

Выбор переводчиком одного из вариантов — русского или заимствованного — для передачи соответствующего по смыслу слова подлинника не остаётся делом вкуса или случайного пристрастия, а выражает его отношение к возможностям языка. Разумеется, один случай выбора того или иного варианта ещё не является решающим, а важна сама система, которой следует переводчик (равно как и оригинальный автор научного текста), придерживающийся в целом той или иной тенденции. При этом имеет значение и степень принятости заимствованного термина — даже при наличии русского синонима: так, в теории перевода уже привился термин — «константное соответствие» (при наличии слова «постоянное»); в математике общепринят термин «аппроксимация» вместо «приближение», и т. д.

Когда мы говорим о научном тексте в широком смысле (имея в виду, конечно, и научно-технический материал), то мы должны помнить, что само по себе понятие научного или научно-технического текста не представляет собой что-либо единое, а распадается на ряд разновидностей. Если общим для всех этих разновидностей является наличие терминов, более или менее трудных для расшифровки и перевода, то различными оказываются 1) степень насыщенности терминами и 2) синтаксическое оформление текста. С этой точки зрения, следует различать текст из общей энциклопедии, текст из техни-

ческого справочника, текст из специальной технической монографии, текст из технического учебника, большей частью близко совпадающий в стилистическом отношении с текстом энциклопедии или справочника, популярную книгу или статью по технике или точным наукам, литературу по гуманитарным наукам, где различие между учебником и монографией или специальных статей уже менее резко и т. д. Эти виды текстов имеют свои особенности, которые также можно назвать жанрово-стилистическими.

Текст из энциклопедии, текст из учебника или научной книги обычно отличаются связным изложением, наличием не только полносоставных, но и распространённых и сложных, порою весьма развёрнутых предложений. Текст из технического справочника часто содержит предложения назывные, т.е. не имеющие в своём составе сказуемого, и целые отрезки, строящиеся на перечислении. Все эти разновидности, ровно как и рассмотренный выше газетно-информационный материал, объединяются понятием стиля, чуждого эмоциональной окраски и книжно-письменного по своему характеру.

Стиль научного текста даёт переводчику очень широкие синтаксические возможности: поскольку предложение здесь не играет самостоятельной стилистической роли, постольку при переводе на другой язык в весьма широких границах возможны всякого рода грамматические перестройки и синтаксические перегруппировки, вплоть до разбивки предложения на более мелкие части, сочетание более мелких частей в одно целое, соединение одной части, сочетание более мелких частей в одно целое, соединение одной части предложения с частью другого и т. п.

Разумеется, в разных языках размеры предложения научного (и научно-технического) текста различны. Так, в английском языке среднее, обычное предложение научного текста («академического характера») не выделяется своей длиной, тогда как в немецком языке часты предложения длинные и сложные по своей структуре. Однако, как при переводе с немецкого, так и с английского на русский постоянны и закономерны значительные отступления от грамматической, в частности, синтаксической структуры подлинника, в соответствии с нормами русского языка. [2]

Список литературы:

1. Проблемы прикладной лингвистики // Д. М. Безруков, с. 18—20; М. В. Мефлекс, с. 157-159. — Пенза, 2007.— 239с.
2. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов фак-тов иностранных языков. Учебное пособие.-5-е издание.-СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. — 416 с.

**ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Часть I

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

16 апреля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 23.04.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,75. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3